

RD1062 42295

на
За

Большая игра

«Никогда она не говорила ни одному
мужчине, что он ей нужен.
Потому что ни один из них
до сих пор не был ей нужен».

Русский романс

Татьяна
Устинова

Большая игра

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
У80

Серийное оформление Е. Волченко

*В оформлении книги использованы фотоматериалы
Романа Горелова и Сергея Мамонтова*

Подписано в печать 21.02.2003. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 20000 экз. Заказ № 4376.

Устинова Т.

У80 Большая игра: Роман / Т. Устинова. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 317, [3] с. — (Русский романс).

ISBN 5-17-017425-X

Молоденькая и безжалостно-жесткая журналистка Лидия привыкла делать карьеру «на костях новых русских». И разоблачительная статья о блестящем юристе Егоре Шубине — всего лишь очередной ее шаг на «пути вверх»...

Никогда — и ни за что! — не заподозрила бы Лидия, что именно Егор, человек, который должен был люто ее возненавидеть, станет для нее СУДЬБОЙ. Станет счастьем и смыслом существования, страстным возлюбленным — и первым мужчиной, который заставит ее почувствовать себя ЖЕНЩИНОЙ, желанной, обожасмой и защищенной...

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Все готово.

Большая игра начнется завтра, и к ней все давно готово. Готовы документы, бумаги, люди, которые должны оказаться в нужное время в нужном месте. Выверены и согласованы все детали, даже самые мелкие. Предусмотрены любые неожиданности. На этот раз все должно пройти без сучка без задоринки. Никто не узнает, кто заварил эту кашу, а бороться вслепую так же глупо, как тушить лесной пожар минеральной водой из бутылки.

Завтра. Наконец-то.

Хорошо, когда все наконец готово и точно известно не только когда и как начнется *большая игра*, но и когда и как она закончится. В ежедневнике была отмечена еще одна дата — двадцать пятое декабря. Очень хорошая дата. Просто отличная дата, и выбрана не просто так, а с совершенно определенным смыслом.

Новый год будет новым во всех отношениях.

Основные участники *большой игры* останутся в старом году навсегда. Для них двадцать пятое декабря — идиотский слюнявый западный праздник, которым все так упиваются в последнее время, — не кончится никогда.

Они умрут в Рождество.

Разве не забавно?

Ну вот, опять!

Кто-то что-то, как всегда, прошляпил, а она должна спасти положение, пропади оно все пропадом! Разве она виновата, что гениальный корреспондент с много-

значительным именем Гриша Распутин опять запил, или закурил, или что там у них принято, у наркоманов?..

Она в сердцах лупила по клавиатуре, и истязаемый старенький компьютер стонал почти человеческим голосом. Он был ни при чем, но Лидия его в этот момент ненавидела.

— Лидия, ты чего? — спросил, протискиваясь мимо, Саша Воронин, корреспондент отдела культуры. — Ты пытаешься компьютер разбить или работаешь?

— Работаю, — процедила Лидия не оглядываясь. Сашка был большой и сильный, и ему было не пролезть в узкое пространство между ее креслом и стеной, но от злости она даже на сантиметр не подвинулась, хотя чувствовала, как он пыхтит, пытаясь ее сдвинуть. — И не мешай мне, Христа ради! Надо тебе в коридор, выйди, как все люди, а меня не дергай!

Сашка в конце концов протиснулся и сказал осуждающе:

— Я тебя и не дергаю. Больно надо...

— Ее, видишь, Игорь запряг на ночь глядя, — сказала из угла спокойная и добродушная редакторша Нина. — Гришка опять в отключке, материал не сдал, который в номер давно заявлен...

— Гришка через день в отключке. — Саша остановился на пороге и закурил. В комнате курить было нельзя, за это шибко гоняли пожарные, зато в коридоре можно, и все курили, стоя одной ногой в комнате, а второй в коридоре — так, чтобы и телефон слышать, и пожарных не злить. — У Игоря запасного варианта нету, что ли?

— Лидия у него запасной вариант. — Нина закурила прямо в своем углу. Она проработала в этом здании лет пятнадцать и никого не боялась. — Может, тебе кофе, Лидия?

— Отстаньте от меня немедленно и навсегда, — пробормотала Лидия, лихорадочно читая только что написанное. — Ты не знаешь, Нинуль, у нас в принтере бумага есть еще?

— У нас в принтере бумага с утра кончилась, — ответила Нина с удовольствием.

Она любила, когда что-нибудь кончалось. Добыть в хозяйстве бумагу, картриджи, кассеты и всякую прочую необходимую мелочь не мог никто, кроме нее. Поче-

му-то заведующая этим самым хозотделом свою работу понимала как непримиримую борьбу с журналистами, которые изводили кипы бумаги, тонны картриджей и тысячи ручек. Все это она прятала, зажимала, не давала, лично убеждалась в том, что все ручки действительно рассосались в редакционном пространстве, а принтер не печатает, и тогда скрепя сердце выдавала требуемое. Только Нине она почему-то доверяла, как себе самой, поэтому на поклон к Нине то и дело ломился редакционный люд, жалобно стенающий и посыпающий пеплом свои гениальные журналистские головы.

— Нинуль, — привычно заныла Лидия, не отрываясь, однако, от текста, — сходи к своей мадам Плюшкиной, а? Если я сейчас в другой отдел понесусь распечатывать, я точно ничего не успею. Игорь еще посмотреть должен и править, а он на выпуске, мне его еще ловить...

— Ладно уж, — сказала Нина, — докурю только и схожу.

Собственный текст Лидии не нравился, выходило как-то коряво и неубедительно, несмотря на то что материала было много. Работать в такой чудовищной спешке она никогда не любила, хотя знала, что в этом есть определенная журналистская удаля — сел и за пять минут наваял нечто вполне читаемое и приличное.

— Черт бы их всех побрал, — пробормотала она сквозь зубы, имея в виду и некстати впавшего в нирвану Гришу Распутина, и зама главного редактора Игоря Леонтьева, которому пришла фантазия заткнуть Гришкину дырку ее, Лидиной, статьей, а уже конец дня, и очень хочется домой, и понятно, что домой она теперь попадет не скоро — пока напишет, пока Игорь прочтет, пока она все поправит, а потом сдаст на выпуск...

Злясь на весь свет, она зажала ладонями уши, пытаясь осознать, что именно не так в ее тексте и как это можно быстро исправить, но озарение не приходило.

— Я пошла к Галине, — прямо в ее ладонь, прижатую к уху, прокричала Нина. Галиной звали ту самую хозяйственную даму. — Ты все-таки телефон слушай.

— Да пусть он сгорит, этот телефон! — проворчала Лидия, отнимая от ушей руки и вновь принимаясь яростно печатать.

Сашка у двери покачал головой.

— Ты что? — спросили из коридора.

— Да вот смотрю, как люди работают, — ответил Сашка с сарказмом. — Как звери!

В дверь заглянули. Лидия даже не обернулась посмотреть, кто именно.

— Надо же, — сказали от двери с уважением, — и впрямь как звери.

Лидия встала, печатая шаг, как солдат у Мавзолея, подошла к двери и хлопнула ее перед самым Сашкиным носом.

— Надоели, — пробормотала она, возвращаясь за стол.

Когда минут через пятнадцать пришла Нина и гордо плюхнула на стол две пачки финской бумаги и затейливую коробочку с новым картриджем, Лидия продолжала все так же ожесточенно печатать. Сашка давно ушел.

— Сама поставишь? — спросила Нина у Лидиной спины. — Все равно никого из компьютерщиков нет давно. Один какой-то остался, самый захудалый, пасьянс раскладывает, я сейчас мимо двери в их отдел проходила, видела...

— Поставлю, — сказала Лидия, задумчиво глядя в экран. — Спасибо, Нинуль. Я завтра тебя по-человечески поблагодарю, а сейчас никак не могу, прости.

Нина одевалась за шкафом, гремела вешалкой и ботинками.

— Ладно. — Она выбралась из-за шкафа, обошла стол и поцеловала Лидию в щеку. — Пока. До завтра.

— До завтра, Нинуль, — скороговоркой произнесла Лидия, которой в голову пришла очередная гениальная мысль. — Мы бы все без тебя просто пропали.

— Ну естественно, — согласилась Нина и вышла, заботливо притворив за собой желтую учрежденческую дверь. Ментально стало не то чтобы тихо, а как-то глухо. Редакционная жизнь отдалилась, как шум горной речки, скрывшейся за поворотом дороги.

Хорошо бы хоть полчаса никто не приставал, не торопил, не лез с вопросами про Гришку, Игоря и неожиданный аврал. Всего только полчаса, и она закончит... Полчаса. Полчасика...

Зазвонил телефон.

Лидия подпрыгнула в кресле, потеряв сразу и мысль, и место в тексте, которое только что сосредоточенно правила, и оглянулась на телефон. Он разливался бодрым утренним звоном, и ему было совершенно наплевать на то, что он сбил Лидию с мысли.

— Пошел вон! — сказала ему Лидия, отыскивая потерянную строчку, но он не унимался. — Я все равно не подойду, — громко сказала Лидия, упрямо глядя в компьютер. — Можешь не орать.

Но телефон не поверил в серьезность ее намерений.

Да какой идиот может звонить в учреждение в девятом часу вечера и надеяться, что кто-то снимет трубку?! Она, Лидия, трубку ни за что не снимет.

Телефон звонил.

— Да!!! — проорала она, дотянувшись и нажав кнопку громкой связи на замызганном «Панасонике». — Да! Алло! Алло, черт вас возьми!

В недрах «Панасоника» что-то потрескивало, шуршало и шелестело потусторонним шелестом, но даже отдаленно это не было похоже на человеческую речь.

— Я слушаю, — смирившись с судьбой, уготовившей ей на этот вечер все возможные испытания, проговорила Лидия и подъехала в кресле поближе. — Слушаю вас!

— Большая игра начнется завтра, — вдруг сказал «Панасоник» отчетливо.

— Что? — переспросила изумленная Лидия и сорвала трубку с бледного пластмассового телефонного тельца. — Алло, кто это говорит?!

Но в трубке уже уныло гудел отбой.

Лидия посмотрела сначала на трубку, потом на аппарат, потом послушала монотонные гудки, зачем-то нажала и отпустила кнопку громкой связи.

— Чушь какая! — сказала она громко и брякнула трубку обратно на телефон. — Больные какие-то звонят...

Она вернулась к своему столу и уставилась в текст, подрагивавший на голубом экране.

«Противостояние различных властных группировок приняло в последнее время не просто уродливые, а какие-то, скажем прямо, почти комедийные формы. Спросите у своих друзей, чем один воскресный телевизионный вечер отличается от другого, и скорее всего вам ответят, что отличаются они количеством и качеством помоев, какими потчуют друг друга не только политические деятели, но и журналисты.

Чего только мы не узнали в последнее время о сильных мира сего, а также об их женах, братьях, сестрах, любовницах, детях и внуках! Стереотип срабатывает на все сто — при слове «семья» нам первым делом приходят в голову не собственные мама и папа, а президентское окружение. Как вы думаете, к чему бы это? Я знаю точно — к выборам!»

— О Господи, великий Боже, я написала это ровно три минуты назад. Почему я никак не могу понять, о чем вообще идет речь?

«Большая игра начнется завтра».

Какая игра? Почему она завтра начнется и кому понадобилось сообщать об этом Лидии?!

Может, завтра футбол, и это какие-то сумасшедшие фанаты балуются? Какой завтра день недели? Среда?

— Что ты переполошилась, как курица? — строго спросила у себя Лидия, и собственный голос в тишине просторной пустой комнаты показался ей до смешного жалким. — Мало ли придурков звонят нам каждый день?!

Она покосилась на молчащий телефон, встала, прошлась по комнате, стараясь не зацепиться любимыми брюками за костистые углы громоздких и очень неудобных канцелярских столов, и заглянула в чайник. Как ни странно, в нем была вода. Должно быть, Нинулька налила, зная, что Лидии непременно потребуется кофе. Чайник — «Щелк! И вода в нем согреется за одну минуту!» — сразу приятно зашумел, и Лидия насыпала кофе в громадную белую

кружку с нарисованным на боку красным сердцем и надписью, сообщавшей почему-то, что «я люблю Нью-Йорк».

«Какая, к черту, большая игра?!

Мне нужно работать. Сейчас с воплями ворвется Леонтьев, не дождавшийся на выпуске моей статьи, и будет мне по первое число, а также по второе. Завтра на летучке у главного он будет долго и нудно объяснять коллективу, как я их подвела, что на меня невозможно положиться, а это была такая замечательная возможность отличиться, поэтому в командировку в ЮАР отправится Павел Владимирович Гефин, а вовсе не Лидия Шевелева... Мне нужно быстро дописать эту дурацкую статью, не отвлекаясь на сумасшедших, которым пришла фантазия набрать редакционный номер».

Лидия залила водой кофе и вновь задумчиво посмотрела на телефон.

Что-то тут не так.

Это звонил не сумасшедший.

Звонил кто-то, кто хотел, чтобы именно она, Лидия Шевелева, сняла трубку и *услышала* этот бред про большую игру. Она была в этом совершенно уверена.

И го́лос какой-то непонятный, не мужской и не женский. Невразумительный какой-то голос...

Дверь, жалобно скрипнув, отлетела в сторону, Лидия дернулась, взвизгнула со страху и облилась кофе.

— Ты что? — спросил с порога зам главного.

— Ты меня напугал, — сказала Лидия с облегчением и, пристроив кружку на компьютер, стала отряхивать с водозлазки кофейные ручки. — Что ты врываешься, ей-богу? Хоть постучал бы...

Зам главного вдвинулся в комнату и посмотрел на Лидию с любопытством.

— Чего это я должен стучать? Никогда не стучал, а теперь должен стучать?

— Не знаю! — сказала Лидия сердито. — Ты меня напугал, и все. То больные какие-то звонят, то ты врываешься... Кофе будешь пить?

— Буду, — согласился зам главного. — Девчонки на выпуске даже не предложили.

Он сел верхом на стул, пристроил на спинку локти и сцепил ухоженные загорелые руки в белоснежных манжетах трехсотдолларовой рубашки.

— Готов материал?

Лидия налила ему кофе в кружку с надписью «Я люблю чай» и отрицательно покачала головой:

— Нет еще, Игореш... Мне еще полчаса надо... Если б не этот придурок, который позвонил, я бы...

Игорь перебил с досадой:

— Плохому бегуну, Лидия, всегда кроссовки жмут. Сказано — сдать через полчаса, значит, и надо сдавать через полчаса. При чем здесь звонки какие-то?

— Он меня отвлек, — Лидия жалобно посмотрела в лицо начальнику, — и из равновесия вывел. Представляешь, позвонил и сказал, что завтра начнется большая игра...

— Завтра? — переспросил зам с недоумением. — Завтра нет никакой игры. Игра в среду. Наши с немцами играют. Это тебя заранее предупредили, чтобы ты не пропустила.

— Ты что? — спросила Лидия с подозрением. — Смеешься?

У них были странные отношения.

Года два назад случилась у них внезапно короткая и бурная любовь, которая так же быстро и бестолково закончилась.

Игорь Леонтьев был женат уже лет двадцать, у него были взрослые и умные дети и такая же взрослая и умная жена, которая на шалости талантливого мужа смотрела сквозь пальцы. Или это редакционным барышням казалось, что сквозь пальцы?

Лидия влюбилась в шефа, с которым к тому времени проработала уже больше года, неожиданно и сильно, изменив своему главному жизненному правилу — никогда не связываться с женатыми мужиками.

Потом... потом он так же неожиданно охладел к ней, а она к тому времени уже насочиняла себе сказок о том, как хорошо они будут вместе жить, какие у них будут дети и выходные на даче. Конечно, никаких детей и дач

Игорь Леонтьев и не думал планировать, и Лидия выползала из этой никому не нужной любви долго и трудно.

Понесся значительные потери, войска отступили на заранее подготовленные позиции.

Не было никаких подготовленных позиций.

Потери были, а подготовленных позиций не было.

Она чуть с работы тогда не ушла, но уходить было особенно некуда, а зарабатывать нужно, и каждый день начинался с кровавой борьбы с самой собой, и каждый день она напоминала себе, что нужно жить и работать, и есть, и спать, и дышать...

В конце концов она привыкла работать, дышать, есть и спать, не напоминая себе поминутно, что жизнь все-таки еще не кончилась.

Она не любила об этом вспоминать.

Сам же «предмет», как называла ее кавалеров бабушка, ничего не замечал.

Он так же легко и блестяще работал, делая карьеру одной левой — так по крайней мере это выглядело со стороны, — менял любовниц, сюсюкал по телефону с женой и дочкой и к Лидии относился с ровным покровительственным добродушием, однако ошибок не прощал и никаких скидок не делал.

— Шевелева, ты же классный журналист, что ты несешь про какие-то телефонные звонки, которые тебя расстраивают до невозможности? — спросил шеф, прихлебывая кофе и неприятно морщась. — Распустились вы все от того, что я вас загружаю мало. Ну что ты смотришь?

Иногда, как вот сейчас, Лидию раздражали разговоры о лени и нерадивости сотрудников. Сотрудники были как сотрудники, не более и не менее нерадивые, чем все остальные люди на планете Земля. Иногда, когда им задерживали или не давали зарплату, они работали хуже, чем нужно, иногда, особенно в дни больших потрясений, которые случались то и дело, журналистский азарт брал свое и тогда все работали не за страх, а за совесть. И газета у них была отличная, одна из самых профессиональных, уважаемых и читаемых.

— Игорь, я допишу сейчас, — пообещала Лидия подхалимским тоном. Не объяснять же ему, что она не разделяет его взглядов на всеобщую лень! — Пропусти меня к компьютеру!

— Валяй, — разрешил он и подвинулся. — Дай только я одним глазом гляну, что ты там насочиняла.

Она всегда ужасно волновалась, когда он читал ее тексты. Все-таки журналист он был от Бога, и когда он говорил «плохо», это означало, что написанное на самом деле никуда не годится.

Читал он секунд сорок.

— Вот это ни к черту... и здесь тоже. Перепиши. Не просто поправь, а перепиши. Все остальное нормально, не трогай, а то увязнешь совсем. Поняла?

Это был высший балл, редкая удача.

«Все остальное нормально, не трогай...»

— Хорошо, Игореш, — пробормотала благодарная Лидия. — Я быстро управлюсь, быстрее даже, чем за полчаса.

— Давай, я жду, — сказал он уже из-за двери.

Лидия подождала, пока затихнут в коридоре его всегда легкие и стремительные шаги, которые она узнала бы и через сорок лет, и повернулась к верному компьютеру.

— Ты меня прости, — сказала она ему. — Тебе сегодня попало...

Он был старый, умный и всепрощающий, как пес. Они с Лидией всегда понимали друг друга.

Она погладила его по пыльному боку и вытряхнула из пачки сигарету. Уже вчитавшись в текст, который надлежало переписать, она вдруг вспомнила про телефонный звонок.

Нет.

Речь шла явно не о футболе.

— Егор Степанович, я вам больше не нужна?

Он не сразу сообразил, что кто-то о чем-то его спрашивает.

Секретарша застыла в дверях с каменной неподвижностью, как жена Лота, обратившаяся в соляной столб.

— Что? — спросил он помедлив.

Так и есть. Она осмелилась нарушить суверенные границы монаршего кабинета и сделала это не вовремя.

Самое легкое наказание — казнь на электрическом стуле.

— Вы что-то сказали? — переспросил он с убийственной вежливостью. — Или мне показалось?

Секретарша у двери перепугалась окончательно. Он чувствовал, как волны ее паники разливаются по кабинету и вот-вот достигнут подножия трона — кресла, в котором он сидел.

Ему стало ее жалко.

Нагнал на всех страху, ничего удивительного нет в том, что теперь от него шарахаются сотрудники. А секретарша как раз и ни при чем. Запугивать ее совсем не входило в его планы.

— Вы домой хотите уйти? — спросил он почти человеческим голосом, и она судорожно закивала, боясь не угодить даже словом.

Он усмехнулся.

— Идите, — сказал он, опуская глаза на разложенные бумаги. — Только оставьте где-нибудь на видном месте мое завтрашнее расписание.

Даже не глядя на нее, он понял, что паника ее отпустила.

Она была отличной секретаршей — умненькой, вежливой, хорошо вымуштрованной в той секретарской школе, где ее обучали ремеслу, но держать удар не умела совершенно.

Егор еще не решил окончательно, что будет с ней делать — воспитывать или увольнять. Впрочем, можно не увольнять, а подарить кому-нибудь из замов...

— Расписание, Егор Степанович, — тоненьким голосом сказала она от двери в кабинет и почему-то пристроила папку на край стола для совещаний.

— На мой стол положите, — приказал он, начиная раздражаться. — Спасибо.

Тихо, как мышка, она прошмыгнула по иранскому ковру, устилавшему кабинет, к его столу и беззвучно опустила папку, придавив вчерашние факсы, которых он еще не видел, а должен был бы посмотреть с утра.

Шеф продолжал пялиться в бумаги, а на нее даже не глянул.

— До свидания! — освобожденно проговорила она от двери.

Он кивнул.

В приемной что-то зашелестело, открылась и закрылась дверь шкафа, тоненько запахло какими-то сладкими детскими духами — он ненавидел такие духи, — глухо протопали по ковру каблучки, вежливо скрипнула тяжелая дубовая дверь.

Ушла, слава Богу!

Невозможно работать, когда собственная секретарша так раздражает.

Он кинул на бумаги драгоценный любимый «Паркер», потянулся всем телом так, что даже потемнело в глазах и что-то зазвенело внутри головы, вытащил себя из кресла и снял пиджак. Подумал, развязал галстук и закатал рукава рубахи.

Теперь можно работать дальше.

Ему хотелось есть, но тащиться в буфет было лень, а рыться в холодильнике не было времени.

Подумав, он набрал номер. Ответили сразу же.

— Принесите мне чаю. — Егор откинулся в кресле и с трудом подавил зевок. — Если можно, с лимоном. И бутербродов каких-нибудь.

— Вы сегодня не обедали, Егор Степанович? — душевно поинтересовались в трубке.

— Нет, — буркнул он.

Когда ему обедать, если на краю стола до сих пор лежат вчерашние факсы, которых он в глаза не видел и не знает, что в них такое!

В ожидании чая с лимоном он просмотрел еще десятка два бумажек, сортируя их по срочности и важности. Ничего особенного, обычная текучка, но из-за этой текучки он никак не мог выкроить время, чтобы как следует

позаниматься предстоящим делом, которое уже назначено к слушанию.

Конечно, он выиграет и это дело — мало ли он их выиграл! — но подготовиться все же не мешало бы.

— Ваш заказ, Егор Степанович. — Пожилая дама в сказочном белом переднике и с крошечной кружевной наколкой на волосах внесла в кабинет поднос, держа его полными уютными руками бережно, как шкатулку с драгоценностями. — Разрешите, я накрою?

— Конечно, Катерина Ивановна, — сказал он, сразу приходя в хорошее настроение. — Накрывайте.

То ли потому, что Катерина Ивановна его кормила, когда он уставал и хотел есть до беспамятства, то ли потому, что она всегда была похожа на бабушку из старых иллюстраций к сказкам Андерсена, Егор радовался, если ужин ему подавала именно она. Бутерброды казались вкуснее и чай крепче.

Катерина Ивановна ловко раскинула на краю стола хрустящую крахмалом льняную салфетку — и ни одна бумажка у нее не шелохнулась и не покинула своего места, словно волшебный остров вынырнул неожиданно из глубин бумажного моря! — поставила тонкую фарфоровую чашку с блюдцем, и серебряный чайничек с чаем, и еще блюдечко с прозрачными ломтиками исходящего соком лимона, при одном взгляде на которые у Егора стало кисло во рту, и блюдо с бутербродами, и еще одну крахмальную салфетку — для рук.

Откинувшись в кресле, Егор улыбался блаженной улыбкой, глядя на все эти вкусные приготовления.

— Налить, Егор Степанович? — Катерина Ивановна критическим взглядом оглядела свою работу и чуть-чуть поправила завернувшийся уголок салфетки. Все остальное было идеально.

— Налить! — согласился Егор весело. — Спасибо.

— Вы сегодня опять допоздна? — спросила Катерина Ивановна.

Чай из серебряного чайничка лился в блестящее фарфоровое сердце чашки и закручивался там в крошечный водоворот. От чашки поднимался ароматный пар.

Черт, наверное, все-таки нужно обедать. Он с таким вожделением смотрит на эту чашку, как будто это не чай, а бог весть какие разносолы.

— Вы меня о чем-то спросили, Катерина Иванна? — Ему показалось, что он что-то пропустил, пока глотал слюни и умильно смотрел на чайник.

Сказочная бабушка аккуратно вернула чайничек на подставку и повторила:

— Вы сегодня опять допоздна?

Вряд ли кому-нибудь из обслуживающего персонала пришла бы в голову мысль задавать шефу подобные вопросы, но Катерина Ивановна была не просто обслуживающий персонал. Она была для него «своя», за что-то он ее любил, она прекрасно об этом знала и умела этим пользоваться.

— Мы с вами, как всегда, на дежурстве, — пошутил он.

Есть хотелось с каждой минутой все сильнее, но при ней он почему-то стеснялся откусить от бутерброда. Может, боялся нарушить гармонию ее идеальной сервировки?

— Приятного аппетита, — быстро пожелала догадливая Катерина Ивановна и бесшумно ретировалась.

Егор подождал, пока стихнут в приемной ее осторожно-тяжелые шаги, и только тогда, как голодный мальчишка-беспризорник из старого фильма про революцию, вцепился зубами в бутерброд и даже заурчал тихонько — так показалось вкусно.

Он не будет есть и читать. Черт с ними, с бумагами, он вполне может позволить себе пять минут не заниматься делами. Он осторожно глотнул огненного чая — в животе сразу стало тепло, как будто он глотнул водки.

Стар стал, решил про себя Егор. Стар и слаб. Чай вместо водки пьешь — и счастлив.

Зазвонил телефон. Не выпуская чашку из рук, Егор оглянулся на аппарат.

Странно. Звонили на его личный номер, минуя не только ресепшн компании, но и приемную. Личный номер был только у «своих», а они не могли знать, что он вернулся в Москву. Он должен был прилететь лишь завтра под вечер.

— Алло, — сказал Егор недовольно.

Ему не хотелось ставить родственников в известность, что он уже в Москве. У него совсем не было времени заниматься семейными делами. Он и прилетел до срока специально, чтобы хоть один день поработать спокойно.

— Алло! — повторил Егор потому, что в трубке молчали. — Алло, дед, это ты?

— Завтра начнется большая игра, — доверительно сообщила трубка.

— Что? — переспросил Егор. — Вы ошиблись, наверное... Но в телефонных глубинах уже пиликал отбой.

— Черт знает что, — пробормотал Егор и кинул трубку на аппарат.

Это и вправду было черт знает что, потому что номера его личных телефонов — мобильного, домашнего, рабочего — по идее, должны были быть защищены от идиотов, развлекающихся глупыми звонками кому ни попадя. Значит, все-таки добрались и до его линии.

Козлы...

Егор дожевал бутерброд, вытер руки льняной салфеткой и набрал номер.

— Алло, дед, — сказал он и улыбнулся. — Это я. Как ты там? Жив?

— Жив, — бодро проговорил дед в трубку. — Жив и здоров. А ты откуда звонишь?

— Из Москвы, — признался Егор со вздохом. — Хотел, понимаешь, в подполье на денек уйти, но не получается.

— Мы тебе надоели? — спросил дед с сочувствием. — Но ты не переживай, я тебя не выдам. Уходи в свое подполье и ни о чем не волнуйся.

Егор засмеялся.

Своего деда он обожал.

Деду было восемьдесят шесть. Два часа в день дед посвящал физкультуре, а в остальное время читал по-английски Шекспира, решал математические головоломки — «чтобы мозги не захрясли!» — и вел их общее с Егором хозяйство.

Егор жил с дедом последние тридцать лет. Дед забрал его у матери, когда Егору едва-едва исполнилось

десять. Всю жизнь дед был такой нестигаемый и бодрый, что казалось, он будет жить вечно. По крайней мере в жизни Егора Шубина дед был единственной постоянной величиной. Егор и делами семьи занимался только потому, что они волновали деда, а внук никак не мог этого допустить. Если бы не дед, Егор давно перестал бы носиться с родственниками и предоставил им разбираться с жизнью, как они знают, но многочисленные проблемы большого и разбещенного семейства имели значение для деда, и Егору приходилось, скрипя зубами, бесконечно всем помогать...

— Дед, меня никто не искал из нашей... психушки? — Егор повернулся спиной к телефону, сполз в кресле пониже и задрал ноги на хлипкий компьютерный столик. — Никому я срочно не был нужен?

— Ты всегда всем нужен срочно, — пробормотал дед. — Подожди, дай я вспомню... Нет, вроде никто особенно не приставал. Твоя мать звонила дня три назад, но я, помоему...

— Да, — сказал Егор тихо, — ты мне передал, что она звонила. А еще кто-нибудь? Племянники? Племянницы? Кузины и кузины? Зятя, снохи, шурины и что-нибудь в этом духе?

— Не что-нибудь, а кто-нибудь, — поправил дед. — Нет, ничего особенного... А почему ты спрашиваешь?

Дед был любопытен, как мартовский воробей.

— Да мне показалось...

— Что? — спросил дед.

— Ничего особенного, — уверил Егор. Дед был не только любопытен, но еще имел привычку беспокоиться за него, как будто Егору было не сорок лет, а четырнадцать. — Просто кто-то позвонил и сказал что-то невразумительное. Вот я и думаю: родственники это или какие-то чужие козлы?..

— Егор, — сказал дед, подумав, — у нас с тобой, конечно, родственники... не сахар. Но никому и в голову не придет просто так тебе звонить.

— Да кто их знает. — Егор снял ноги со столика, боясь, что и столик, и компьютер вот-вот рухнут на пол. —

Ладно, дед. Спасибо. Я сегодня поздно, ты меня не

жди, у меня еще дел полно. И если кто-нибудь из психов будет звонить, скажи, что я прилетаю завтра.

— Скажу, — согласился дед. — Хотя врать нехорошо.

Егор засмеялся и повесил трубку.

Чай почти остыл, но он допил его с удовольствием. Когда теперь придется поест — неизвестно. Домой он попадет скорее всего ночью, а есть ночью — идиотизм. Остатки пиршества он составил на поднос и переставил на переговорный стол.

Где-то тут было завтрашнее расписание, которое ему напоследок принесла перепуганная девочка Юля. Ага, вот оно...

С утра встречи, встречи, встречи.

В два совещание у шефа, нужно будет доложить, что с тем самым процессом, к которому Егор никак не может подготовиться.

В четыре совещание у него самого, а он про него и забыл.

«Зачем же я его собираю? Что-то ведь у меня было в голове, когда я его назначал, из-за границы звонил, просил в расписание внести... И зачем?»

Тяжко вздыхая, Егор потер затылок.

«Ничего не помню, как склеротичная бабка. Ну ладно, авось к завтрашнему дню вспомню. На худой конец, опять устрою прочистку мозгов всей юридической службе. Просто так, чтобы жизнь медом не казалась.

Господи, каким же идиотом меня, наверное, считают сотрудники! Отвратительным, въедливым, придирчивым, несправедливым, злобным трудоголиком.

Мужчина в период климакса. Кажется, в литературе это называется более благозвучно — кризис среднего возраста.

Звонки...

В десять — разговор с министром юстиции, в двенадцать — с судьей, который будет разбирать то самое дело, в полпервого — с главой юридической службы «Кока-Колы», они вместе спонсируют очередное футбольное мероприятие в Москве и в Лондоне. Все остальное — мусор, можно разговаривать, а можно продинамить.

Егору очень нравилось это слово — продинамить.

На глаза попался еще один предполагаемый звонок, и Егор скривился. Заместитель главного редактора газеты «Время, вперед!». Голову бы оторвать тому, кто придумал такое название. Или не голову...

А в общем, газета неплохая: читаемая, уравновешенная и не слишком скандальная. Контролируется дружественной группировкой и ни в чем таком, скользком и сальном, не замечена. Но вот пристали как банный лист — подавай им интервью с шефом, да еще накануне процесса! Пресс-служба перевела все стрелки на Егора потому, что он никак не хотел давать разрешение на это интервью перед самым слушанием. И не даст он такого разрешения, как бы они ни приставали.

На ленч, что ли, пригласить этого самого заместителя главного редактора... как там его... да, господина Леонтьева. Правда, зам главного редактора газеты, даже очень влиятельной и популярной, Егору явно не подходил по статусу, но Егор был тертый калач и знал, что статус статусом, но разговаривать нужно прежде всего с тем, кто действительно принимает решения. Очень даже может быть, что в этой газете решения принимает именно зам, а не главный редактор и не генеральный директор.

«Выяснить, что такое Игорь Леонтьев и откуда он взялся», — записал Егор в ежедневнике. А пока не выяснили — будем его потихоньку динамить вместе с его газетой.

Жаль, что чай он уже выпил, а больше никаких радостей жизни сегодня вечером не предвидится. Егор еще раз с удовольствием потянулся и принялся за бумаги.

Неподалеку от него человек посмотрел на белый пластмассовый телефон и усмехнулся.

Игра объявлена и началась.

Тебя предупредили. Сам виноват, раз не понял.

Что ж ты за юрист, если не понимаешь самых простых вещей?!

Человек с удовольствием засмеялся.

Ничего-то ты не знаешь, Егор Степанович Шубин. Ничего-то тебе не страшно. Ты храбр, силен и уверен в себе, как американский морской пехотинец из кино,

а величия и силы твоей осталось ну, может, на неделю-другую, а может, и меньше.

И падать ты будешь долго и трудно. Так долго и так трудно, что тебе покажется, будто ты падаешь вечность.

И ты еще будешь проклинять тот день, когда вознесся к своим сияющим вершинам, которые кажутся недостижимыми.

Проклинять, и заливаясь слезами, и умолять о пощаде...
А потом ты умрешь.

Еще из-за двери Лидия слышала телефонные трели, но, как всегда, когда нужно открыть дверь очень быстро, почему-то открыть ее было невозможно. Ключ беспомощно крутился в замке. После каждого оборота Лидия что есть силы кидалась на дверь, но дверь и не думала открываться и распахнулась, конечно же, в тот самый момент, когда телефонные песни обиженно смолкли.

Звонила мать, в этом не было никаких сомнений.

Лидия аккуратно прислонила портфель к стене, расстегнула пальто и посмотрела на себя в зеркало.

Под глазами синие тени. Щеки и виски желтые от усталости и почти четырнадцатичасового сидения в помещении. Волосы, старательно уложенные утром, давно уже перестали изображать прическу и свисали по бокам унылой физиономии неровными прядями.

Хороша. Что и говорить.

В ванну и спать.

Поесть бы, но есть после десяти Лидия себе никогда не позволяла. Вспомнив, что и поесть нельзя, Лидия вдруг страшно рассердилась.

Ну что это за жизнь?!

Что это за жизнь, если некогда даже сходить в парикмахерскую и отросшие волосы, на которые с утра было потрачено почти сорок минут, лезут в глаза и их приходится то и дело заправлять за уши?! Что это за жизнь, когда целыми днями сидишь на работе, а когда к ночи попадаешь домой, то даже поесть не можешь себе позволить?!

«Почему я должна вкалывать за троих, писать вместо кого-то, по пять раз переделывать уже готовый материал?! Почему мной затыкают какие-то дыры и кидают на ликвидацию каких-то задниц, которые возникают вовсе не по моей вине?! Почему я не могу работать легко и весело, не напрягаясь, как будто работа — это вовсе не образ жизни и источник пропитания, а просто веселая шутка, способ развлечься!»

Лидия знала с десятков журналистских барышень, совершенно не отягощенных никакими соображениями профессионального долга или — Господи Иисусе! — трудовой дисциплины. Тем не менее жили они замечательно, все успевали, отлично зарабатывали и время от времени пописывали что-нибудь более или менее бессмысленное.

«Почему же у меня-то так не получается?!»

Никакого определенного ответа в зеркале не вырисовывалось, и Лидия, прихватив портфель, отправилась на кухню. Может, все-таки смалодушничать и поесть? А то ведь никаких сил нет...

Кофе можно выпить, пожалуй. В нем нет калорий.

Лидия поставила чайник и, волоча за собой портфель, поплелась в спальню. Попутно она включила компьютер на маленьком столике. Ей еще предстоит посмотреть кое-какие материалы об уральских машиностроительных заводах и отправить по электронной почте несколько сообщений.

Она уже сняла костюм и, стуча зубами от холода, рылась в гардеробе в поисках любимой байковой пижамы, неизвестно куда засунутой в истерической утренней спешке, когда телефон опять зазвонил.

Трубка, конечно, валялась неизвестно где, вовсе не на аппарате, и Лидии пришлось сделать несколько кругов по квартире, прежде чем она нашлась.

— Да!

В трубке сухо щелкнуло, и загудел отбой.

— Да что же это такое?! — спросила Лидия у трубки дрожащим голосом. — Кто это развлекается?! Завтра же куплю определитель!

Чем именно ей поможет определитель и что будет делать с номером, который определится, она хо-

рошенько не знала, но сама по себе мысль была утешительной.

Вдалеке за кухонной стеной шелкнул чайник. Можно было приступить к кофе. В нем нет калорий.

О Боже, Боже...

Лидия натянула носки, пижаму, а сверху еще толстенный махровый халат до пят, сунула трубку в карман и пошла на кухню.

Телефон зазвонил, когда она задумчиво водила ложкой внутри медной турки и думала об Игоре Леонтьеве.

Лидия выхватила из кармана нагревшуюся трубку. Ответить или нет?

Почему-то ей вдруг стало страшно.

— Да? — решившись, спросила она.

— Что так поздно? — Голос матери, нежный, журчащий и переливчатый, как горная речка весной, приятно потек Лидии в самое ухо, и от облегчения она прислонилась лбом к белой дверце кухонного шкафчика.

«Господи, да что же это я так перепугалась? Смешно, честное слово!»

— ...уже третий раз, и даже на работу. Где ты пропадала? У тебя свидание?

— Нет у меня никакого свидания, мам. — Лидия достала с полки большую кружку и старинную пузатую, розового стекла сахарницу с неровными тяжелыми кусками настоящего сахара. Она признавала только такой. Как отец. И бабушка. — Просто задержалась на работе. Сдавала материал вместо Гришки Распутина. У Гришки очередной загул. Начальство в бешенстве, ну и мне пришлось срочно выдумывать что-то такое...

Не известно, зачем она все это излагала. Матери не было никакого дела до ее работы, да и до нее самой. Может, просто для того, чтобы подольше не спрашивать «А как ты?».

Лидия улыбнулась и остановилась на полуслове.

— Ну а ты как? — спросила она, пристраиваясь с ногами в продавленное кресло, покрытое клетчатым пледом. Придерживая ухом трубку, Лидия накинула плед на ноги и осторожно взяла со стола кружку.

Ну вот. Теперь можно жить дальше.

Лидия отхлебнула кофе, обернула кружку пледом и стала греть руки о старую, моментально нагревшуюся шерсть. Мать говорила не останавливаясь:

— ...кроме того, это зависит еще и от мнения Бориса Исааковича, а ты прекрасно знаешь, как Боря ко мне относится еще с институтских времен. Если бы твой отец не был так влюблен и я не боялась, что он что-нибудь сделает с собой, если я предпочту другого...

Все это Лидия слышала два миллиона раз и даже знала наизусть некоторые отрывки из текста.

Сейчас мать обязательно скажет, что ее скромное искусство хоть и не приносит денег и славы, но все же служит утешением не только для нее, но и для тех, кто любит ее и понимает...

— ...и хотя за всю свою жизнь я не заработала даже на приличную одежду, моя живопись служит утешением не только для меня, но и для тех, кто ценит и понимает мои рисунки, а таких очень, очень много, гораздо больше, чем может представить себе ограниченный ум...

Сколько бы раз в день они ни созванивались, мать всегда говорила много и истово, как будто спорила с кем-то, кто в чем-то ее упрекал. Лидии казалось, что всю жизнь мать спорит с бабушкой и отцом.

— ...семья твоего отца никогда, никогда не понимала и не поддерживала меня, — говорила в трубке мать, — мне приходилось искать утешения в работе, и, может быть, именно поэтому сейчас мои работы так высоко оценены и признаны именно теми людьми, чье мнение мне важно и дорого.

Господи, как длинно, как гладко, без единой паузы!

Лидия поставила кружку на стол и, высвободив из пледа руки, потерла щеки. Щеки были холодные, а руки горячие, и ухо вдруг очень устало от льющегося в него переливчатого горного ручейка.

Лидия посмотрела на часы.

Перебивать нельзя.

Перебьешь до времени — жди беды. Мать обидится, смертельно и горячо, как ребенок, у которого в

песочнице отобрали ведро и совок. Она бросит трубку и не будет отвечать на звонки Лидии. Ответит она только ближе к полуночи, но помириться сразу не удастся — мать заплачет горячими слезами, и Лидии придется пройти весь путь до конца — рассказ о молодости, об огромных надеждах, которые подавала мать, пока не встретилась с отцом, о мещанской семье, в которую она попала, выйдя замуж, о творческом поиске, о немногочисленных тонких ценителях, которые по-настоящему разбираются в искусстве, об интригах в издательстве, о попытках престарелого Бориса Исааковича наладить с ней романтические отношения, о цикле лекций, которые ей предстоит прочесть в Музее Востока.

И еще так: «Мне ничего не нужно от жизни, кроме осознания того, что я прожила ее не зря, что — хоть иногда! — я дарила людям радость!»

А потом так: «Твой отец в конце концов убедил тебя, что мой творческий поиск слишком затянулся, что я ничего не могу дать тебе не только как мать, но и как художник, и все это только потому, что я всю жизнь была на голову выше того мира, в который он старательно затягивал меня, а я сопротивлялась иногда из последних сил...»

Отец ушел, когда Лидии исполнилось восемнадцать и умерла бабушка. Некому стало их мирить, и увещевать, и караулить под дверью кухни, чтобы успеть вмешаться и отвести беду.

Отец ушел, оставив мать в тягостном недоумении. Всю жизнь она была неотразима. Кроме сказочной красоты, у нее были талант, и тонкость восприятия, и бездна вкуса, и блестящее окружение. И еще она была «на голову выше мира», в котором жил отец. Всю жизнь она пестовала и обожала свое чувство долга, которое не позволило ей бросить любящего ее человека на произвол судьбы. И вдруг этот человек... сам ее бросил?!

— ...ты не могла бы поехать? — вдруг выловила Лидия из журчания горного ручейка и как будто проснулась.

Господи, что именно она пропустила?! Прошло уже... Лидия посмотрела на часы. Прошло... — ничего себе! — почти пятнадцать минут.

— Ты могла бы мне переводить, а то я боюсь, что мой собственный немецкий сейчас не слишком хорош.

По-немецки мать говорила, как любой послевоенный школьник — то есть никак, — но у нее были своеобразные представления о собственных возможностях.

— Почему ты молчишь? — спросила мать, хотя у Лидии еще не было ни одной возможности что-нибудь произнести. — Я понимаю, конечно, что мои дела — это только мои дела и на помощь, даже самую минимальную, мне не приходится рассчитывать, но и тебе это могло бы быть интересно, Лидия...

Каждую субботу, если не было срочной работы, Лидия ехала на рынок и покупала продукты для матери, а потом полдня убиралась у нее в квартире и готовила нечто «объемное», чтобы хватило до следующей субботы. Мать никогда не умела за собой ухаживать и искренне гордилась этим. Почему-то в ее представление об истинной интеллигентности и утонченности входила полная бытовая беспомощность. Ни разу в жизни Лидия не ездила в отпуск — мать просто умерла бы с голоду во время ее отсутствия, но ни за что не осквернила бы себя прикосновением к сковородке.

— Мам, — нервно сказала Лидия и закурила, — ну что ты... Я же все-таки тебе помогаю.

— Ты?! — изумилась мать. — Господи, она мне помогает! Чем? Дурацкими щами, которые ты варишь раз в неделю?! Ты вполне можешь их не варить, мне это совершенно не нужно! Разве ты делишь со мной мою... жизнь? Мои проблемы? Мои заботы и разочарования? Разве я обременяю тебя всем этим?! Ведь я не прошу тебя о чем-то... таком... примитивном, но съездить в Гамбург — это же... это же удача!

Так, значит, вот зачем нужен немецкий язык! Гамбург. Как бы осторожненько выяснить, что именно там будет происходить, в этом Гамбурге?

— Мам, а когда начинается этот... эта...

— Художественный форум? — подхватила мать. — Через две недели. Представляешь, Боря даже выхлопотал мне в том подразделении ЮНЕСКО, которое проводит форум, бесплатный билет. Тебе, конечно, придется за

свой заплатить, но я уверена, что это будет очень полезно для твоей... журналистской писанины. О нетрадиционном искусстве сейчас так много пишут!

Художественный форум приверженцев нетрадиционного искусства в Гамбурге через две недели. Какая прелесть.

— Мам, я сейчас ничего сказать не могу, я даже не знаю, отпустят ли меня с работы.

— Ну что за глупости? — сказала мать снисходительно. — Никуда не денется твоя работа. Да я просто уверена, что твоего отсутствия никто и не заметит. Мы, люди творческих профессий, не можем так... закабалиться. Это неправильно.

«Она уже все решила, — поняла Лидия, — и теперь ни за что не отстанет. Так что в самое ближайшее время мне светит нетрадиционное искусство. По полной программе».

— Мам, это ты творческий человек, а я просто работающая женщина. Делаю то, что мне начальство прикажет.

— А ты разве с ним не спишь, со своим начальством? — безмятежно спросила мать. — Не может же быть такого, чтобы твой любовник не отпустил тебя на недельку в Германию!

Лидии стало так жарко под шерстяным пледом, что загорелись щеки. Она спустила ноги с кресла и с раздражением откинула плед.

— Мам, он уже давно не мой любовник. И вообще я не хочу это обсуждать. Если смогу — поеду. Нет — значит, нет.

— Когда ты станешь матерью, Лидия, ты поймешь, как важно, чтобы твои дети тебя понимали и ценили. Я так и не узнала, что это такое — любовь и понимание взрослых детей, которым я отдавала все, которым я служила верой и правдой, для которых...

— Мама! — У Лидии заныло в левом боку, кажется, где-то неподалеку от сердца. — Я же сказала, что постараюсь! Я, честное слово, очень постараюсь, но точно обещать ничего не могу.

— Так я и знала, — прошептала мать и всхлипнула так, чтобы Лидия обязательно услышала, а потом положила трубку.

Лидия протяжно застонала и легла щекой на холодную поверхность стола.

Значит, Гамбург, неформальное искусство, и все это через две недели

«Билет, конечно, придется купить, и отель тоже никто не оплатит. Две недели я буду, как машина-переводчик, бормотать то по-русски, то по-немецки, донося до заинтересованных сторон мнение друг о друге. Естественно, восторженное. Все эти форумы собираются исключительно чтобы долго и цветисто хвалить друг друга, оптом и в розницу. Самое интересное и возбуждающее в этом деле то, что мне абсолютно наплевать на нетрадиционное искусство вообще и на немецкое в частности. Но Боже мой, разве можно сказать об этом матери, не поссорившись с ней до конца жизни?! Я еще буду умолять ее простить меня за сегодняшний разговор и «равнодушное отношение», и она, прежде чем простит, всю душу из меня вынет».

Может, уехать на БАМ? Или на целину? Вот там, наверное, все удивятся...

— Мне нужно посмотреть почту и почитать про «Уралмаш», — сказала она вслух. — Хватит изображать Веру Комиссаржевскую в последнем акте «Бесприданницы».

Решительный тон не помог. Все равно ей было очень жалко себя, усталую, задерганную, перегруженную работой и странными отношениями с собственной матерью.

Нужно поесть, решила она. Когда поешь, жизнь кажется не такой мрачной. Одно-единственное нарушение режима — не в счет.

Через пять минут в кипятке булькали две огромные розовые сардельки, а Лидия, торопясь от голода, кромсала в миску помидоры, огурцы и чуть привядшие листья салата. Еще у нее были греческие маслины в банке, больше напоминавшей флакон для дорогих духов, соленые огурцы и в морозилке — покрытый толстым слоем инея древний батончик мороженого.

И пошло все к черту!

Лидия накрыла на стол, поминутно таская из салата помидоры, выгрузила на тарелку толстую огненную сардельку, но до стола не донесла — откусила прямо на ходу, урча и причмокивая.

Кошмар какой-то!

Разве может молодая интеллектуалка, столичная штучка и неземное создание поедать сардельку, как голодная подъездная кошка?

«Впрочем, никому нет дела до того, *как* я ем. Это просто замечательно — есть и не думать о том, что ты насмерть перепугаешь мужчину, которому пришла фантазия разделить с тобой ужин». Игорь Леонтьев с Лидией никогда не ужинал, а те, что были до него, в счет не шли — это была далекая писнерская молодость, и там вообще все было по-другому, не так, как сейчас.

Тогда почему-то казалось, что любовь должна быть непременно жертвенной, трудной и... вечной. Трудностей иногда не хватало, и их приходилось выдумывать. Да и с вечностью все оказалось как-то не так... однозначно.

Лидия усмехнулась, подъедая с тарелки все до крошечки.

Хорошо-то как, просто не верится, что может быть так хорошо. А впереди еще чай с мороженым!

С огромной, пышущей жаром чашкой и заиндевевшим мороженым она уселась перед компьютером. После еды моментально и непреодолимо потянуло в сон. Соблазн был велик, но наплевать на работу Лидия не могла.

Прихлебывая чай, она разбудила отдыхавший компьютер, подключила модем и стала дожидаться. Соединилось на редкость легко. В почте лежало всего три новых сообщения, одно, судя по обратному адресу, из ее родной газеты, а два других — от каких-то неизвестных адресатов.

Из редакции пришел окончательный вариант ее статьи, которую Леонтьев еще раз поправил. Лидия прочитала его со смешанным чувством удовольствия и страха.

Завтра, когда она возьмет в руки свежий номер, собственные слова покажутся ей совсем чужими, как будто написанными другим человеком, и она будет внимательно всматриваться в них, изучать подробно и придирчиво, выискивая изъяны и недостатки, и ей будет ужасно стыдно оттого, что собственный текст вызывает у нее такие бурные эмоции.

Зевая, она открыла следующее сообщение.

«Если вы придете в пятницу в клуб «Две собаки», получите важную информацию, связанную с вашей работой. Она не бесплатная, но дело того стоит. Столик для вас заказан. Подробности на месте».

Лидия замерла с открытым ртом, так и не зевнув до конца.

Что за номера?!

Она пробежала сообщение еще раз. Все правильно, и адрес ее, никаких ошибок.

Какую информацию она получит в пятницу в клубе «Две собаки»?!

Как у любого журналиста, пишущего на политические и околополитические темы, у нее были свои осведомители в различных «государственных и коммерческих структурах». Толку от них было мало, как правило, они всего боялись, а у Лидии не было возможности платить им столько, сколько платили ее более богатые или «раскрученные» коллеги. До настоящей собственной агентуры следовало еще дорасти, и Лидия точно знала, что дорастет она не скоро.

Тогда что означает это сообщение?!

Она вовсе не так знаменита, чтобы информация сама шла к ней в руки.

И что значит «не бесплатная»?

Не бесплатная — это значит платная, так сказала она себе. Но что можно считать платной? Сто долларов? Пятьсот? Десять тысяч?

И адрес... Как нашли? Просто бродили по Интернету, да и нашли? Почему именно ее адрес?

Лидия со стуком поставила кружку на стол, подумала и написала сверху загадочного послания: «Я не понимаю, о чем идет речь. Проверьте адрес, вероятно, вы ошиблись» — и щелкнула «мышью» в окошко «ответить абоненту».

Компьютер покорно мигнул, словно собираясь с силами. Лидия настороженно ждала.

«Сообщение отправлено», — доложил компьютер.

Ушло?! Лидия удивилась. Она была совершенно уверена, что переслать ответ не удастся. Ну что ж, пождем...

Через пять минут ей надоело сидеть, уставившись в экран, и она открыла последнее сообщение в сегодняшней почте. Это оказалось вполне приземленное коммерческое предложение от каких-то дилеров мобильных телефонов. Лидия зачем-то прочла его три раза и удалила из памяти.

В компьютерных недрах приятно звякнул колокольчик — получено сообщение. Лидия прямо-таки чувствовала разгорающийся то ли в желудке, то ли в его окрестностях пожар любопытства, смешанного со страхом и оттого ещё более возбуждающего.

Это был все тот же текст, к которому она сверху приписала свое послание. Неизвестный отфутболил его обратно, только теперь сверху было написано: «Никакой ошибки. Не валяйте дурака. Вам очень повезло. О цене договоримся позже».

«О Господи, это действительно прислали именно мне. Кто-то знает меня, хотя всю жизнь я пишу под разными псевдонимами; кто-то знает мой электронный адрес и место моей работы».

От этого Лидии вдруг стало не по себе.

Она никогда не думала, что журналистская известность — это некая реальность. Конечно, есть журналисты такие же знаменитые, как поп-звезды, или даже больше. В основном это телевизионщики, физиономии которых ежевечерне выглядывают из присутствующих в каждой квартире «ящиков», и двое-трое из пишущей братии. Пишущих в лицо, как правило, никто не знает, все больше по фамилиям, и известность у них не слишком... широкомасштабная. Но она-то, Лидия Шевелева, в категорию известных никак не попадала. Такое сообщение еще, пожалуй, мог получить Игорь Леонтьев, но не она.

Может, кто-то шутит, как давеча про большую игру?

Читать про «Уралмаш» ей что-то совсем расхотелось.

И что это за клуб «Две собаки»? Она никогда про такой не слышала.

Ну что? Звонить Игорю или подождать до завтра? Конечно, срочности никакой нет, таинственное свидание назначено на пятницу, а сегодня только поне-

дельник, кроме того, Игорь — она уверена! — ее засмеет. Скажет что-нибудь вроде того, что это такой модный способ с девушками знакомиться.

«Отстань от меня, Шевелева, со своими вечными глупостями!»

Но она уже знала, что даже если Игорь ее засмеет, она все равно пойдет на это свидание. Недаром она стала журналисткой, а не зубным врачом, к примеру.

С самого детства ее разбирали любопытство и живейший интерес ко всему, что происходило вокруг нее. Она умела видеть то, чего не замечали остальные, и из-за этого частенько попадала во всякого рода переделки.

Лидия задумчиво распечатала сообщение, сложила листок пополам и сунула в портфель.

Она даже не подозревала о том, что «переделка», в которую она угодила на этот раз, совсем не так безобидна, как большинство прежних, и что ее компьютер оказал бы ей неоценимую услугу, если бы сгорел в тот самый момент, когда пришло загадочное сообщение.

Машина устало затормозила у въезда в подземный гараж, как будто клюнула носом, засыпая.

Егор зевнул, не разжимая челюстей.

Все хотят спать, и люди, и машины. Нужно срочно ехать в отпуск. Только вот куда?.. «В Москву, в Москву!» — восклицали чеховские барышни, и их тонкие натуры трепетали от одной мысли о столице. Что бы такого придумать, от чего затрепетала бы тонкая натура Егора Шубина?

Он засмеялся и передернул плечами. Холодно, а он, как всегда, в одном пиджаке. Благородные кашемировые пальто в машине мнутся, как самые обычные, неблагородные, а куртки носить не позволял раз и навсегда выбранный стиль преуспевающего делового человека. Черт бы побрал этот стиль, черт бы побрал эту работу, черт бы побрал все на свете...

Покопавшись в бардачке, он выудил громоздкий брелок с дистанционным управлением гаражных ворот и нажал кнопку.

Ворота не шелохнулись. Егор протяжно вздохнул и нажал кнопку еще раз.

Потом еще.

Потом снова нажал и долго не отпускал, уже понимая, что в гаражных мозгах что-то заклинило и сейчас придется вылезать из машины, звонить в звонок и ждать, когда охранник проснется и откроет ему вожаделенный путь домой. Откройся, Сезам...

Какой длинный день, какой чудовищно длинный день, и он все никак не кончится!

Соблазн бросить машину у ворот и пойти спать был велик, но Егор пересилил себя. Бросить, конечно, можно, но утром он точно найдет ее без колес, приемника и ветрового стекла. Это мы уже проходили, спасибо, не надо. В припадке безнадежной жалости к себе он еще раз нажал и отпустил кнопку дистанционного управления.

Ничего.

Тогда он от души послал подальше ворота, машину и всю свою неудавшуюся жизнь и открыл дверь.

Плотный холодный ветер рванул полы пиджака, закинул за плечо галстук, хлестнул по лицу, как будто сырой перчаткой. Егор поймал галстук и быстро застегнул пиджак. Только бы охранник спал не слишком крепко...

Неясная тень мелькнула за полированным боком машины, и Егор настороженно оглянулся. Конечно, район спокойный и дом охраняется всеми способами, которые только можно купить за деньги, но все же в Москве живем, не в Женеве...

Фонарь освещал машину и пяточок асфальта перед воротами, а сзади и сбоку растекалась непроглядная осенняя темень, и в ней невозможно было ничего разглядеть.

Ключи... А, дьявол, ключи он оставил в зажигании. Идиот!

Тень мелькнула снова, уже ближе и определеннее, и Егор вдруг подумал, что под этим чертовым фонарем его самого отлично видно, а он не может рассмотреть ничего, что выходит за границы магического круга, очерченного желтым светом. Он сделал еще шаг и поднял руку, чтобы

позвонить, когда из темноты на него прыгнуло нечто тяжелое, кожаное, воняющее перегаром и давно не мытым телом. Прыгнуло, отбросило занесенную руку и пробормотало в ухо:

— Не рыпайся, мать твою...

Егор и не думал рыпаться. Чего-то в этом духе он и ожидал, когда заметил шевеление за машиной, а дергаться, пока он не рассмотрел, с кем имеет дело, было бессмысленно.

Ну и день. Просто петь хочется от радости.

— Посмотри в карманах! — скомандовал из темноты второй. — Может, у него там пистолет.

Пистолет у Егора был, но не в кармане. Сдерживаясь, чтобы не врезать наугад по сопящей от страха и напряжения морде, он дал себя ощупать. Ясное дело, никакого пистолета в карманах не обнаружилось. Зато обнаружился бумажник, который был так лихо выужен, что затрещала подкладка. Жалко пиджак, Егор надел его только во второй раз. Сволочи, такую вещь испортили...

— Поставь его лицом к стенке, — продолжал руководить второй. — Ну ты, давай поворачивайся, твою мать!..

— Чего надо? — спросил Егор, тоскуя о порванном пиджаке. — Надо-то чего?

— Давай мордой к стенке, сволочь! — заверещали из темноты. — Ну?!

Тот, который шарил по его карманам, вцепился Егору в волосы и сильно толкнул вперед, к кирпичной стене. На ногах Егор удержался, но споткнулся и выставил руки, чтобы не упасть. Ладони размазало по кирпичам, и стало больно. От этой неожиданно сильной боли Егор вдруг озверел. Его никто не бил уже лет двадцать.

— Тащи его сюда, мать его! — скомандовал невидимый руководитель операции. — Там кругом охрана, мать ее...

Должно быть, это выглядело живописно — темная ночь, беспомощный, напуганный мужчина в дорогом костюме, с закинутой головой, шипящий от унижения и боли, и два матерящихся сопляка, чувствующих, что «наша взяла». В том, что на него напали какие-то сопляки,

Егор уже не сомневался. Пожалуй, он даже знал, что им от него нужно.

Стараясь не делать лишних движений, чтобы не получить по физиономии — завтра на работу! — Егор послушно шагнул в темноту и оказался прижатым к холодной железной решетке, огораживающей двор его дома.

Рыбьей чешуей блеснула сталь, и Егор почувствовал у горла холодное лезвие.

Все по правилам, как в кино.

Вот козлы!

Глаза быстро привыкли к темноте. Еще в армии ему говорили, что он видит в темноте, как кошка. Очки придавали ему элегантно-отстраненный вид, но видеть не мешали. Впрочем, придуркам об этом не было известно.

Рука, заломленная за спину, сильно ныла, и ладонь, кажется, кровоточила. Этого еще не хватало.

Тот, первый, продолжал ломать его руку и тяжело сопеть в ухо, второй приблизился, придиричиво осмотрел Егора, понял, что он не представляет никакой опасности, и вдруг ни с того ни с сего рванул его за галстук.

Егор хрюкнул — галстук впился в шею, мгновенно стало трудно дышать и потемнело в глазах.

— Ну ты! — сказал второй ласково и приблизил физиономию к покрасневшей щеке Егора. — Небось давно уже в штаны наложил, а? Смотри, Вован, дяденька уже в штаны наложил, а мы ему даже больно не сделали. Эй, дяденька! Мы тебе еще больно не сделали, а ты уже... Мы с тобой поговорить хотим, дяденька. Ты не бойся, мы тебя сильно бить не будем. Немножко только поучим, мать твою... Мы с тобой поговорим малость, а ты нам бабок дашь. Ты же не жадный, а, мужик? Мы жадных не любим! Пошел в машину, быстро!

И он снова дернул Егора за галстук.

Егор решил, что с него хватит.

Свободной левой рукой он быстро и точно ударил по шее разговорчивого сопляка и даже успел заметить в его глазах несказанное изумление, прежде чем тот захрипел и рухнул на асфальт. Остолбеневшему от неожидан-

ности Вовану он коротко заехал в физиономию, поймал выскользнувший, как рыбка, нож и положил в карман пиджака. Вспомнив про пиджак, он посмотрел на присевшего от удара противника и ударил еще раз. Просто так, от злости. Калечить их он не собирался.

Пока они, кашляя, ковырялись на асфальте, Егор осмотрел свои руки. Кожа кое-где была содрана, и правая ладонь сильно кровоточила, а ему завтра с шефом встречаться!.. В самый раз обмотаться бинтами — и к шефу. Полный вперед.

Морщась, Егор посмотрел под ноги, стряхнул с ладони кровь и за шиворот поднял руководителя операции.

Руководитель закатывал глаза и шумно сглатывал. Опасаясь, что юнца вырвет прямо на его многострадальный галстук, Егор брезгливо отстранился, но куртку не выпустил.

— Я же спрашивал, — сказал он и встряхнул то, что болталось внутри куртки, — чего нужно? Когда взрослые спрашивают, отвечать надо.

Руководитель высунул язык и коротко задышал, как перегревшаяся на солнце собака. Ему было плохо — и хорошо станет еще не скоро, это Егор знал точно. Из собственного опыта.

— Еще раз спрашиваю, — повторил Егор устало, — что нужно? Давай, давай, соображай быстрее!

Руководитель вытаращил бессмысленные белые глаза, сясь сфокусировать взгляд на Егоре.

— Ну что? — поторопил Егор. — Вспомнил? Вспоминай, холодно очень.

— Димка... — пробормотал руководитель, делая судорожные движения горлом, — он денег должен... Пашке Хвосту... Пашка... послал...

— Ко мне послал? — уточнил Егор и еще раз встряхнул куртку.

— Все знают, что у Димки... братан богатый... Мы и решили...

— Решили! — фыркнул Егор и разжал руку. Юнец повалился на колени, потом встал на четвереньки и стал раскачиваться из стороны в сторону. Ему было даже хуже, чем предполагал Егор. Слабоват оказался

руководитель. Слабоват и хлипок. Его напарник сидел, привалившись спиной к ограде, и заунывно стонал, закрыв лицо руками.

— Сколько денег? — Только спросив про деньги, Егор вспомнил, что бумажник они у него вытянули. Носком ботинка он слегка пнул в бок стонающего Вована и протянул руку. Бумажник мгновенно ткнулся ему в ладонь сытым кожаным брюхом. Егору стало смешно.

— Триста... — кашляя, выдавил из себя руководитель.

— Стоило так надрываться... — пробормотал Егор и, вытащив три бумажки, кинул их в лужу. Бумажки задрожали, разлетелись. Юнцы как по команде повернули головы и уставились на доллары, плывущие по сморщенной от ветра луже к другому берегу.

— Больше ко мне не ходите, — сказал Егор, засовывая бумажник в карман. — Денег не дам. И Пашку вашего предупредите, пусть он лучше с Димкой никаких дел не имеет. Это вам повезло еще, что охрана не выскочила. Отметелили бы всерьез. Они ребята дотошные. Все ясно?

Несостоявшиеся головорезы заворуженно смотрели на него, как бы опасаясь, что он передумает и сам начнет их «метелить» всерьез.

— Пока, ребята, — попрощался Егор и пошел к освещенному подъезду.

Господи, какой идиот его брат! Сто раз говорил матери, что парень пропадет, если никто так и не удосужится обратить на него внимание, так нет же! Дошло до того, что какие-то молокососы из-за Димкиных шалостей пристали к Егору. Сдохнуть можно от смеха...

Железная дверь, примостившаяся рядом с гофрированными воротами, распахнулась в тот самый момент, когда Егор поднял руку, чтобы нажать кнопку домофона.

— Егор Степанович! — выпалил заспанный, но рьяный охранник и заглянул Егору за спину. — Я смотрю, машина ваша подъехала, а вас нет...

— Все в порядке, — сказал Егор. — У меня брелок опять не работает.

И, проследив за взглядом охранника, тоже оглянулся в темноту. Двое из лужи улепетывали, спотыкаясь и чуть не падая. Охранник вытаращил глаза.

— Все в порядке, — с нажимом повторил Егор, не в силах ничего объяснить.

Раньше надо было проявлять служебное рвение, сердито подумал он про охранника. Теперь чего же... А Димку он отлупит, как только до него доберется.

— Можно я уже заеду? — спросил Егор вежливо. — Третий час...

— Да я сам заеду, Егор Степанович, — заторопился охранник и еще раз оглянулся в темноту, где стихали шаги молокососов. — Поднимайтесь к себе. И рука у вас...

— Царапина, — усмехнулся Егор и вытер кровь о кирпичную стену. — Спокойной ночи. Ключи в зажигании.

«Ну, родственники, погодите... Вы меня еще не знаете. Привыкли относиться ко мне, как к доильному аппарату, из которого можно бесконечно надаивать деньги, не хватало еще из-за вас в уличные потасовки ввязываться...»

Егор ввалился в квартиру и, сердито сопя, стал стаскивать с ног ботинки. В глубине квартиры горел свет — дед, должно быть, ждал его, как обычно, до глубокой ночи.

Расшвыряв ботинки, Егор прошлепал в ванную и открыл воду. Ранения оказались поверхностными и незначительными — просто содрана кожа. От воды ладони сразу защипало, и Егор стал шарить на полках в поисках йода.

Где в их квартире может быть этот растреклятый йод?!

Егор с силой захлопнул пижонскую зеркальную дверцу и оказался нос к носу с дедом, который маялся у входа в ванную и не решался войти.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Что так поздно? — бодро спросил дед наконец. — Я тебя раньше ждал.

— Я гулял, — сказал Егор тоном восьмиклассника, опоздавшего к семейному просмотру программы «Время». — А что? Я пропустил что-то интересное?

— Что у тебя с рукой? — спросил дед. Когда ему не нужно было прикидываться беспомощным стари-

ком, он становился зорким, как горный орел, вылетевший на охоту.

— Шальная пуля, — объяснил Егор терпеливо.

Он вышел из ванной, обошел деда и отправился в кухню.

— Дед! — закричал он оттуда. — Ты не знаешь, у нас есть еда?

— Какая шальная пуля? — спросил дед, появляясь на пороге. — Что произошло, Егор?

— Произошло столкновение с реальностью, — сказал Егор и распахнул холодильник. — Два—ноль в мою пользу. Будешь омлет?

— Все живы? — осведомился дед. — Обошлось без жертв?

— Без жертв не обошлось, но все живы. — Егор налил в миску молока и стал ожесточенно взбалтывать. — Поставь на плиту сковородку.

— Егор, ты можешь говорить по-человечески? — Дед зашел наконец в кухню и водрузил на полированный пластик плиты плоскую сковородку. — В конце концов, я твой единственный дед и ты должен разговаривать со мной уважительно.

— Уважительно не могу, — ответил Егор, продолжая болтать вилкой в миске. — Есть очень хочется.

— И пиджак порван, — заметил дед осторожно. — Ты что? И вправду... дрался?

— Я не дрался. — Егор вылил яйца на раскаленную сковородку. — Я бил морду. Точнее, не морду, а две. Дед, все это совсем неинтересно. Я никого не покалечил, если ты об этом...

Дед присел к столу и положил на светлое дерево узловатые красные руки. По тому, что он не сел на свое любимое место, в кресло с высокой спинкой, стоящее вплотную к окну, Егор понял, что он действительно сильно волнуется. Это уж совсем ни к чему...

— Дед, я же тебе говорю, что все в порядке! Что это ты разнервничался? Мало ли придурков по ночам шляется...

Он приподнял ножом край омлета, проверяя готовность. Есть хотелось так, что Егор готов был съесть его сырым.

— Это из-за Димы, да? — спросил дед тоном провинциального трагика, дающего бенефис. — Все случилось из-за Димы?

От столь неожиданного всплеска пронизательности Егор оторопел.

— С чего ты взял?

Адвокат в нем часто брал верх над обычным человеком, и поймать его на слове было непросто.

— Что это тебе в голову пришло?

— Он здесь, — сказал дед несчастным шепотом. — Он здесь часов с шести, и мы знали, что ты будешь сердиться.

— Кто здесь?! — переспросил Егор, начиная раздражаться. — Димка?

— Он спит, — торопливо предупредил дед. — Мы тебя ждали, ждали, и он уснул. Не буди его, пожалуйста.

— Я его сейчас отлуплю, — мрачно пообещал Егор, глядя в омут. — Что ему нужно? Зачем он приехал?

— Ты бы поел сначала, — сказал дед. — Смотри, у тебя сейчас все подгорит.

— Дед, не увиливай! — прикрикнул Егор.

— Я не буду разговаривать с тобой о Диме, пока ты не придешь в себя! — отрезал дед. Упрямство у них было семейной чертой. — Садись и поешь, а потом поговорим.

— Не буду я с тобой разговаривать, — пробормотал Егор. — Я сейчас пойду, подниму этого ублюдка с постели и надаю ему по физиономии. Ясно тебе?

— Егор!

— Дед!

— Чего орете? — раздался с порога хриплый голос. — Спать не даете.

Егор и дед разом повернули головы.

Держась за косяк, в дверном проеме стоял лохматый верзила в джинсах и мятой майке навывпуск. У него была отекающая физиономия с кучками юношеских прыщей и неопрятной щетиной и громадные, как у орангутанга, ручки.

— Хочешь в морду дать? — спросил верзила у Егора. — Ну давай, чего ты ждешь-то? А приехал я не к

тебе. Я к деду приехал, я даже не знал, что ты уже вернулся. Я сейчас уеду. Мне твоя квартира на фиг не нужна.

— И мои деньги тебе тоже на фиг не нужны, я так понимаю, — сказал Егор холодно.

От одного взгляда на собственного брата он начинал исходить тихим бешенством. Чтобы не сорваться и впрямь не съездить по заспанной оплывшей физиономии, он быстро занялся делом — достал тарелки себе и деду, положил вилки, разыскал в холодильнике воду.

— Меня, значит, за стол не приглашают, — наблюдая за ним черными как ночь глазами, констатировал верзила.

Эти чертовы глаза не давали Егору Шубину никакого покоя. Они были точно такими же, как его собственные.

Еще одна семейная черта.

Сгинула бы она куда-нибудь, вся эта фамилия!

— Садись, Дима. — Дед поднялся. — Садись, я не буду. Среди ночи есть очень вредно. Егор у нас человек занятой, ему днем поесть некогда, а тебе можно в любое время суток, ты же еще растешь.

— Не нужна мне его еда! — пробормотал брат ожесточенно. — И сидеть я с ним не хочу. Я сейчас уеду.

— Валяй, — сказал Егор не оборачиваясь. — Только объясни мне сначала, откуда взялись триста долларов, которые я за тебя двадцать минут назад отдал каким-то двум малолеткам, и кто такой Пашка Хвост, и вообще что все это значит!

— Господи Боже мой, — пробормотал дед. — Триста долларов?

— Если ты начал колотиться, можешь проваливать ко всем чертям! — Егор уселся за стол и отломил горбушку от буханки свежего черного хлеба, за которым дед каждый день бегал довольно далеко, в мини-пекарню на бульвар. — Спасать тебя, козла, я не собираюсь. У меня и без тебя работы по горло. Дед, поставь чайник.

Брат сел к столу и водрузил ноги на гобеленовое сиденье соседнего стула так, что мятые черные носки оказались прямо у Егора под носом.

— Какое тебе дело, начал я колотиться или нет? — спросил он. — От наркоты скорее сдохну, то-то ты обрадуешься.

— Дима! — прикрикнул дед. Егор взглянул на него с подозрением.

Дед очень боялся их ссор и, когда они ссорились, старательно прикидывался дряхлым больным стариком, которому еще в пятьдесят третьем году доктора прописали полный покой. Братья знали, что он прикидывается, но все-таки верили ему и старались ссориться так, чтобы он об этом не знал.

— А бабок у тебя полно, — продолжал Димка все тем же тоном. — Что тебе триста зеленых? Один раз в ресторан сходить? Ну, считай, ты сегодняшней ресторан за меня отдал, а то бы прожрал все...

— Дима! — страдальческим голосом укорил дед. — Как ты разговариваешь!

— Нормально! — отрезал Димка. — Подумаешь, триста баксов...

Егор доел омлет, попил воды из высокого стакана и за майку поднял Димку со стула. Стул грохнулся на пол.

— Егор! — простонал дед сзади.

— Это не твое собачье дело, на что именно я трачу свои деньги, — проговорил Егор отчетливо. — Я их зарабатываю, а не ворую и не нахожу на улице. Я не желаю иметь дела с твоим окружением. И с тобой я бы даже разговаривать не стал, если бы не дед. Так что пока ты в моем доме, веди себя прилично, понял, братик?

— Понял, отпусти! — Скосив глаза, Димка дернулся и освободился от хватки брата. Егор посмотрел на свои ладони, которые опять закровоточили.

За что ему такое наказание? За какие грехи?

— Давай, — сказал он брату. — Валяй. Откуда взялись триста долларов и почему они их с меня спрашивали?

Димка поднял упавший стул, сел на него верхом — слава Богу хоть носки не стал под нос совать — и заскучал.

Дед достал из ящика с лекарствами пузырек и стал капать в рюмочку прозрачную жидкость. Остро запахло валерьянкой и еще какой-то дрянью.

Егор уже понял, что ничего объяснять брат не собирается, да ему и не особенно хотелось слушать.

Наверное, это было неправильно. Наверное, нужно было выпытать у него все, принять какие-то адекватные меры, заставить раскаяться и ступить на правильный путь, привести поучительные примеры из собственной жизни или из жизни героев Гражданской войны. Ничего этого Егор делать не стал.

У него не было сил.

Он хлебал противный растворимый кофе, рассматривал брошенную на столе газету «Коммерсантъ» и мечтал лечь спать.

— Дима, — тихо сказал дед, — ты что, не понимаешь, что ведешь себя просто непозволительно? Что за истории? До чего дошло?! До уличных потасовок?! О чем ты думаешь? Ты бы хоть объяснил нам, в чем дело...

— Да ничего я не хочу вам объяснять, — устало ответил Димка, и Егор поднял на него глаза. — На х... вам нужны мои объяснения?! Деньги у тебя больше просить никто не будет, не бойся. И эти верну. Завтра разберусь со всеми и верну...

— Ну да! — Егор поднялся и выплеснул остатки кофе в раковину. — Ты разберешься. Ты бы для разнообразия в институт сходил, может, там чего новое проходят. Мне завтра с утра работать, а я тут с вами валандаюсь, как нянька...

— Я сейчас уеду, — сказал Димка и с вызовом взглянул Егору в глаза. — Я не к тебе приезжал.

— Это мы уже слышали, — пробормотал Егор. — Дед, ты объясни ему, что квартира на охране, и если он сейчас начнет в дверь ломиться, придут менты и нам разборка как раз до утра хватит. Так что все ложатся спать, как хорошие мальчики. Дед, тебя это тоже касается.

В ванной Егор с наслаждением почистил зубы, уставшие за день от кофе и сигарет, и только залез в горячую, исходившую успокоительным паром воду, как в дверь поскреблись и на пороге появился дед.

— Что это ты так задержался? — спросил Егор сердито. — Я думал, ты сразу притопашь меня жалобить. Ну? Какую он тебе историю рассказал на этот раз?

Дед вынул из корзины свежее полотенце и тихонько положил на край черной ванны, в которой лежал Егор.

— Мать его выгнала, — сказал дед жестко. — Две недели назад. Он жил у какого-то Дрона, но три дня назад выгнали и оттуда. Одну ночь он переночевал у подружки, вторую на вокзале, но там его забрали в милицию, потому что у него не было с собой паспорта.

— Били?

— Не знаю. — Дед присел на пуфик и пригорюнился. — Идти ему некуда, он даже вещи забрать из той квартиры не хочет.

— И что я должен сделать? — спросил Егор злобно. — Зарыдать над его горькой судьбой?

Он всегда злился, когда не знал, что делать. Что делать с Димкой, он не знал совершенно.

Димка вышел из-под контроля, когда ему было лет десять, и с тех пор загнать его обратно никому не удавалось, да никто особенно и не старался.

Маргарите — их общей матери — на Димку было наплевать. Отец, как и отец Егора, растворился в необозримых российских просторах сразу после Димкиного рождения. Двадцатилетний Егор заниматься новорожденным братом не мог — он тогда только-только пришел из армии, поступил в университет и жил с дедом, потому что жить с матерью не мог никогда.

Димка с первого дня своей жизни был никому не нужен и всем мешал.

— Пусть поживет у нас, Егор, — попросил дед жалобно. — Ну куда он пойдет? Сразу в тюрьму?

За этот просительный дедов тон Егор неожиданно и остро себя возненавидел.

Дед не задумываясь взял его к себе, когда жизнь с матерью стала невыносимой. Дед растил его — занимался с ним геометрией, лечил от постоянных ангин, которые мучили Егора, когда ему было пятнадцать, приезжал к нему в часть на присягу, привозил колбасу и яблочное варенье собственного сочинения, переписывал за него курсовые работы в университете, когда у внука не хватало сил. Егор

сразу стал работать и уставал так, что иногда засыпал в лифте, потому что там было тепло и качало.

Дед сделал из него человека, не дал пропасть и теперь так смиренно просит, чтобы Егор оставил у себя собственного брата!

— Дед, — сказал Егор, вытаскивая из пенного тепла поджарое длинное тело, — не страдай ты так, ради Бога! Я чем виноват? Что ты мне на психику давишь? Пусть остается, мне-то что? Я дома бываю только по ночам, да и то не каждый день. Охота тебе с ним возиться — возись, только не смотри глазами скорбящей Божьей Матери...

— Как же я могу с ним не возиться? — спросил дед, глядя в запотевшую черную стену. — Он мой внук. Такой же внук, как и ты. Он не виноват, что у его матери... так много трудностей.

— Да уж! — фыркнул Егор.

Трудностей у Маргариты всегда хватало. А когда не хватало, она моментально их сооружала. По части трудностей Маргарита была просто виртуоз.

— Спасибо, Егор, — поблагодарил дед, не глядя ему в глаза. — Я знаю, тебе не слишком хочется, чтобы Дима путался у тебя под ногами. Кроме того, ты еще и деньги...

Этого Егор вынести не мог.

— Дед, моих денег хватит на то, чтобы прокормить пятнадцать Димок до конца жизни! Вместе с женами, детьми и внуками. — Он кое-как вытерся и швырнул полотенце на пол. — Где мой халат?! Куда его дела Светлана Пална? Куда она вечно все деваает?!

— Светлана Павловна у нас уже год как не работает, Егор, — сказал дед с сочувствием. — У нас работает Наталья Васильевна.

— Да хрен с ними обеими! — заорал Егор и, выдернув из корзины сухое полотенце, обмотал его вокруг пояса. — Все! Хватит! Я иду спать! И отстаньте от меня все!!!

Когда дубовая дверь в спальню с чудовищным грохотом захлопнулась за его возмущенной спиной, из дедовой комнаты выглянул Димка. Дед приложил палец к губам и на цыпочках двинулся к нему. Как заговорщики, они

осторожно прикрыли за собой дверь и посмотрели друг на друга.

— Ну что? — спросил Димка шепотом. — Орет?

— Орет, — согласился дед.

— Выгонит? — спросил Димка, помедлив.

— Ну конечно, нет! — Дед возмущенно взмахнул старческой рукой в синих венах, как будто Димка спросил у него невесть какую глупость. — Он же твой брат. Он тебя любит.

— Да! — сказал Димка с ненавистью. — Любит!

— Давай спать, Дима, — попросил дед устало. — Я тебя подниму в восемь, и пойдешь в институт.

Димка промолчал.

Он совершенно точно знал, что ни в какой институт завтра не пойдет, и никогда не пойдет.

Завтра он найдет подлеца Пашку и тех ублюдков, что пристали к Егору на улице, и поговорит с ними по-своему. А еще через несколько дней его здесь не будет.

Он начнет новую жизнь далеко от своих поганных родственников, и все у него будет хорошо.

Только бы ничего не сорвалось.

У него будет много денег, крутая машина и любая девушка, которую он только пожелает.

Осталось продержаться всего несколько дней.

— Шевелева! — Игорь Леонтьев на секунду поднял голову от разложенного перед ним на столе макета завтрашнего номера. — Зайди!

Лидия, с разгону пролетевшая было мимо его кабинета, притормозила и вошла, слегка запыхавшись.

— Привет, Лид, — поздоровался сегодняшний выпускающий Стас Смирнов. Он стоял за стулом Леонтьева, заботливо наклонившись через его плечо, как подобострастный чиновник из чеховской пьесы, который ловит каждое слово столоначальника. Впечатление портили только дорогие очки, сдвинутые на кончик носа, сигарета и трубка мобильного телефона, кое-как засунутая в нагрудный карман рубахи. Стас не был подобострастным чиновником, он был высококлассным редактором, и его согнутая спина и поза

«чего изволите?» объяснялись не столько трепетом перед начальством, сколько постоянным, нестерпимым желанием доказать шефу, что он, Стас Смирнов, делает газету лучше всех.

— Привет, — сказала Лидия и улыбнулась Стасу.

— Леонтьев раздраженно шелестел бумагами, очевидно, что-то в них было не так, как нужно.

— Лидия, — заговорил он, не поднимая глаз, — я жду, когда-нибудь материала о Тимофее Кольцове или нет?

«Ходишь, ходишь в школу, а тут — бац! — вторая смена...» — быстро подумала Лидия.

— Игорь, ты же знаешь, что у него какая-то совершенно неменяемая юридическая служба, — осторожно, как будто пробуя зыбкую болотную почву, начала Лидия. — Они со мной не разговаривают, и все. В пресс-службе говорят, что нет санкции руководства. Пардон, мадам.

— Мне наплевать на юридическую службу, — отчетливо проговорил Игорь, подняв наконец глаза от бумаг. — Я поручил тебе взять интервью. Поручил, между прочим, уже давно. Через неделю это интервью можно будет смело засунуть в... в одно место. И я даже знаю, в какое, — договорил он. Лидия вдруг с изумлением обнаружила, что он едва сдерживается. Очевидно, с утра ему от кого-то крепко досталось и он погнался дальше — на подчиненных.

— Может, я макет оставляю, а сам попозже зайду? — с некоторым опозданием предложил Стас из-за кресла.

— Не нужно мне никаких «попозже»! — рявкнул Леонтьев. — Знаю я эти ваши «попозже»! Мне тебя потом по всей редакции искать радости мало! Отвечай, Лидия, что там с Кольцовым?!

— Ничего. Все как обычно. — Лидия старалась говорить спокойно. Она ни в чем не была виновата и прекрасно это знала. Больше того, и Леонтьев это прекрасно знал.

— Обычно — это когда журналист договаривается с кем-то, едет и берет интервью, — сказал Леонтьев сквозь зубы, опуская глаза на бумаги. — Так все происходит обычно. А сейчас у нас что происходит?!

Это был «наезд» ради «наезда», и они — все трое! — понимали это и делали вид, что не понимают.

— Игорь Владимирович, — начала Лидия тоном, несколько более официальным, чем обычно, — вчера на летучке я докладывала о положении дел с компанией «Янтарь». С ее главой пообщаться невозможно. Пресс-служба и юридическая служба стоят насмерть, как наши под Брестом. Пока не начался процесс, они не хотят разговаривать ни с кем из журналистов.

— Ни с кем? — переспросил Игорь неприятным голосом. — Ни с кем из журналистов? Если вы не читаете газет, Лидия Юрьевна, могу вам сообщить, что Тимофей Кольцов заявлен сегодня в программе «Зеркало» на втором канале.

— Как? — ошарашенно переспросила Лидия, совершенно позабыв о том, что должна «делать лицо и держать тон».

— Очень обыкновенно. Дать посмотреть программу или ты мне и так поверишь?

— Игорь, я честно долблю их каждый день по сорок раз. Барышни на ресепшэне уже знают меня по голосу. Пресс-служба переадресовала меня к главе юридической службы, но с ним тоже поговорить невозможно, я общаюсь с каким-то его пятнадцатым помощником, да и то не каждый день, а только когда он до меня снисходит...

— Ты понимаешь, что это все? — Как настоящий журналист, Игорь несколько сгущал краски. — Твоя статья после «Зеркала» никому не будет нужна! Я не хочу подбирать объедки за теми, кто успел раньше, ясно тебе? Это информация, а не фабрика по производству галош! Нужно работать, землю рыть, а не ссылаться на какую-то там, черт побери, юридическую службу!

Это было обидно и несправедливо. Даже для Игоря Леонтьева, большого начальника и вообще «первого в Риме».

Он давно был осведомлен о том, что с судостроительной компанией «Янтарь» у Лидии все застопорилось на самой начальной стадии. Пресс-служба охраняла Великого и Могучего Тимофея Кольцова, как целая стая преданных сторожевых собак. Раньше такого никогда не было.

Промышленник и политик Тимофей Кольцов не особенно ладил с прессой, но все же был лоялен, и пробиться к нему на интервью было делом сложным, но в прин-

ципе возможным. В прошлом году он с блеском выиграл губернаторские выборы в своей родной Калининградской области и стал еще менее доступен, но все же какие-то шансы у журналистов оставались. Добраться до него стало совсем невозможно, когда начался судебный процесс. Директор судостроительного завода «Янтарь», одного из многочисленных кольцовских промышленных предприятий, подал в суд на хозяина.

Случай был совершенно беспрецедентный.

Журналисты насторожились.

Директор завода выступил по первому каналу и объявил на весь белый свет, что Тимофей Кольцов бандит и жулик. Это утверждение повторила влиятельная московская газета, и пишущее сообщество задумалось: одни выборы — в удельные князья — только что прошли, другие выборы — в цари — были еще далеко. Связываться с такой акулой, или, скорее, королевской коброй, просто так не стал бы даже самоубийца. Значит, решили журналисты, за этой внезапной атакой стояло что-то — или кто-то! — еще более тяжелое и влиятельное.

Тимофей Кольцов прославился тем, что никого и ничего не боялся, в большую политику никогда не лез и к олигархам «первого эшелона», которые шеренгами маршировали по телевизионным экранам, не принадлежал. Его победа на выборах казалась совершенно невероятной. Он медленно и тяжело говорил, почти ничего не обещал, был грузен и неповоротлив и на фотографиях выглядел так, что казалось, будто его насильно втиснули в слишком узкие рамки. Но на него работали профессионалы, самые лучшие профессионалы, которых только можно было найти. Все его минусы они ловко и незаметно обращали в плюсы, а недостатки использовали так, что они становились достоинствами. Даже покушение на него было подано пресс-службой не как бандитская разборка, а как попытка избавиться от честного и неподкупного предпринимателя. Говорили еще, что в области у него действительно порядок, что он задавил и извел наркоту — неслыханное дело для портового города! — что в отделе кадров завода «Янтарь» заявлений о при-

еме лежит на десять лет вперед, что дороги он починил, что рыболовную флотилию прибрал к рукам, а не продал за бесценок норвежцам. Искушенный журналист Лидия Шевелева была совершенно уверена, что девяносто девять процентов из этого можно отнести на счет недюжинного таланта сказителей из его пресс-службы, но даже оставшийся один процент вызывал уважение и некоторую робость.

Когда директор завода затеял судиться, дверь в империю под названием «Тимофей Кольцов», и так приоткрытая лишь наполовину, захлопнулась с чудовищным чугунным грохотом. Неизвестно было, кто именно принял решение не подпускать журналистов на пушечный выстрел — сам ли Тимофей Ильич или его продвинутая пресс-служба, — но решение было принято, чугунная дверь захлопнулась, журналисты остались по эту сторону. И сколько они ни подпрыгивали, сколько ни вытягивали шеи, сколько ни становились друг другу на плечи, разглядеть, *что* происходит за стеной, никому не удавалось.

И вот теперь «Зеркалу» удалось.

Неужели удалось?

— Может, это как бы... реклама? — осторожно спросила Лидия. — Никакого Кольцова они не ждут, но хотят, чтобы все их смотрели?

— Очень умно, — сказал Леонтьев зло, — и очень похоже на правду. Кроме того, мне совершенно наплевать, чего они там хотят. Я знаю, чего я хочу! Я хочу интервью с Кольцовым, а у меня его нет и, я так понимаю, не будет. А? Не будет?

— Игорь... — начала расстроенная Лидия, но он перебил:

— Сегодня вечером я жду точного ответа, будет или не будет интервью. В зависимости от этого я приму решение.

— Какое решение, Игорь? — Лидия начала злиться. Она не студентка-практикантка с журфака и не пустоголовая фифа, едва умеющая писать по-русски. Она журналист, и у нее есть чувство собственного достоинства.

— Пойди и позвони Кольцову, — приказал Леонтьев. — О результатах доложишь.

Стас курил и углубленно изучал собственный макет, как будто это было нечто невиданное. Грязное оконное стекло заливал серый дождик. Лидия зачем-то потрогала пунцовые щеки, повернулась и пошла к двери, очень прямо держа спину.

— Зря ты так, — негромко проговорил Стас, когда дверь за ней закрылась.

— Нормально, — поморщившись, ответил Игорь. — Проглотит.

Он не мог и не хотел ничего объяснять.

Он знал, что механизм запущен, время пошло и изменить уже ничего невозможно.

— Егор Степанович, газета «Время, вперед!», — прозвучал в селекторе голос секретарши. — Будете говорить?

— Нет, — буркнул Егор, — не буду.

— Егор Степанович, — поколебавшись, сказала секретарша, — они уже в седьмой раз звонят. И нам, и в пресс-службу. Что мне им сказать?

Оторвавшись от бумаг, Егор взглянул на селектор, как будто секретарша выглядывала оттуда. Она была ни при чем, но, как всегда, Егор раздражался.

— Переведите на Журавлева, — велел он.

— Журавлева нет и не будет целую неделю, Егор Степанович. Он и Панов с понедельника на трейнинге в Дюссельдорфе.

Егор и сам должен был знать об этом, но секретарша говорила таким тоном, как будто это она виновата в том, что шеф забыл, куда делись два начальника отделов. Она была гораздо более опытная и классная секретарша, чем вчерашняя перепуганная мышка.

Егор еще подумал. Селектор ждал.

— А, черт возьми, — пробормотал он себе под нос и бросил ручку. — Какая линия?

— Третья, Егор Степанович! — бодро доложила секретарша и отключилась.

— Да, — сказал Егор отрывисто. Он листал ежедневник, вспоминая, где вчера записывал что-то такое

относительно этой газеты. И секретарша позабыла сказать ему, кто именно там должен быть, в этой трубке. Вот дура. — Да! — повторил Егор раздраженно.

— Здравствуйте, меня зовут Лидия Шевелева, — произнесла трубка. — Газета «Время, вперед!».

Голос был низкий и теплый. Егор вдруг подумал, что этот голос похож на дорогой коньяк в широком бокале.

— Мне хотелось бы прояснить ситуацию вокруг интервью господина Кольцова нашей газете...

— Нет никакой ситуации, — сказал Егор любезно, — и интервью никакого не будет. Пока по крайней мере.

Он нашел наконец свою запись в ежедневнике. Там была фамилия Леонтьев и никакой Шевелевой не было.

В трубке помолчали.

— Егор Степанович, в пресс-службе утверждают, что именно вы не даете разрешение на интервью, но это по меньшей мере странно. Наша газета поддерживала Тимофея Ильича на выборах, мы ни разу не написали ничего такого... что могло бы показаться вам обидным...

Егор слушал только голос, напоминавший французский коньяк, и совершенно не вникал в смысл слов. Он знал, что разговор этот ничего не изменит и никакого интервью не будет, что бы ни сказал ему теплый и низкий женский голос. В данный момент с прессой вполне можно было и не заигрывать. Егор знал, что даже если он поссорится со всеми журналистами на свете, пресс-служба в два счета с ними помирится, когда они вновь понадобятся.

— Госпожа Шевелева, — сказал он, смутно сожалея, что голос в трубке умолк, — наше решение не имеет никакого отношения ни лично к вам, ни к вашей газете. До процесса никакой информации обнародовано не будет. Ни в вашей газете, ни в любой другой. Мы понимаем, что создаем вам определенные неудобства, но наше решение окончательное и, боюсь, мы не сможем его изменить.

— Дело не в неудобствах, — решительно сказал голос. — Дело в том, что вы теряете имидж открытой и демократичной компании, а пресса этого никогда не прощает.

Ничего себе!

— Уверяю вас, наш имидж переживал и не такие потрясения, — пробормотал Егор и пожалел об этом. Почему-то девица на том конце провода с ее коньячным голосом странно беспокоила его.

— Вы недооцениваете прессу, Егор Степанович, — задумчиво произнес голос в трубке. — Мне ведь ничто не мешает дать в завтрашний номер статью о том, как окружение господина Кольцова скрывает информацию. Причем написать это я могу так, что все моментально заподозрят, что в вашей компании происходят какие-то ужасные вещи.

Господи, да она никак пытается взять его за горло!

— Вы меня шантажируете, госпожа... — он заглянул в ежедневник, проверяя фамилию, которую он предусмотрительно записал, — Шевелева? Или просто угрожаете?

— Я не шантажирую и не угрожаю. — Голос утратил коньячную мягкость и стал похож на горький шоколад, твердый, гладкий, в блескучей серебряной обертке. — Я пытаюсь понять, почему вы не хотите, чтобы Тимофей Ильич общался с прессой.

Интересно, она записывает разговор или нет? Скорее всего записывает, конечно. На секунду Егор почувствовал, что всей душой разделяет нелюбовь шефа к журналистам.

— Наше нежелание общаться с прессой на данном этапе обусловлено только интересами дела. Конечно, мы не придаем особого значения прискорбному инциденту с господином Долголенко, — так звали директора завода «Янтарь», — но нам не хотелось бы, чтобы пресса делала какие-то выводы *до начала* слушания дела в суде.

— Вы опасаетесь, что всплывут неприятные подробности, которые смогут повредить репутации господина Кольцова?

— Никакие подробности, связанные с господином Долголенко, Тимофеем Ильичу повредить не могут, — сказал Егор мягко. — Но, согласитесь, очень неприятно, когда получаешь неожиданный удар, к которому совершенно не готов. Да еще в спину. Да еще от своих же.

В трубке замолчали.

Егор усмехался, рисуя в ежедневнике рожи.

Он виртуозно умел менять тон — с самого официального на самый задушевный. С самого грозного на самый нежный. И ни горький шоколад, ни старый французский коньяк не имели при этом никакого значения.

— Вы... расцениваете обращение директора «Янтаря» в суд как удар в спину? — осведомился голос.

— Никаких комментариев, — доверительно сообщил Егор.

Повисло молчание, которое Егор Шубин не собирался прерывать. Пусть молчит сколько угодно. Раз уж он вынужден был ввязаться в этот разговор, он доведет его до победного конца.

— С вами трудно разговаривать, Егор Степанович, — неожиданно вздохнули в трубке, и Егор перестал рисовать рожи.

Очевидно, эта Лидия Шевелева была неплохой журналисткой, потому что она тоже виртуозно меняла интонации, пробуя разные, и как бы примерялась, пытаясь ощупью установить, на что в конце концов клюнет этот сухарь, не умеющий общаться с прессой.

— Мы выпустим пресс-релиз, — пообещал Егор, которому неожиданно надоел разговор. Он не любил, когда кто-то пытался нащупать его слабые места, да еще так откровенно. — Следите за нашими сообщениями.

— Буду следить, если больше ничего не остается. Скажите, а ваш бойкот средств массовой информации не распространяется на программу «Зеркало»?

«А, дьявол тебя возьми! При чем здесь «Зеркало»? Я ничего не знаю ни про какое «Зеркало»!»

— Боюсь показаться неоригинальным, — сказал Егор холодно, — но все же повторяю — никаких комментариев.

— Означает ли это, что бойкот все же существует, но на отдельные средства массовой информации не распространяется?

— Это означает то, что означает, — Егор старался быть терпеливым, — никаких комментариев.

— Ясно, — подытожили в трубке. — Вы сослужите вашему шефу плохую службу, если будете с ходу отметать журналистов, Егор Степанович.

— Спасибо, что предупредили. — Егор захохотал, еще не донеся трубку до аппарата.

Наверное, она услышала, как он захохотал, эта леди с голосом, похожим на теплый французский коньяк. Даже скорее всего услышала. Но, елки-палки, никто уже много лет не учил его жить и не пытался так откровенно заставить плясать под свою дудку.

«Что происходит на свете, а? Вчера ночью я подрался у подъезда собственного дома, сегодня почему-то разговариваю с никому не известной журналисткой, трачу на нее время и сдерживаюсь из последних сил, чтобы не начать оправдываться!

Да, и еще «Зеркало», о котором она говорила. Что там надумали в пресс-службе? Он не даст разрешения на интервью даже Ларри Кингу из Си-эн-эн, не то что «Зеркалу»... Хотя шеф вроде дружит с ведущим этого самого «Зеркала». Или это не он дружит, а его жена?..»

Егор несколько секунд подумал.

Ситуация требовала прояснения. В конце концов, он привык быть последовательным.

Он нажал кнопку и негромко сказал в селектор:

— Соедините меня с Игорем Абдрашидзе.

Так звали зама по прессе. Егор не слишком его любил, потому что Абдрашидзе был ближе к шефу, чем сам Егор, и следовательно, имел больший вес и влияние.

Если Абдрашидзе решил что-то через голову Егора Шубина, значит, нужно заставить его отыграть назад и дать понять, что через эту самую голову перешагнуть нельзя. Или вместе, или никак.

Он умел ставить людей на место и делал это так же виртуозно, как менял тон в разговоре.

— Слушаю, Егор Степанович, — сказал в селекторе прокурорный голос с чуть слышным грузинским акцентом. — Доброе утро. Мы с тобой вроде не виделись сегодня?

— Не виделись, Игорь Вахтангович, — подтвердил Егор. — Доброе утро. Вопрос у меня к тебе. Есть время, чтобы ответить?

— Что это? — спросил Леонтьев недовольно. Он пил в редакционном буфете кофе, одним глазом читал чью-то уже размеченную статью и мерно постукивал по столу мобильным телефоном, как будто это был карандаш или сигарета. На лице у него была сосредоточенная скука, и, оглянувшись по сторонам, Лидия моментально поняла, откуда весь его байроновский вид. За соседним столиком сидели две неизвестные красотки и во все глаза рассматривали погруженно в задумчивость Леонтьева.

— Прости, что не даю тебе допить кофе в тишине и покое, — сказала Лидия, испытывая мстительную радость от того, что ее спина загородила красоткам всю полосу обозрения. — Просто я боюсь, что потом тебя не застану. Вот, возьми и послушай.

— Что слушать-то? — Леонтьев повертел кассету в руках. — Это что? Запись разговора Березовского с Гусинским?

— Это запись разговора Шевелевой с Шубиным, — пояснила Лидия, — и это гораздо интереснее, чем Березовский с Гусинским.

— Кто такой Шубин? — спросил Игорь рассеянно. Красотки поднялись из-за своего столика, он проводил их глазами.

Лидия вздохнула:

— Шубин — это как раз и есть глава юридической службы Тимофея Кольцова, из-за которого ты утром чуть меня не уволил.

— Ну не уволил же... — пробормотал Леонтьев. — Видишь, значит, до него вполне можно дозвониться, правда?

— Я дозвонилась до него совершенно случайно. Просто сегодня куда-то делись все его пятнадцать помощников и он вынужден был поговорить со мной. К тому же я ничем, кроме этих дурацких звонков, не занималась.

— И что он говорит, этот Шубин?

— Ни кроватей, говорит, не дам, ни умывальников... — себе под нос пробормотала Лидия. Ей тоже хотелось выпить кофе, и она раздумывала, прилично ли будет

расположиться рядом с замом главного или лучше подождать, пока он уйдет.

— Что?! — Игорь наконец посмотрел на нее, а не сквозь нее, как смотрел все это время.

— Шубин говорит, что никакого интервью не будет. От вопроса о «Зеркале» он ловко ушел. — Лидия все-таки усе-лась за стол, хотя Леонтьев ее не приглашал и не испытывал никакого дискомфорта от того, что сидит, а она стоит перед ним почти навтыжку, как нашкодившая восьмиклассница перед завучем.

— Ладно, — сказал Игорь снисходительно, — я ему сам позвоню, этому Шубину.

Лидия пожала плечами:

— Звони.

Иногда он вел себя просто ужасно. Он умел задеть как-то на редкость больно и даже не заметить этого.

Он сам позвонит! Это означало, что Лидия с заданием не справилась и теперь требуется вмешательство начальства. Начальство на Лидию понадеялось, а она... подвела. Как лошадь из анекдота, которую просили — всего-навсего! — сделать сальто в воздухе, а лошадь так и не смогла.

— Кофе будешь? — спросил Леонтьев. — Заказать тебе?

— Закажи, — согласилась Лидия. — Игорь, я тебе хотела одну штуку показать и спросить, что ты об этом думаешь.

— Спроси, — в тон ей ответил Леонтьев, и они неожиданно улыбнулись друг другу.

Жаль, что так ничего у них и не сложилось.

Все давно ушло, и больное место уже не горело огнем, а всего лишь ныло тупой бессмысленной болью, но иногда — на секунду! — вспыхивал и пропадал злой всполох уже почти совсем побежденного, почти задавленного пламени — Господи, ну почему, почему так ничего и не сложилось?!

Лидия, торопясь отвернуться, полезла в портфель и выудила из него вчерашнее приглашение в клуб «Две собаки».

— Вот. Это пришло мне по электронной почте. Я совершенно не представляю, от кого это и что мне теперь с ним делать.

Леонтьев изучал бумажку, и взгляд у него вдруг изменился. Из байроновски-скучающего превратился в журналистски-любопытный и настороженный.

— Так, — сказал Леонтьев, осторожно свернул листок и посмотрел на Лидию. Лицо у него странно дрогнуло. — Это интересно.

— Это непонятно! — возразила Лидия и отпила крошечный глоток очень горячего и густого кофе, который поставила перед ней официантка. — Почему прислали именно мне? Я не звезда первой величины, не знаменитость... Что это за клуб? Я про него никогда не слышала.

— Ты что, про все остальные московские клубы слышала? — спросил Леонтьев язвительно. — Я, например, этот клуб знаю. Такое... средне-приличное заведение, играют джаз, пьют пиво, жрут стейки с картошкой. Это на Арбате, я сто раз мимо ездил. Ничего особенного, клуб как клуб.

Лидия смотрела на него во все глаза. Почему-то она была уверена, что такого клуба вовсе не существует и Леонтьев сейчас скажет, что это чей-то глупый розыгрыш. То, что это вполне реальное место, да еще в самом центре Москвы, да еще со стейками и картошкой, сильно ее озадачило. И напугало.

— Ты думаешь, это... не шутки? — спросила она осторожно.

— Какие еще шутки! — В его голосе звучала досада, как будто он удивлялся, как можно быть такой дурой. — Конечно, никакой информации ты в пятницу там не получишь. Скорее всего получишь условия, сколько именно он хочет и за что. Сразу же покажешь мне, и я... мы примем решение, стоит овчинка выделки или не стоит.

У него даже сомнений никаких не возникло.

Ему и в голову не пришло, что она, может, и не хочет идти в пятницу в клуб «Две собаки», или боится, или не доверяет таинственному продавцу информации. В голове у него вроде бы замкнулась электрическая цепь и загорелась сигнальная лампочка, как у агента из мультфильма про капитана Врунгеля. Информация продается, следовательно, ее нужно купить. Информация прежде всего.

У нас же не фабрика по производству галош!

Пожалуй, он даже ревновал немного, что это предложение получила Лидия, а не он сам. Уж он-то бы знал, как добыть эту информацию подешевле, как оценить ее значимость, как потом подать, чтобы все — все! — поняли, что это не пошлое сообщение агентства Рейтер, не подведение итогов брифинга в Минэкономике, не перепечатка из «Таймс», а самая что ни на есть *конфиденциальная, единственная в своем роде, уникальная информация!*

— Давай я вместо тебя схожу! — предложил он внезапно. — Хочешь?

— Нет, — быстро сказала она и улыбнулась, — спасибо, но я пойду сама. Я тебе сразу же позвоню, как только что-нибудь узнаю.

— Ну-ну, — протянул он неопределенно. — Позвони... Только ни на что не соглашайся, не подумав. Ничего не обещай. Оцени ситуацию и то, что тебе предложат, не торопясь, без суеты.

— Я постараюсь. — Совершенно неожиданно для себя Лидия решила, что она никому не отдаст этот шанс, пока не исчерпает его до конца. Она во всем разберется сама, а Леонтьева даже близко не подпустит! Это *ей* прислали сообщение, это *ее* пригласили на встречу, это *ей* обещали нечто важное и интересное.

Информация — наш главный козырь, так, кажется, любил повторять на всех летучках зам главного редактора Игорь Леонтьев.

У нас же не фабрика по производству галош!

— Спасибо тебе, Игорь, — сказала она и одним глотком допила кофе. — Я побегу.

Она поднялась, пристраивая на плечо ремень стильного дамского портфеля, готовая сорваться с места в своей обычной стремительной манере, и вдруг замялась, как бы остановившись в последнюю секунду перед взлетом:

— Игорь, если ты о чем-нибудь договоришься с этим идиотом из кольцовской юридической службы, не отдавай никому это интервью, а?

Она умела просить так, что отказать ей было очень трудно. Почти невозможно было отказать, но Игорь Леонтьев был раздражен и недоволен ею, хотя скрывал это даже от себя. Он ревновал ее к этой мифической информации, которую ей предложили. Ей, а не ему! Он ревновал к работе всех, кто хоть в чем-то, хоть на миллиметр, опережал или обходил его. Может быть, именно поэтому он с таким успехом делал карьеру...

— Нет уж, матушка, — сказал он, смутно радуясь тому, что сейчас он ей откажет, — если я договорюсь с идиотом, я и поеду на интервью. Поезд уже ушел.

— Ясно, — кивнула она, и улыбка у нее изменилась. — Все равно спасибо.

— Не за что, — сказал Леонтьев галантно. — Обращайтесь в любое время.

Она пробралась к выходу, старательно глядя под ноги и обходя наставленные на полу рядом со стульями портфели и сумки, в дверях ее окликнули, и она еще постояла несколько секунд, слушая, что говорит ей полная белесая девушка из редакции «Иностранной литературы», которая была этажом выше.

Они немножко поговорили и посмеялись, и, махнув на прощание, Лидия убежала.

Молодой человек, напоминающий корреспондента, который заставляет ждать своего редактора, уже полчаса что-то быстро строчил на разъезжавшихся листах бумаги, рискуя свалить локтем чашку с остывающим кофе. Он проводил Лидию глазами, перестал писать, неторопливо убрал ручку и сложил в портфель свои многочисленные бумаги. Потом закурил и кинул быстрый взгляд в самый дальний угол, куда был втиснут крошечный столик на одного. Над столиком не спеша извивалось белое облако сигаретного дыма. Молодой человек вопросительно приподнял брови и показал глазами на только что закрывшуюся дверь. Получив утвердительный кивок, он поднялся и вышел следом за Лидией.

— Да я на одну секунду, что вы, ей-богу! — сказал густой насмешливый бас у самой двери, и Егор переложил в другую руку телефонную трубку, радуясь хоть какому-то отвлечению от бесконечных дел и телефонных звонков.

— Ну, навел ты шороху на своих мамзелей! — Владелец баса показался на пороге и шутливо отер пот со лба, демонстрируя, сколько сил ему пришлось потратить на то, чтобы прорваться через «мамзелей».

— Здорово, Николай Николаевич! — Егор, не выпуская, однако, трубки, вышел из-за стола и пожал протянутую руку. — Ты зашел, чтобы пригласить меня на обед?

Николай Николаевич Барышев был заместителем императора по хозяйственной части. Империю «Судостроительные заводы Тимофея Кольцова» Барышев создавал вместе с Кольцовым с самого первого камня и пользовался не только безграничным доверием шефа, но и искренним уважением сослуживцев, что само по себе было большой редкостью. Дружба с Барышевым была своего рода пропуском в мир, где действовала совершенно особая табель о рангах, где достаточно было сказать, что «Ник Ник поддерживает», — и вопрос решался сам собой. В выборе союзников и друзей Барышев был осторожен и избирателен, зато если уж брался поддерживать, то поддерживал до конца, не боясь ни высочайшего гнева, ни порой гораздо более высокого положения врагов. У Барышева в империи было особое место, даже не у подножия, а где-то *рядом* с тронem.

— Кофе дайте нам, — приказал Барышев в еще не до конца закрытую дверь, — и покрепче, если можно, девушки!

Он обошел Егора, который посреди кабинета договаривал с Сашей Андронниковым, главой юридической службы «Кока-Колы», секунду подумал, какое кресло выбрать, потом очень основательно устроился, как будто собирался просидеть за этим столом вечность, и, когда Егор нажал наконец кнопку отбоя на телефонной трубке, спросил с веселым интересом:

— Ты про обед-то серьезно спрашивал, Егор Степаныч, или шутить изволил?

— А что? — Егор сунул трубку в гнездо и крепко потер глаза под очками.

— А то, что ужин давно прошел, а ты — обед!

— Как — ужин? — переспросил Егор, неизвестно почему приходя в хорошее настроение. — Какой ужин? Где ужин?

— Я кофе у твоих мамзелей попросил. — Барышев распахнул кожаную папку, которую принес с собой.

— Кофе у меня уже к ушам подступает, — пробормотал Егор, — но с тобой выпью. У меня коньяк есть, французский. Будешь?

Какое-то смутное воспоминание осторожно пробралось по задворкам сознания, когда он предложил Барышеву коньяк, но у Егора не было сил его ловить.

— Наливай, — согласился Барышев. — У меня просьба к тебе, Егор Степаныч.

— Давай. — Егор налил по глотку коньяка в два пузатых тяжелых бокала и сунул один в протянутую руку Николая Николаевича.

— Я знаю, конечно, что юристы у нас самые загруженные, но мне тоже деваться некуда, — сказал Барышев, как бы извиняясь. — Батяня, — так они между собой называли Кольцова, и в этом была некая корпоративная причастность, доступная только самым приближенным, своеобразный пароль, обозначающий, что «мы с тобой одной крови», — батяня пансионатик покупает в Светлогорске, это там, на Балтике. Пансионатик старенький, бывший профсоюзный, задрипанный до невозможности. Мы его хотим сносить и строить гостиницу, чтоб батяня там мог гостей принимать. Ну, в смысле не премьера, а кого попроще...

— Ну? — Глаза слезились, а под левым задергался нерв — всегдашний признак крайней усталости. — Чем помочь?

— Да там, понимаешь, концов никаких не найдешь, кто его продает и законно ли. А батяня загорелся — подай ему гостиницу, да и все тут.

— А земли много? — Егор снял очки и закрыл глаза.

— Немного, но есть, конечно.

— А пляж свой или государственный?

— Пляж государственный, а надо, чтобы был свой. — Барышев одним глотком влил в себя коньяк. — Я к тебе пришел, чтоб ты своих гавриков поторопил и сам все это дело проконтролировал. Если обычным путем пойдет, они только подписи полгода собирать будут, а мне к лету туда народ заселять...

— К лету ничего не выйдет, даже не надейся. Закон о частной собственности на землю знаешь где?

— В ...де, — ответил Барышев энергично.

— Вот именно, — усмехнулся Егор. — Мои гаврики ведь не просто так тянут. Они профессионалы, но знаешь, сколько нужно телодвижений сделать, чтобы хоть что-нибудь сдвинуть?

— Ладно, ты меня не агитируй, Егор Степаныч, не на собрании.

— Да я тебя не агитирую! Я просто сразу говорю, чтобы ты не ждал от меня чудес. Тем более там погранзона, если я не ошибаюсь.

— Не ошибаешься.

— Ну вот... Бумаги оставляй мне, я сам буду заниматься, но никакого заселения летом не планирую.

— Ладно, ладно, — сказал Барышев добродушно, — самое главное, что я все это тебе спихнул. Теперь весь спрос с тебя.

— Это точно, — пробормотал Егор.

Он не стал бы отказывать Барышеву, даже если бы тот попросил посодействовать в покупке небольшого участка на Марсе или на Венере, но дело, о котором хлопотал зам по хозяйственной части, было не слишком приятным. Тимофей Кольцов в Калининградской области губернаторствовал, следовательно, должен был покупать землю сам у себя. В погранзоне никаких частных пляжей не было и быть не могло. Конечно, все это не бог весть как сложно, и давным-давно придуманы разные хитроумные схемы, но хлопот с этой гостиницей не оберешься. Барышев об этом знал, потому и пришел сам, чтобы Егор уж точно не отказался.

Кроме того — Егор был совершенно в этом уверен, — гостиница была нужна именно Барышеву, а

вовсе не батяне, который такими вещами отродясь не интересовался.

Ну что ж... Послужим Барышеву. Долг платежом красен, а Барышев в долгу оставаться не любил.

Зазвонил мобильный, и Барышев махнул рукой, поднимаясь, мол, занимайся своими делами, не буду мешать.

— Да, — сказал Егор, глядя, как медленно затворяется тяжелая дверь. — Да, слушаю.

— Жора, это я, — с хрипотцой произнесла ему в ухо Маргарита. — Ты меня искал? Можешь поговорить?

— Не могу, но поговорю, — сказал Егор холодно. — Что там за история с Димкой?

Мать засмеялась волнующим смехом, от которого у Егора засосало под ложечкой.

— Ну... не знаю, как сказать. Правда, Жорик!

«Какой, блин, Жорик!

Мне сорок лет, я давно вышел из возраста, когда обращают внимание на ерунду вроде этого Жорика, но как же она меня бесит!»

— Скажи как есть, — попросил Егор, — только покороче. Я на работе еще.

— Ну... он хамит, не учится, требует денег. С компанией связался... неподходящей. Что делать, растет без отца...

— Он уже вырос! — проскрежетал Егор.

— Что-о? — протянула Маргарита. — Говори погромче, Жора, я в ванне, а тут вода плещется. Мне не слышно.

Как будто она не могла позвонить *до* или *после* ванны или хотя бы не сообщать, что она в ванне!

«Зачем ты ее искал, юрист хренов?! Ведь сценарий известен наперед, известен до самой последней реплики! Что тебе от нее нужно?! Что за мазохизм или садизм — черт их разберет! — заставляет тебя разговаривать с ней снова и снова?!

Как будто с ней вообще можно разговаривать!»

— Ну и где Димку теперь искать? — спросил Егор. — Ты знаешь?

— Ну, у друзей каких-нибудь, — сказала Маргарита задумчиво, очевидно прикидывая, скоро ли ей

понадобится педикюр или эпиляция. — Может, у девицы этой... как ее... Катя или Маша. Представляешь, он завел себе девицу! Умрешь со смеху! Такая серая, облезлая, в пятнах каких-то... Я ее однажды с ним видела. Говорят, что она учит японский язык. Жорка, ты представляешь, японский!

Если брат дружит с «облезлой девицей в пятнах», которая учит японский язык и называется Катя или Маша, а не Лолита, значит, может, еще не все потеряно, пронеслось в голове у Егора.

Почему-то эта мысль его обрадовала, хотя он уверял себя, что ему совершенно безразличны дела брата.

— А что? — вдруг насторожилась Маргарита. — Он тебе звонил? Жаловался на меня?

В ее голосе проскользнула озабоченность.

Она была совершенно уверена, что Димка не пойдет к Егору, которого он ненавидел, и Егор еще не скоро узнает, что она решила вопрос с Димкой самым простым способом — выставила его из дома. Сердить Егора было опасно — он мог не дать денег или дать меньше, а Маргарите как раз в этом месяце были очень нужны деньги.

Гораздо *больше* денег, чем обычно.

Неужели гаденыш кинулся плакаться Егору?! Конечно, у нее в запасе есть тяжелая артиллерия, и когда она пальнет из главного калибра, Егор вряд ли сохранит сочувствие к Димке, но она не думала, что ей придется применить ее вот так... сразу.

— Где ты его видел? — спросила Маргарита, придав голосу, помимо озабоченности, еще и некоторое материнское смятение. — Пусть немедленно возвращается домой! Скажи ему, Жора!..

— Скажу! — пообещал Егор охрипшим от ненависти голосом. — Непременно скажу, Ритуля!

— Что? — переспросила Маргарита, придя в явное замешательство.

Она была непроходимо тупой во всем, что не имело отношения к ее личному благополучию и спокойствию. Зато она была так хороша собой и так самоуверенна, что никто не замечал ее тупости. Егор был совершенно

уверен, что он был единственным человеком, который знал, насколько она тупа.

Даже дед думал, что она умна, с истинно мужской доверчивостью принимая за ум обычную житейскую хитрость.

— Так он совсем ушел или на время? — спросил Егор, выдохнув сгусток ненависти, который давил ему горло. — Ты не знаешь?

Маргарита расценила этот вопрос как подтверждение того, что Егор ничего не знает о том, что она выгнала Димку, и сразу успокоилась.

— Не зна-аю, Жорик. Наверное, он придет. Да точно придет! Только вот не знаю когда. Но если ты его увидишь, скажи ему, чтобы возвращался, что мама волнуется.

Мама волнуется!

Прижав трубку плечом, Егор вытащил из стакана карандаш, сломал пополам и швырнул на середину иранского ковра.

Потом вытащил еще один.

— Вот что, Ритуля. Давай-ка ты вылезай из ванны и собери его вещи. Я сейчас отправлю за ними Наталью Васильевну, нашу домработницу. Димка у меня и пока что у меня останется. Я ему передам, что... мама волнуется. Договорились, Ритуля?

Послышался всплеск, очевидно, Маргарита резко села, расплескав из ванны воду.

— Как у тебя? — спросила она ошеломленно. — Как он мог у тебя оказаться?!

— Приехал на метро, — объяснил Егор. — Ты можешь собрать его вещи?

— Подожди, Жора, я ничего не понимаю. Почему он у тебя?

— Потому что ты его выгнала, — сообщил Егор ласково.

— Это неправда! — завизжала Маргарита.

Как же она не догадалась, что Димка побежит не к Егору, а к этому полоумному старику, ее папаше! А ее папаша для Егора — главный человек, главнее родной матери, моментно расстроилась Маргарита. Что он скажет, то Егор и сделает. Вполне может денег не дать...

— Пока, Ритуль, — попрощался нежный сын. — Не забудь вещи собрать.

Совершенно уверенный, что она сейчас же примется ему звонить, он выключил мобильный, не глядя потыкал в кнопки телефона, стоящего на столе, и стал собирать в портфель бумаги, с которыми еще должен был поработать вечером.

— Дед, это я, — негромко сказал он в сторону телефона, когда умолкло вежливое бормотание автоответчика. — Возьми трубку.

— Алло? — Дед, как обычно, был свеж и бодр или делал такой вид, чтобы не огорчать Егора. — Ты где?

— На работе я. — Егор щелкнул замками портфеля и натянул пиджак. — Если ничего сию минуту не произойдет, скоро приеду. Дед, снаряди эту свою Наталью Васильевну в поход за Димкиными вещами. Вызови такси и дай Маргаритин адрес. Маргариту я предупредил, так что ты к телефону не подходи пока. Димки нет, конечно?

— Конечно, нет, — согласился дед. — Наталью Васильевну я снаряжу. Это правильно, Егор.

— Не знаю, правильно это или неправильно, но сейчас у него при себе имеются одни трусы на все случаи жизни, а таскаться с ним по магазинам мне некогда. Из остального семейства никто не звонил?

— Звонила тетя Люба, — сообщил дед со вздохом, зная, что лучше сказать сразу, чтоб не мучиться. — Вадика забирают в армию. Она просила помочь.

— Угу, — сказал Егор. — А когда забирают-то? После-завтра?

— Почти, — согласился дед.

— Пораньше нельзя было сказать? — Опять его засасывало это семейное болото — чужие проблемы, от которых он всю свою жизнь не мог отвязаться.

— Наверное, можно было, но она стеснялась, Егор.

— Кто?! — От изумления Егор даже перестал шарить по столу в поисках сигарет. — Тетя Люба?! У нее стеснительности — как у бэтээра, а может, и меньше. Ладно, я ей перезвоню. Все, пока.

Ну их, эти сигареты. В машине у него точно есть еще.

Егор натянул пальто, подхватил портфель и пошел к двери. Останки карандашей, раскатившиеся по иранскому ковру, вежливо хрупали, когда он наступал на них ботинками.

Из засады был хорошо виден освещенный круглыми фонарями подъезд. Отлично просматривалась и нарядная строгость вполне европейского вестибюля за громадными, очень чистыми стеклами.

Почему они такие чистые, когда на улице все время дождь, тротуары залиты мутной жижей из снега, автомобильного масла, соли, воды и песка? Колеса выплескивают эту жижу на ноги и пальто прохожих, на бока других машин, на здания и деревья. А светлый вестибюль так торжественно-самодоволен, так отмыт и свеж, что кажется глянцевой фотографией из другой жизни, только что наклеенной на унылую серую стену.

Из автоматических дверей, открывающихся с бесшумной неторопливостью, то и дело выпархивали красавицы, по одной и стайками. Широкими шагами выходили мужчины. Одни задерживались на просторном крыльце, продолжая свои важные мужские разговоры, другие сразу сбегали вниз, к таким же важным и дорогим машинам. Двигатели заводились мгновенно и не оскорбляли слух непристойными завываниями, столь свойственными машинам дешевым.

Московский офис империи «Судостроительные заводы Тимофея Кольцова» заканчивал работу.

Тот человек, судя по всему, будет один и выйдет поздно. Это очень хорошо — никто не сможет помешать.

Только бы не пропустить и не ошибиться.

Из укрытия были хорошо видны не только подъезд и вестибюль, но и вся стоянка. Стоянка небольшая, вместительная, закрытая с улицы. Въезд перегорожен шлагбаумом. Рядом — будочка, в ней два охранника. Они по очереди выходят покурить. Один выходил три, а второй четыре раза.

Это значит, что прошло уже около часа.

68 Впрочем, спешить некуда, время есть.

Поток машин на Ильинке, и без того не слишком плотный, совсем поредел. Начальники первой волны — средние и мелкие — уже проехали, а высокие еще трудятся.

Выполняют и перевыполняют.

Решают и перерешают...

Красавицы тоже иссякли. Неторопливые автоматические двери пропускают в основном мужчин, которые выходят по одному и не сбегаят, а солидно проносят себя до автомобилей.

Не пропустить бы. Ошибиться никак нельзя...

Очень высокий человек в распахнутом длинном пальто вышел из лифта и остановился посреди залитого светом холла, словно давая себя рассмотреть. Он что-то неслышно говорил в телефон, очки поблескивали с холодным высокомерием.

Он.

Нужно дождаться, когда он выйдет на крыльцо, и тогда — вперед. Ни секундой раньше или позже, иначе можно нарваться на охрану.

Ну сколько можно говорить?

Выходи...

Ну выходи же!..

Мужчина за чистым стеклом небрежно сунул телефон в карман пальто, слегка кивнул кому-то и большими шагами пошел к двери.

Да. Сейчас.

Лидия выскочила из засады, пулей пронеслась мимо будочки со шлагбаумом, поскользнулась на подмерзшем асфальте, удержалась на ногах и вылетела наперерез Шубину, как раз когда он оказался на нижней ступеньке крыльца.

Хлопнула дверь, загрохотали ботинки — из будочки вывалились охранники.

— Егор Степанович, — выпалила Лидия, — моя фамилия Шевелева, газета «Время, вперед!», мы разговаривали с вами утром по телефону. Мне необходимо с вами поговорить.

Мужчина смотрел на нее сверху вниз, и за стеклами его очков было невозможно разглядеть выражения

глаз. Он смотрел и молчал, и Лидия неожиданно сильно струхнула.

— Егор Степанович...

Он молчал еще секунду, и Лидия уже решила, что сейчас он отдаст ее на растерзание охране.

Сзади ее сильно толкнули, и от неожиданности она уронила портфель.

— Все в порядке, это пресса, — сказал Шубин как ни в чем не бывало. — Пресса всегда появляется... внезапно.

— Вы ее знаете, Егор Степанович? — тяжело дыша прямо ей в ухо, спросил подбежавший охранник.

— Знаю, — кивнул Шубин.

— В следующий раз, девушка, — очевидно, не сдержавшись, добавил второй, — если вы так побежите, вас кто-нибудь пристрелит.

— Это точно, — подтвердил первый. — Вы в офисе разговаривать будете, Егор Степанович? Если в офисе, тогда зарегистрировать бы надо.

— В офис я ни за что не вернусь, — проговорил Шубин, продолжая внимательно изучать ее, как будто сообщал ей новость. — Пойдемте в мою машину. Спасибо, ребята!

Он отвернулся и пошел куда-то вбок, как бы за здание, совершенно не заботясь о том, идет за ним Лидия или нет.

Ну и юрист. Не юрист, а террорист какой-то.

Он свернул за ряд голубых елей, засыпанных снегом и по-новогоднему нарядных. Лидия трусила за ним, как провинившаяся собака за хозяином. За елями оказалась еще одна стоянка, на которой дремали всего три машины: два громадных тяжеловесных джипа и какой-то длинный представительский лимузин.

Один из джипов при их приближении весело хрюкнул, подмигнул фарами и весь залился светом изнутри и снаружи. Лидия от неожиданности даже приостановилась.

— Ну что же вы? — спросил Шубин насмешливо. — Садитесь.

— Егор Степанович, мне очень неловко, что я...

— Извинения можете потом написать на бумаге и при слать мне на факс. — Он распахнул ей дверь. — Садитесь.

— У меня только одна... — все пыталась объяснить она, неловко взбираясь на высокую подножку.

Он подождал, пока она наконец усядется, захлопнул дверь, обошел джип, в свете фар и в фалдах своего длинного пальто очень похожий на графа Дракулу, сел на водительское место и включил зажигание.

— Что вам нужно?

Лидия смотрела на него во все глаза.

Он был совсем не таким, каким она его себе представляла. Он оказался старше и... неприятнее, чем на фотографиях или по телефону. Пожалуй, ему за сорок, а не около сорока, и он самоуверен до такой степени, что хочется сию минуту сделать что-нибудь, что лишило бы его этой самоуверенности. Он из тех людей, в разговоре с которыми никогда не можешь найти «достойного ответа», зато к трем часам ночи сочиняешь целые монологи с единственной целью — как-то оправдать в собственных глазах то, что он так и не признал в тебе человека...

Да еще очки...

Консервативные, как «кадиллак» пятьдесят третьего года, стильные, стоящие бешеных денег. Не очки, а символ общественного и материального положения.

И глаз не видно. И выражения лица не разберешь.

Очень удобно.

— Егор Степанович, меня зовут Лидия Шевелева, — решительно начала она. — Мы разговаривали утром по телефону, помните?

Он молча кивнул.

— Мне пришлось ловить вас таким... странным образом потому, что вы не стали бы со мной встречаться, а мне это очень важно.

— Я не дам разрешения на интервью, госпожа Шевелева, — сказал он ровно. — Вы не будете возражать, если я закурю?

Боже, он еще и вежливый! Впрочем, говорят, и крокодилы плачут, когда поедают очередного зазевавшегося туриста.

— Нет-нет, — заторопилась Лидия, — то есть да-да, курите, пожалуйста.

— Вот спасибо, — поблагодарил он. — Вы курите?

Лидия прикурила от его зажигалки, хотя ей вовсе не хотелось курить. Перед тем как выскочить из кустов, она выбросила в снег сигарету. Зато у нее появилась секунда, чтобы обдумать и подкорректировать свою речь.

Егор Шубин сбоку взглянул на нее.

Не только голос был похож на французский коньяк. Она вся была... похожа. Не так чтобы уж очень хороша, но, взглянув на нее раз, хотелось посмотреть еще. У нее было яркое лицо — темные глаза, темные брови, красивый рот. Волосы до плеч, гладкие и блестящие, мечта любого мужчины. Сосредоточенный лоб — очевидно, она быстро решала, как именно с ним разговаривать, — смугло-розовые от холода щеки, длинные пальцы. Много колец, но никакого маникюра. Или это у них теперь такой специальный маникюр, создающий видимость отсутствия маникюра?..

— Егор Степанович, — начала она, поднимаясь взглядом от узла его галстука до очков, — мне очень неловко, что я заставляю вас терять время, да еще в конце рабочего дня... — Она приостановилась, давая ему возможность воскликнуть «Ничего-ничего!», но он молчал, ничем ей не помогая. — Но для меня это очень важно.

«Да ему-то что за дело, важно это для тебя или нет, — быстро пронеслось в голове, — давай говори что хотела и выметайся из его машины, быстро!»

— Мое начальство очень недовольно тем, что я так и не смогла уговорить вас на... сотрудничество с нами. Я пыталась убедить всех, что это ваша принципиальная позиция, но... все равно лучше было бы интервью, а не позиция... — Она храбро улыбнулась, чувствуя, что ее затея, казавшаяся такой замечательно логичной и легко выполнимой, с треском проваливается и вот-вот провалится совсем.

Почему она решила, что этот человек, высокомерный, как английский принц в гостях у вождя зулусов, изучающий ее с таким брезгливым, но привычно-вежли-

вым интересом, будет в чем-то ей содействовать? С чего она взяла?!

— Прощу прощения, — сказал вдруг английский принц, — но я что-то никак не могу уловить суть проблемы.

Лидия залилась краской так, что ей показалось, что весь салон осветился ровным красным светом.

Господи Боже мой, как неловко, как унизительно...

Спина моментально взмокла, шарф стал колоть шею, и лоб, наверное, блестит лихорадочным блеском, и Шубин, конечно же, заметил ее глупое смятение и то, что она совершенно не готова к разговору.

Вот тебе и журналистский профессионализм!..

«Быстро и четко скажи ему то, что тебе надо, сделай непроницаемое лицо, выслушай отказ, поблагодари и выйди из его машины».

— Егор Степанович, мой шеф, Леонтьев Игорь Владимирович, отстранил меня от этого интервью. Он решил, что сам попытается поговорить с Тимофеем Ильичом, пусть даже не сейчас, а когда вы дадите нам... разрешение. А говорить должна я. Это *мое* интервью, я целый месяц готовилась, для меня это очень важно. Это... шанс перейти в другую профессиональную категорию.

Ну вот. Самое страшное она сказала.

— Понятно. — Егор подавил желание рассмеяться.

Девчонка выскочила ему наперерез из кустов исключительно для того, чтобы в каком-то неопределенном будущем заполучить интервью с важным человеком. Для этого ей надо убрать с дороги собственного шефа и сделать это с помощью Егора Шубина.

Ход конем.

Белые начинают и выигрывают.

Кто сказал, что проституция — древнейшая профессия? Журналистика куда древнее и продажнее! Проститутки по крайней мере не делают вид, что они чисты и неподкупны. А журналисты делают. Да еще лезут друг на друга, пихаются, жалят, как раздраженные скорпионы, и все для того, чтобы продаться подороже.

Он как-то моментально и очень сильно рассердился. Такое с ним редко случалось.

— Боюсь, что ничем не смогу вам помочь. — Егор раздавил в пепельнице сигарету. — Вопрос о том, кто именно будет интервьюировать Тимофея Ильича, решается вовсе не на моем уровне. Позвоните дежурному в пресс-службу, вам там все объяснят.

Ему было почему-то обидно, что эта девица с ее теплым коньячным голосом и интеллигентным тонким лицом оказалась таким же скорпионом, как и все ее сородичи по профессии.

— Егор Степанович...

— Мне больше нечего вам сказать. Простите, я должен ехать.

— Да-да, — пробормотала совершенно уничтоженная Лидия. — Конечно.

Пошарив рукой по кожаной обивке, она нащупала холодную металлическую ручку, надавила — Шубин не сделал ни одного движения, чтобы помочь ей, только смотрел с внимательным презрением, — выбралась на улицу, как-то ужасно неловко, задом, попятилась, бормоча ненужные прощальные слова, отступила в снег, чуть не упала и захлопнула наконец дверь.

Джип постоял еще секунду, как будто подготавливаясь к прыжку, и вдруг рванул с места так, что из-под колес ударил веер слежавшегося снега. В конце короткой аллеи он затормозил, злыми красными искрами полыхнули и погасли тормозные огни, и джип пропал из глаз.

Лидия перевела дух.

Потом она выбралась из сугроба, с преувеличенной старательностью потопала ботинками по сухому асфальту, достала сигарету и закурила, стараясь принять независимый вид.

«Господи, как он все неправильно понял!

Да это не он понял, а ты ему так все объяснила, идиотка! Впрочем, сожалеть теперь не о чем. Мосты сожжены, и интервью с Кольцовым мне не угрожает. По крайней мере пока у него работает Егор Шубин».

Да, отличный был план, что и говорить. Отличный, продуманный до мелочей, способствующий дальнейшим карьерным взлетам.

Лидия сердито засмеялась.

«Хорошо, если он вообще не перекроет нашей газете доступ к своему шефу. Вот чего ты добилась, идиотка чертова!»

Нужно срочно позвонить Леонтьеву и во избежание дальнейших недоразумений растолковать ему, какие героические усилия она предприняла, чтобы добиться разрешения на интервью.

Чтоб он разбился на своем джипе, этот проклятый Шубин! Желательно немедленно и насмерть!

— Столик заказан? — До отвращения вежливый молодой мужчина с необыкновенной прической — волосок к волоску, зализанные назад, — поджидал, пока она спрячет в портфель номерок, полученный в обмен на шубу.

— Да, — храбро сказала Лидия. — Меня зовут Лидия Шевелева.

Молодой человек молниеносно, как фокусник, достал из воздуха какой-то список, пробежал по нему глазами, улыбнулся еще слаще и гостеприимно распахнул дверь во внутреннее помещение.

— Проходите, пожалуйста!

На Лидию надвинулся гул голосов, плотное облако табачного дыма и характерный звук поедаемой пищи, свойственный только тесным и многолюдным ресторанчикам.

— Сюда, сюда! — приговаривал молодой человек заботливо, оглядываясь на Лидию, которая осторожно пробиралась следом. — Вот здесь. — Он отодвинул Лидии стул, суетливо зажег свечку, что-то передвинул на довольно чистой скатерти, улучшая декорацию, и выложил перед ней папку меню и еще одну, очень толстую, «карту вин».

— К вам кто-нибудь присоединится?

Лидия подняла на него глаза. Она нервничала и старалась, чтобы это было не слишком заметно.

— Я еще не знаю, — сказала она, стараясь говорить как можно более уверенно. — Но себе я закажу сейчас.

— Конечно, конечно, — пропел молодой человек и поспешно отошел, как бы опасаясь, что его ничтожная персона помешает Лидии заказать то, что ей хочется.

Проводив его глазами, Лидия с облегчением вздохнула, закурила и оглянулась по сторонам.

Очевидно, клуб «Две собаки» был весьма популярным заведением, потому что все столики вокруг и даже за низкой декоративной стеной из красного кирпича были заняты. В сизом сигаретном дыму плавали огоньки свечей. Три гигантских телевизора показывали какие-то спортивные соревнования, болельщики сидели вокруг на высоких табуретах, оглушительно ревели и запивали каждый острый момент пивом из длинных тяжелых кружек. Большая компания, судя по развешанным на спинках стульев пиджакам только что вывалившаяся из близлежащего офиса, что-то громко обсуждала на странной смеси русского, английского и немецкого языков. Справа в арочном проеме виднелись три бильярдных стола. Занят был только один. Две спортивного вида девицы лениво гоняли шары, которые сталкивались с приятным костяным звуком.

Лидия немножко успокоилась. Вполне приличное место. Ничего страшного и даже можно поесть. Есть ей очень хотелось.

Интересно, когда появится таинственный информатор? Или это информаторша?

Леонтьев дал ей миллион наставлений, как именно следует себя вести, чтобы не попасть впросак, как будто она отправлялась на прием к шефу ЦРУ. Он десять раз повторил, чтобы она немедленно позвонила ему, как только встреча состоится. Он был заботлив, как во времена их романа, и Лидия опять немножко загрустила, сетуя на то, что так ничего у них и не вышло.

Грустила она минут десять, а потом все мысли переключились на предстоящую встречу.

Леонтьев может быть совершенно спокоен. Она ничего не испортит. Конечно, у нее нет опыта обще-

ния с неизвестными «источниками», как они называли информаторов, но она профессионал, она вполне справится.

Подумав о своем профессионализме, Лидия вспомнила недавний инцидент с непробиваемым господином Шубиным, и ей стало стыдно. Как это ей в голову пришло пригласить его в союзники?!

Вот тебе и профессионализм!

Чтобы отделаться от чувства стыда и недовольства собой, Лидия быстро открыла меню и заставила себя вчитаться. «Пожалуй, возьму салат и большой стейк с цветной капустой. Интересно, у них есть цветная капуста? И какое-нибудь светлое немецкое пиво».

Она открыла вторую папку — «карту вин» — и с изумлением уставилась на тонкую книжечку, которая лежала поверх обтянутой целлофаном страницы.

Уверенная, что это какое-то клубное предложение, она лениво взяла книжечку в руки. Книжечка называлась почему-то «Янтарный сказ», была издана Калининградским издательством и содержала, судя по надписи, стихи молодых поэтов.

Лидия весело удивилась способу, которым молодые поэты продвигали свой сборник, и открыла первую страницу.

Что за черт?

Сборник стихов молодых калининградских поэтов открывался ксерокопией письма в Правительство Российской Федерации с просьбой предоставить налоговые и таможенные льготы какой-то фирме, занятой поставкой гуманитарных грузов в Афганистан.

Что-то вдруг толкнулось в мозг, стало тревожно и интересно. Лидия оглянулась по сторонам, села прямо и стала быстро читать. Дальше шла первая страница договора между той фирмой, что просила льготы, и еще какой-то о покупке меди и никеля. Ни подписи, ни печати, ни даже окончания договора не было.

Третья страница начиналась поэтически: «В таинственной глубине Балтийского моря, скрытый от человеческих глаз, рождается янтарь, один из самых прекрасных минералов на нашей планете. Многие тысячелетия

заключены в его прозрачной глубине, как в темнице, и лишь тонкому ценителю открываются его загадки и тайны».

Остальной текст был заклеен короткой компьютерной распечаткой: «Если вы хотите больше узнать о янтаре, вам предлагается для опубликования сборник ответов на загадки. Цена — две тысячи, гарантия — платежное поручение о переводе денег. На этом же месте через два дня, в понедельник. В случае вашего отсутствия повторное предложение сделано не будет».

Лидия осторожно, как сапер, держащий в ладони мину, закрыла книжку «Янтарный сказ» и, глянув по сторонам, проворно спрятала в портфель. После чего позволила себе закурить. Сигарета чуть-чуть дрожала.

Дураку ясно, что речь идет о холдинге «Судостроительные заводы Тимофея Кольцова», в который входит компания «Янтарь».

«Итак, это компромат на Кольцова.

На следующий день после опубликования меня застрелят на площадке собственного дома, и некому будет приготовить обед моей непутевой матери. А может, застрелят еще раньше, до опубликования, как только бумаги окажутся у меня.

Нужно немедленно бежать отсюда, чтобы *тот* человек, который сидит где-то в шумном зале и следит за каждым моим движением, увидел, что я испугалась до полусмерти, чтобы ему даже в голову не пришло, что я клюнула на его приманку. Пусть ищет какого-нибудь другого камикадзе. Я на эту почетную роль не гожусь».

Она облизала пересохшие губы и подвинулась глубже к стене, куда не доставал свет висящей на длинной цепочке лампы.

Информация — наш главный козырь и оружие. Мы не фабрика по производству галош!

«Планета новостей» покоится на нескольких китах, которые хорошо известны каждому профессионалу. Два из них — это сенсационность и точность. Третий — хотя бы видимость объективности. Заказную информацию необходимо ловко маскировать, ибо даже самый

наивный читатель рано или поздно догадается, кто именно платит за заказуху, и доверие будет утрачено навсегда. Восстановить его практически невозможно.

При всем своем журналистском опыте Лидия не имела представления, согласится или нет газета «Время, вперед!» опубликовать компромат на Тимофея Кольцова, сколь бы достоверным и сенсационным он ни был. Лидия имела самые смутные представления о том, с кем и против кого «дружит» высшее руководство. Очевидно, информатор был осведомлен лучше ее, раз предложил материал именно ее газете.

Если ее руководство *заинтересовано* в скандале вокруг Тимофея Кольцова, значит, ей выпал уникальный шанс. Такая информация, как правило, оплачивается по высшей категории. На следующий день после опубликования она проснется богатой и знаменитой. Если вообще проснется, конечно.

Из просто хорошо пишущей барышни она превратится в «борца и трибуна», в «ту самую, что расколола Кольцова». В одни издания путь ей будет навсегда закрыт, зато другие примут ее с восторженной подобоострастной радостью.

И любопытство ее разбирало. Проклятое любопытство, которое с детства не давало ей покоя.

Интересно, *что* там? Какие чудовищные тайны скрывает этот человек, на фотографиях похожий на большого умного медведя из сказки? Кто решил его сдать и почему? Имеет ли это отношение к судебному процессу, которого так остерегается ловкий адвокат Егор Шубин? Кто из врагов Кольцова пошел в атаку? Кому он мешает так сильно, что копать под него решились прямо сейчас, не дожидаясь выборов?

Лидия потушила сигарету и сразу же прикурила следующую.

Без Леонтьева она ничего не решит. Только он сможет сказать, нужен этот материал газете или не нужен и даже опасен. Чутье подсказывало ей, что Леонтьев за материал схватится двумя руками, не зря же продавец чужих тайн обратился именно к ней.

Только бы зам главного не перехватил этот материал. Ей было страшно, и вместе с тем она отлично

понимала, что ей выпал редкий шанс, отказаться от которого она не в силах.

«Авось не убьют. Я никто, просто журналистка, получившая доступ к секретным материалам. Ищите и убивайте вашего стукача, а у меня профессия такая. Информация называется, а не фабрика по производству...»

— Уже надумали? — спросил над ухом ласковый, как будто змеиный голос, и она сильно вздрогнула, как от прикосновения холодного лезвия к обнаженной коже.

Над ней заботливо наклонился давешний услужливый молодой человек, который и принес ей папочку с книжечкой «Янтарный сказ». Был момент, когда Лидия чуть было не спросила его, откуда в ее меню взялись какие-то посторонние бумажки, но не стала, понимая, что это глупо и ответа она никакого не получит — или получит совсем невразумительный.

— Да, — дерзко сказала Лидия, отвечая сразу на все вопросы — заданный и тот, который *только подразумевался*. — Я надумала. Принесите мне, пожалуйста, чашку кофе. Больше ничего не нужно.

Человек, сидевший так, чтобы она не могла его видеть, усмехнулся, услышав ее заказ. Она разнервничалась, и это хорошо, значит, цель достигнута. Она в равной степени напугана и заинтригована и будет соображать быстро и осторожно. Нет, что ни говори, а выбрали ее *правильно*. Она очень подходит для конечной цели. Идеальное оружие — интеллектуальное, скорострельное, ни с кем и ни с чем не связанное.

Пожалуй, ему будет недоставать ее, когда под Новый год она выпадет из окна своей квартиры.

Финансовый олигарх, промышленник и политик Тимофей Кольцов третий час разбирал бумаги, которые ему подготовили замы и в которых что-то казалось ему подозрительным. Тимофей Ильич никак не мог сообразить, что именно, и это раздражало его ужасно. От его всевидящего ока не могла ускользнуть никакая, даже самая незначительная деталь, а его всеслышащие уши улавливали не то

чтобы шорох, но малейшее шевеление вокруг, и эта способность не раз и не два спасала не только его карьеру, но и жизнь.

На сегодняшний вечер у Тимофея Ильича были совершенно определенные планы, а он торчит в офисе, читает бумаги, выпил уже литра три кофе, а дело — ни с места, и ему было до смерти жаль потерянного вечера. Еще год назад никто и ничто не могли оторвать Тимофея Ильича от созидательного труда на благо родной империи, но с некоторых пор все изменилось. С некоторых пор он — смешно сказать! — стал строго дозировать время, отведенное на работу, чтобы иметь возможность бывать по вечерам дома. На империи эта дозировка никак не отразилась, зато отразилась на подчиненных. Теперь за десять часов необходимо было сделать то, что раньше можно было сделать за четырнадцать, ибо, ограничив время, Тимофей Ильич «норму выработки» ограничивать не собирался. Подчиненные некоторое время от души судачили в курилках и выдирали на головах волосы, но тем не менее никто не уволился. Кроме внезапно впавшего в безумие директора завода Долголенко, никто и никогда не решался открыто выступить против Тимофея Ильича.

Тимофей Ильич мог закручивать гайки сколько угодно. От него не уходили, его не сдавали прессе, против него не вели внутренних подковерных игр. Это было слишком опасно. Победить его было нельзя.

Тимофей Кольцов, год назад воссевший на губернаторский престол родной Калининградской волости, знал, что создание рая в одном, отдельно взятом анклаве вряд ли под силу даже ему. Поэтому он решил, что никакой рай создавать не будет. Он просто заставит всех — чиновников, администраторов, начальников, подчиненных, рабочих, фермеров, независимых хуторян, моряков, рыбаков, военных, гражданских, молодых и старых, студентов, омоновцев, азербайджанцев с рынка — работать на себя.

Он был умен тем особенным мужицким умом, который в сочетании с дьявольской хитростью и чудо-

вишным, слоновьим упорством создал ему репутацию экономического гения.

Его заводы работали день и ночь, не останавливаясь и не реагируя на кризисы, как заколдованные. Его банки исправно выплачивали денежные вклады и ни от каких штормов почему-то не тонули. Он платил совершенно невероятные зарплаты всем, начиная от цеховой уборщицы и кончая первым замом, и безжалостно уничтожал тех, кто начинал у него воровать. Он прокладывал себе дорогу, как танк в джунглях. Он просто пер вперед так, что ни остановить, ни даже задержать его было невозможно. Убийственное волчье чутье позволяло ему реагировать на любое изменение в самых высоких верхах и подстраховываться еще до того, как эти изменения происходили и начинали ему мешать.

Все премьеры, сколько их ни было, поддерживали Тимофея Ильича Кольцова, и Тимофей Ильич получал самые выгодные государственные заказы.

Министр МЧС, молодой, умный, деловой мужик, которого уважали и хвалили в народе, вместе с Кольцовым построил в Калининградской области три базы, где постоянно тренировались российские и иностранные спасатели, а в область светлым ручейком текли денежки, потому как тренировки эти стоили недешево.

Тимофей Ильич, вместо того чтобы денежки перевести на личный счет в Швейцарии, починил старые, еще немецкие дороги и договорился с литовской таможней о беспрепятственном пропуске грузов. Поднатужившись, он купил остатки рыболовной флотилии, рыбаков вернул на работу, а рыбу повез в Литву, которая, занимаясь исключительно важным государственным делом обучения русских стариков национальному языку, рыбу ловить перестала. За рыбу тоже платили валютой, которую Тимофей Ильич употребил частично на взятки, а частично на ремонт древней кондитерской фабрики, рассудив, что в непосредственной близости от границы конфеты делать дешевле — какао-то все равно только морем идет! — чем возить их из Москвы через все кордоны и таможни.

Раздав взятки, Тимофей Ильич получил разрешение на строительство завода, собирающего японские автомобили. Ушлые и проворные японцы, как саранча налетевшие в область после того, как решение было принято, завод возвели за четыре месяца, в порт непрерывной вереницей потянулись сухогрузы с комплектующими, а в отдел кадров — заявления о приеме на работу, хотя всем было хорошо известно, что за один-единственный прогул, не говоря о пьянке, с кольцовских заводов увольняют и обратно не принимают никогда.

Никому и ничего не прощающий, жестокий, упорный и требовательный до одержимости, Тимофей Ильич за год губернаторства добился того, что люди стали относиться к нему с прямо-таки восторженным обожанием.

Ему прощали все, что не простили бы никому другому, — громадный особняк на берегу моря, с собственным подъемником и пирсом, самолет, многочисленную охрану и даже то, что он был женат в третий раз.

Им гордились, ему пытались подражать, его боялись и уважали.

Он смотрел на шевеление вокруг него как будто сверху, забавляясь и тем не менее контролируя любую тень, мелькнувшую в поле его зрения. Ему нравилось устраивать жизнь так, чтобы все работало только и исключительно на него. В нем вовсе не было благородства, и он не собирался возрождать былое промышленное могущество отечества, и, не собираясь, все-таки его возрождал.

Ему нравилось, что он может то, чего не может никто. Ему нравилось угадывать — вот сейчас грянет гром, приналяжет ветер, разразится шторм и половина конкурентов потонет, а он останется. Деньги ради денег его не волновали. Он мог заработать их сколько угодно, но выкачанные из нефтяной трубы, они были ему... неинтересны. Он предпочитал делать их более основательно.

Поначалу это был своего рода спорт.

Он должен был доказать окружающему его враждебному миру, что он все может. Он должен был до-

казать себе, что ад, который он видел своими глазами и в котором жил, все же не убил его.

Тимофей Кольцов вырос в детдоме, следовательно, знал, что такое настоящая жизнь, с самого детства. Он ежесекундно боролся за существование — и остался жив. Он остался жив даже в грязном подвале у Михалыча, которому восьмилетнего Тимофея продали алкаши-родители и который снимал кино, как насилуют и убивают таких, как Тимофей, маленьких и никому не нужных. Братика убили, а сестренка умерла еще раньше, Тимофей так потом и не смог вспомнить их имен. В детдоме он долго не говорил и не спал — сидел, накрывшись с головой одеялом, и отчаянно вырывался, и дрался, и выл, и кусался, когда его пытались уложить. Он был уверен, что его убьют сразу же, как только он закроет глаза. Или отдадут обратно Михалычу.

Дьявол навещал его почти каждую ночь в течение тридцати лет. Дьявол, с гадкой улыбкой напоминавший ему о том, кто он на самом деле. Дьявол, скаливший зубы и поджидавший малейшей оплошности, чтобы схватить Тимофея и утащить в преисподнюю.

Но Тимофей не давался. Он уже побывал там однажды и знал о ней все. Способ борьбы с дьяволом был только один — работа.

В один прекрасный день Тимофей Кольцов вдруг понял, что если работать по двадцать часов в день, у дьявола не останется никаких шансов. Тимофей валился в постель и засыпал каменным, похожим на смерть сном, и дьявол не мог пробраться через крепостные стены чудовищного Тимофеева переутомления. В этом было спасение.

Двадцать с лишним лет Тимофей Кольцов работал как одержимый, и характер работы при этом не имел никакого значения. Чем труднее, тем лучше. Чем меньше незанятого пространства остается в голове, тем меньше места для дьявольских козней. Когда уже стало можно создавать империи, Тимофей был вполне готов к тяжелой императорской доле. Он начал со скромной авторемонтной мастерской и дошел до судостроительных заводов и «Уралмаша».

Он был так чудовищно изворотлив и сообразителен,

что у него почти не было неудач, а те, что были, его только закаляли.

Он очень хорошо разбирался в людях и умел их использовать так, что они и не догадывались о том, что расчетливый, как голодная кобра, Кольцов уже давно применяет их именно там, где они были ему нужны. Некоторые пытались бороться, но тех, что посильнее, Тимофей Ильич заглатывал целиком, а остальных просто затапывал в пыль. На него работали самые лучшие, самые подготовленные, самые пройдошистые профессионалы вроде рафинированного юриста Шубина, которого Кольцов не любил, но терпел за исключительные знания и умение работать, или проверенного Барышева, на которого всегда можно было положиться, или Дудникова, шефа службы безопасности с лицом «истинного арийца» и такой же истинно арийской жестокостью. Никому из них он не доверял до конца, но виртуозно пользовался их профессионализмом и знаниями.

Что же не так в этих чертовых бумагах? Глаза слипались, несмотря на три литра кофе.

Вчера он прилетел из Челябинска и сразу поехал на завод, где новый директор только приноравливался к делу, а коллектив, недовольный смещением Долголенко, слегка бузил. Коллектив Тимофей усмирил — он отлично умел это делать, — нового директора припугнул, оставил для устрашения одного из замов, самого жесткого и компетентного, и вечером улетел в Москву, где у него были запланированы кое-какие встречи в правительстве и где была Катерина, по которой он соскучился, как влюбленный двадцатилетний дурак. И вот теперь, вместо того чтобы провести с ней вечер, он сидит в офисе и разбирает бумаги!..

Тимофей Ильич откинулся на спинку кресла, которое интеллигентно скрипнуло под его весом, потер уставший затылок и набрал номер.

— Кать, это я, — сказал он, когда трубку сняли. — Я еще на работе. Ты как там? Спишь?

— Нет, — ответила жена радостно, и он даже глаза прикрыл от удовольствия, так ему нравилось ее слушать. — А что? Я должна спать?

— Ты должна ждать меня, как и положено приличной жене, и обижаться на меня, если я задерживаюсь. Почему ты не обижаешься?

Иногда он ловил себя на том, что в последнее время его занимают какие-то совершенно идиотские вопросы. Например, почему она не ворчит, когда он сутками не приезжает домой, и почему не ревнует, когда вокруг него постоянно толкаются разного рода дамы — от кинозвезд до мелких певичек, жаждущих его денег, власти, влияния.

— Я обижаюсь, Тим, — успокоила его Катерина. — Ты приедешь, и я сразу начну бить посуду. Подходит?

— Тогда я уже выезжаю. — Он покосился на бумаги, разложенные на шикарном столе красного дерева. Может, взять их домой и посмотреть, когда Катька уснет? — Привезти чего, Кать?

Это тоже был совершенно новый вопрос, из новой жизни. Тимофей едва-едва научился его произносить. На него работал целый штат слуг — от горничной и до повара экстра-класса, но Катерина все переиначила по-своему.

«Тоже мне мистер Рочестер нашелся, — сказала она презрительно. — Нас всего двое, и нам не нужен целый дом прислуги».

«Как хочешь, — согласился он осторожно, понятия не имея о том, кто такой этот самый мистер Рочестер, — только смотри не переусердствуй».

Он очень боялся, что ей надоест его дом, хозяйство и он сам...

— Апельсинов, — сказала в трубке Катерина, и Тимофей понял, что отвлекся. — Привези апельсинов, если поедешь мимо магазина. Только не устраивай там выход государя императора из царского поезда на перрон в городе Таганроге.

Он засмеялся.

Была с ним такая история. Он напугал до смерти полмагазина «Детский мир», куда заехал, чтобы купить игрушку Катериной племяннице Саньке.

— Ладно, не буду, — пообещал он. — Пошлю за апельсинами Лешку.

Так звали охранника.

— Я жду, Тим. Правда, приезжай скорее, ночь на дворе...

Он положил трубку и тяжело поднялся из кресла. Пожалуй, он не возьмет домой бумаги. Уже почти двенадцать, а в восемь он вернется на работу. Он не будет читать их дома, они вполне могут подождать до завтра.

Но завтра навалились срочные дела, и к бумагам Тимофей Ильич так и не вернулся.

Бумаги, в полном соответствии с правдой жизни, показанной в кино «ТАСС уполномочен заявить...», оказались в поллой металлической трубке, засунутой между водосточной трубой и углом соседнего с редакцией газеты «Время, вперед!» дома.

Лидия накинулась на них с жадностью и азартом, быстро просмотрела все до одной — их было совсем немного, — потом просмотрела еще раз, медленно и внимательно. А потом еще раз.

В них не было ни слова ни про Тимофея Ильича Кольцова, ни про правдоискателя Долголенко, судьба которого так волновала «свободную прессу». Они были целиком и полностью посвящены Егору Степановичу Шубину, главе юридической службы холдинга «Судостроительные заводы Тимофея Кольцова».

Из документов следовало, что Егор Шубин давно и успешно проворачивает грандиозные махинации, пользуясь близостью «к телу» и собственным виртуозным умением обходить подводные камни.

Через небольшую, принадлежащую Шубину фирму от Тимофея Ильича утекали не только и не столько денежки, сколько цветные металлы и разное прочее сырье, имевшееся у Тимофея Ильича в изобилии. Договоры, подписанные Шубиным, были составлены таким образом — даже малограмотная в подобного рода делах Лидия моментально поняла это, — что с продажи меди и никеля не было заплачено ни рубля налогов. От своих западных покупателей Егор Шубин получал гигантские «отстеги» — сделки были не просто выгодные, сделки приносили прямо-таки космические прибыли.

И все это под носом у Великого и Ужасного Тимофея Кольцова.

Лидия внезапно почувствовала тошноту.

Конечно, она, умная, образованная, много пишущая столичная журналистка, знала, *какие деньги* делают те, кто так или иначе допущен к святой святых — к корыту. Не слишком углубляясь в вопрос, она все же понимала, что огромная держава, лежащая от «Балтийского до Охотского моря», в едином порыве трудится на два десятка человек и их приближенных. Тимофей Ильич Кольцов из этих двух десятков был, пожалуй, самым лучшим. По крайней мере он не сидел верхом на нефтяной трубе и не занимался открыванием-закрыванием вожделенного крана. Однако, как выяснилось только что, и в его команде ребята не дремали. Если шеф не хочет гнать за границу медь и никель, мы вполне можем это сделать и в обход его. Даже удобнее — не нужно прибылью делиться. Когда все выплывет — если выплывет! — денег уже будет столько, что оставшуюся жизнь вполне можно посвятить выращиванию маргариток и фиалок в своем высокогорном альпийском поместье.

«Егор Шубин, который два месяца и близко не подпускал меня к шефу, этот человек с внешностью киношного английского аристократа, этот человек в стильных очках и кашемировом пальто, человек, от мыслей о котором я не могла потом отделаться несколько дней, — оказывается, просто очень талантливый и ловкий жулик?!»

Впрочем, не слишком и ловкий — ведь выплыли откуда-то эти бумаги, что лежат сейчас у Лидии на столе!

— Шубин — это еще ничего, — мрачно заключил Леонтьев, с ходу заглотнув всю информацию и приготовляясь прочитать еще раз, более внимательно. — Было бы хуже, если бы жуликом оказался сам Кольцов.

— Ну что? — спросила Лидия, помолчав. — Мы будем это печатать или мы не будем это печатать?

— Не торопись! — сказал Леонтьев с досадой. — Я понимаю, конечно, что тебе до смерти охота кого-нибудь разоблачить, но я вначале должен подумать. Подумать, подумать...

— Ты думай, конечно, — согласилась Лидия безразличным тоном, — но все же не забудь, что это *моя* статья.

Леонтьев поднял голову и посмотрел на нее с веселым интересом.

— Да-да, — подтвердила она, стараясь сохранять хладнокровный и независимый вид, — попробуй только отдай ее своему любимому Грише Распутину...

— Жажда славы тебя погубит, Шевелева, — пробурчал Леонтьев. — Слышишь?

— Нет, — сказала Лидия. — Не слышу.

— А ты написать-то сумеешь? Это ведь целое искусство — разоблачительные статьи писать...

— В случае чего ты меня поправишь. Согласуем, перепишем, ничего не упустим...

— Я еще не решил, — Леонтьев раздраженно прикурил от крохотного язычка пламени, который выскочил из зажигалки только с третьего раза, — будет ли это вообще печататься. Мне посоветоваться нужно как следует... — Он прицелился и ловко попал зажигалкой прямо в пустую корзину для мусора. Корзина медленно, как бы нехотя наклонилась и беззвучно опрокинулась набок. Из нее выкатился одинокий бумажный шарик.

Лидия и Леонтьев смотрели не отрываясь.

— А когда ты уже посоветуешься? — оторвавшись от корзины, спросила Лидия.

— В бой не терпится? Ничего, потерпишь...

— А новости не протухнут?

— Такие новости, любимая, — сказал Леонтьев язвительно, — не протухают никогда. Они станут никому не нужны, только если этот Шубин завтра покончит с собой от стыда и отчаяния, но будем надеяться, что он ничего подобного не сделает...

— Но ты советовать сегодня будешь или... когда?

— Сегодня, — подтвердил Леонтьев раздраженно. — Сегодня, конечно. Или ты думаешь, что я две штуки американских денег просто так заплатил? Чтобы мы с тобой прочитали и удовольствие получили?

— Я, например, никакого удовольствия не получила, — призналась Лидия. — Так, мерзость какая-то.

— Нежная ты наша, — пробормотал Леонтьев, — нежная и тонкая натура. От чужих мерзостей падает в обморок...

— Игорь, ты потом дашь мне две недели отпуска? — Лидия решила, что спросить об отпуске нужно именно сейчас, до публикации. После публикации он точно никакого отпуска ей не даст, зато, если сейчас пообещает, на него удобнее будет давить.

Все-таки придется ехать. Форум приверженцев неформального искусства не за горами, как же можно пропустить!..

— Дам, — сказал Леонтьев рассеянно, снова принимаясь за бумаги. — Если все будет нормально — дам. Ты вечером дома будешь?

— Где же мне еще быть? — удивилась Лидия и покраснела.

Он поднял глаза, несколько секунд смотрел изучающим взглядом, потом усмехнулся и протянул:

— Ну-у, я не знаю, где ты бываешь... В общем, если ты дома, я тебе позвоню вечером, когда уже... посоветуюсь. А ты точно хочешь эту статью сама писать?

— Точно! — почти выкрикнула Лидия. — Точно, Игорь!

Он махнул рукой, как бы выражая одновременно и недовольствие, и покорность судьбе, и Лидия выскочила за дверь.

Вот дела!

Она предпочла бы, чтобы главным злодеем в этой сказке оказался... другой человек. Не Егор Шубин.

«Хотя что мне может быть за дело?

Я просто напишу про него статью, сошлюсь на собственные источники, пару раз процитирую документы, которые лежат сейчас на столе у Леонтьева, намекну на то, что он никому не дает разрешение на интервью с Кольцовым именно потому, что у него самого рыло в пуху по самые уши».

И все-таки лучше бы это был не Егор Шубин, который на следующий день после публикации станет ее заклятым врагом. Даже если он представит сто четыре неопровержимых доказательства того, что все, что написала

про него газета «Время, вперед!» и она, Лидия Шевелева, вранье от первого до последнего слова, все равно репутация у него уже никогда не будет стопроцентно стерильной, а только такие репутации могли быть у юристов экстра-класса, каким был Шубин.

— Шевелева! — крикнули издалека. — Подожди секунду!

Лидия всмотрелась в слабо освещенную глубину редакционного коридора, не в силах сразу разобрать, кто ее зовет. По центру коридора, от пола до потолка, слабо колыхалось плотное облако табачного дыма, похожее на баньши. Про баньши Лидия однажды прочитала в каком-то романе. Так кельты называли духов, стоны которых предвещали смерть...

Из облака вынырнул Гриша Распутин, вполне материальный и непохожий на привидение. Как все великие репортеры, Гриша был несколько утомлен жизнью и славой, а его утонченно-извращенному стилю пытались подражать не только все начинающие звезды в родной редакции, но и за ее пределами.

— Ты чего, Гриш? — спросила Лидия. Умные разговоры с Распутиным имели обыкновение затягиваться на долгие часы, а ей очень хотелось домой. Кроме того, она никогда не могла увидеть в нем великого журналиста, хотя очень старалась. Как будто смотрела в увеличительное стекло, которое показывало то, что есть на самом деле, а не то, что должны были видеть окружающие.

Под стеклом он был обыкновенным, добродушным и не слишком трудолюбивым парнем, который «попал в струю», случайно выбрав тот самый стиль, который моментально сделался популярным, которому принялись подражать и который сочли за новое слово в журналистике. Собственно, кроме стиля, ничего другого и не было в его статьях, и никакими сверхидеями он не блистал, и никакими тайными знаниями обременен не был, но он отлично знал, что его способ писать хорош, лучше, чем большинство других, и умел этим пользоваться.

— Покуришь со мной? — предложил Распутин, жестом испанского кабальеро увлекая Лидию в оконную нишу.

— Я домой хочу, — сообщила Лидия, но к окну послушно двинулась. — Я есть хочу, а курить не хочу.

Не слушая ее — он никого никогда не слушал, — Гриша вытряхнул из пачки сигарету, элегантно помахал пачкой у Лидии перед носом и спрятал обратно, даже не заметив, что сигарету она так и не взяла.

— Спасибо, что выручила, Лид! — сказал он, сладко и глубоко затягиваясь. От переполнявших его «чувств-с» он даже руку Лидии на плечо положил и в глаза заглянул с умоляющей нежностью.

— Ты о чем? — искренне удивилась Лидия.

— Ты меня просто спасла. Я знаю, что все это не слишком приятно — писать за других статьи, да еще в такой спешке, но я... ты же знаешь, какой я слабохарактерный болван. — Он улыбнулся доброй улыбкой любви к самому себе, выразившей уверенность, что он гений и время от времени может позволить себе некоторую самоиронию. — В следующий раз...

— Гришка, в следующий раз, — сказала Лидия, неожиданно раздражаясь, — я за тебя работать не буду, и никакой Леонтьев меня не заставит. Ты это учитывай в своих дальнейших планах.

— Что ты, что ты, — забормотал Гришка, пытаюсь изобразить раскаяние, которое тоже было частью игры, — я исправлюсь. Ты меня не знаешь, я вполне могу начать новую жизнь, еще не все потеряно.

Он ужасно раздражал Лидию, она вообще ненавидела божественную расхлябанность, свойственную многим журналистам, и бесконечный кокаин, употребляемый «тонкими натурами» для поддержания себя в тонусе, ненавидела тоже, но Гришка с его показным ненатуральным раскаянием был так забавен, что она против воли засмеялась.

— Ладно, Гринь, — сказала она и не стесняясь зевнула. — Поеду я, сил нет. Считай, что я тебя простила. Хеппи-энд. Во второй серии будут дети.

— Точно будут? — нежно переспросил Гришка, заглядывая ей в глаза.

— Точно, — подтвердила Лидия.

— Я тебя провожу. — Он сказал это таким тоном, как будто говорил «Я на тебе женюсь», и Лидии снова стало смешно. — А что такое вы целый день обсуждали с Леонтьевым? — спросил он неожиданно, когда они уже вошли в лифт.

Ого!

«Значит, все эти милые глупости, которыми он только что столь усердно меня осыпал, не более чем артподготовка к тому, что его действительно интересует! Откуда дует ветер? От Леонтьева? Или еще откуда-то? Кто узнал про бумаги?! Или Игорь все-таки решил отдать материал Гришке Распутину?!»

— Да все как обычно, Гриш, — осторожно ответила Лидия, — ничего особенного, обычная текучка. А что?

— Да нет, — поспешно сказал Распутин, — ничего. Просто я думал...

Он замолчал.

Лидия поправила на плече ремень портфеля и исподлобья взглянула на Гришкино отражение в тонированном зеркале. Отражение казалось озабоченным.

«Просто я думал...»

«О чем ты мог думать, если материалы я получила только сегодня и ни с кем, кроме Леонтьева, их не обсуждала и никому их не показывала? В чем дело? Леонтьев мне не доверяет или ты узнал о них *вовсе не от Леонтьева*? И о них ли речь?!»

— Я думал, может, он на меня обозлился больше, чем хочет показать? — продолжал Гришка озабоченно. — Лид, он все-таки с тобой как-то ближе, ты бы выяснила у него...

У Лидии отлегло от сердца. Гришка *вовсе* не имел в виду сегодняшние бумаги, он, по своему обыкновению, беспокоился только за себя и жаждал заполучить Лидию в союзники. Хоть она и не любила, когда в редакции намекали на ее близость к заму главного, на этот раз она не рассердилась.

— Гришенька, — сказала она весело, кивая знакомому охраннику у турникета, — Леонтьев хоть и злится, но ты ему нужен, это я тебе точно говорю. Так что расслабься и поработай ударно недельку-другую. Без кокаина, марихуаны, анаши или что там у вас еще принято... Не зли

его пока, и все будет хорошо. Это я тебе говорю не как лицо приближенное, а как лицо опытное и за свои слова отвечающее. Соображаешь?

— Соображаю, — подтвердил Гришка уныло. Очевидно, идея ударной работы, да еще без кокаина, не слишком его увлекла. — Ладно, Лидуш. Пока.

На улице сыпал мокрый колючий снег. На асфальте он моментально замерзал, превращаясь в мокрую ледяную корку, поэтому передвигаться можно было только сидя на пятой точке и подгребая руками.

Какой-то мужик, с разгону выскочивший из редакционного подъезда на каток, в который превратился тротуар, отчаянно и нелепо замахал руками и повалился назад, как в мультфильме. Лидии даже показалось, что сейчас раздастся вполне мультяшный звон. Однако никакого звона не последовало, зато последовала длинная и замысловатая матерная тирада.

Лидия отвернулась. Очевидно, мужик остался жив, раз ругается с таким воодушевлением.

Домой она добиралась полтора часа вместо обыкновенных двадцати минут и уже в подъезде обнаружила, что неизвестно где потеряла ключи от квартиры.

Это была просто катастрофа.

Вторые ключи были только у матери, и это было ужасно. Мать жила неподалеку, на Чистых прудах, и идти до нее — если ногами, а не на пятой точке — было минут семь, но Лидия не могла — ну никак не могла! — с ней встречаться, тем более все еще было неизвестно, даст ей Леонтьев отпуск или не даст.

Рыча от злости, она во второй раз перерыла сумку — нет ключей. Господи, где она могла их потерять?! Хорошо, если в редакции, тогда есть надежда вернуть их обратно, а если где-нибудь на улице вытащили?! Что это означает?! Что нужно немедленно сменить все замки?!

Есть у матери, конечно, нечего. Только щи, которые сама Лидия сварила в минувшую субботу. Значит, сначала ей придется тащиться в магазин и потратить оставшийся вечер на готовку под аккомпанемент мате-

ринских рассказов о ее гениальности и мещанской семье отца, которая пыталась затянуть ее в болото презренного быта. Хорошо еще, если мать окажется одна, если сегодня у нее не «приемный день», когда в ее квартиру набивалось десяток «учеников», немытых, бородатых и неизменно длинноволосых великовозрастных мужчин, которые собирались, чтобы обсудить неформальное искусство, то есть похвалить друг друга и поругать более удачливых соплеменников. Если сегодня «прием», Лидии придется кормить всю ораву, а потом до поздней ночи мыть посуду и ловко уклоняться от нудных разговоров и тяжеловесных ухаживаний. Почему-то «ученики» считали своим долгом ухаживать за Лидией, как бы делая одолжение ее матери. Сама Лидия была слишком обыкновенной, чтобы привлекать их, и это всячески демонстрировалось. Иногда вся эта компания ее развлекала, но иногда — как сейчас — ей даже страшно было думать о том, что целый вечер придется терпеть мучения и пытки, а «вечер» продолжался иногда часов до двух ночи. «Ученики» никаким рабочим графиком обременены не были, «в должность» не ходили и вели преимущественно ночной образ жизни.

Лидия злобно пнула ногой дерматиновую дверь своей квартиры и потащилась вниз по лестнице.

Снег на улице еще усилился, перед глазами теперь колыхалась отвесная белая стена, кое-где подсвеченная мертво-синим светом фонарей.

Ничего не попишешь, как говорил когда-то отец. Эмоции эмоциями, но ключей-то нет.

Когда она скрылась за углом дома, в подъезд неторопливо зашел молодой человек, поднялся на второй этаж и, коротко оглянувшись по сторонам, бросил в почтовый ящик длинный белый конверт.

Димке Шубину было двадцать лет, и, как все двадцатилетние, он был совершенно уверен, что знает о жизни все. Осталось только правильно применить эти знания.

Утром он сказал деду, что собирается в институт и пробудет там до вечера. Дед ужасно обрадовался, за-

суетился, стал спрашивать, чего Димка хочет на завтрак — омлет с ветчиной или творог, овсянку и тосты. Димке было его жалко.

Как-то, несмотря на все свое знание жизни, он не учел, что в последний момент ему неожиданно станет жалко деда.

Любимый братан уехал, как всегда, еще до восхода солнца, поэтому помешать Димке не мог.

«Все идет хорошо, — сказал себе Димка, рассматривая в зеркале свое отражение. — Не смей раскисать!»

Деду восемьдесят шесть.

Вдруг они больше никогда не увидятся? Ведь еще неизвестно, как все сложится дальше. А вдруг дед умрет, когда узнает о том, что сделал Димка?!

Он вцепился пальцами в мраморный край раковины так, что под ногтями стало больно.

Все равно, все равно ему придется это сделать. Отступить некуда, сегодня последний срок. Его убьют, если он не решится. Его убьют, и тогда дед точно умрет от горя. Дед был единственным человеком, которого интересовал Димка Шубин. Дед и еще Лиза.

— Дима, ты скоро? — спросил дед из-за двери. — У меня завтрак стынет!

— Да! — хриплым от ненависти к себе голосом отозвался Димка. — Я сейчас иду, дед!

Чтобы дед ничего не заподозрил, он открыл золоченый кран. Вода ровно и успокоительно зашумела в трубах.

Стиснув зубы, захлебываясь в мутной жиже отворачивая к себе, он снял крышку с небольшой хрустальной коробочки и вытащил оттуда тяжелые запонки, хищно полыхнувшие белым бриллиантовым огнем, а потом еще булавку для галстука. В булавке был всего один бриллиант, зато здоровый, гораздо больше, чем в запонках.

«Так тебе и надо, — злобно подумал он про брата, — не будешь свои чертовы бриллианты бросать где ни попадя!»

Он припрятал добычу в карман, и этот жест — как в кино про воров — почему-то стал последней каплей.

Димка зачем-то сел на пол, взялся руками за края пушистого цветного коврика, брошенного поверх па-

ласа, и разорвал его пополам. Внутри у него все корчилось, как будто кто-то поливал внутренности кислотой.

Потом он лег животом на порванный коврик, чувствуя в переднем кармане джинсов увесистые золотые предметы. Которые он только что украл. Которые брат даже не подумал прятать, потому что ему и в голову не приходило, что Димка может оказаться вором.

А он вор, вор, он преступник, которого обложили со всех сторон свои и чужие, и он не знает, как ему теперь спастись, и который бежит, бежит затравленным зверем в надежде, что уйдет, хотя с каждой минутой надежда становится все призрачнее, все слабее.

Его так тошнило, что пришлось подложить под живот ладони.

Все правильно. У него остался один-единственный выход, и он намерен воспользоваться им. Он сможет. Он очень ловкий и хитрый, ему двадцать лет, и он знает о жизни все. Он умный и просто так не дастся.

А брат и без запонок не заболит. У него таких запонок три десятка. «Да и наплевать на брата! Если разобраться, то этот надменный ублюдок вовсе никакой мне не брат. Просто так случайно вышло, что нас — и его, и меня — родила одна и та же женщина».

— Дима! — позвали из-за двери, на этот раз несколько более настойчиво и обеспокоенно. — Что ты там делаешь? Выходи сейчас же или опоздаешь.

— Иду, — сдавленным голосом отозвался Димка, приподнимая голову с мехового коврика. — Я... я в ванне.

Чтобы все выглядело как можно более правдоподобно, он намочил и смял огромное желтое полотенце, положенное для него на край ванны.

Наверное, в его жизни больше никогда не будет таких полотенец, и ровного шума воды в новеньких трубах, и успокоительного тепла мехового коврика под щекой.

Он справится. Он уже все обдумал, только вот в последний момент отчего-то раскис. Может, оттого, что жалко деда, а может, оттого, что пришлось украсть у брата его бриллиантовые бирюльки.

— Ну где ты? — недовольным голосом спросил дед, когда он вошел в кухню. Дед стоял у плиты с серебряной лопаточкой наготове, а из плоской сковороды вылезал золотистый край огромного омлета. — Я решил, что ты там утонул.

— Я не утонул, — буркнул Димка.

Очевидно, что-то в его голосе насторожило деда, потому что он оглянулся и внимательно осмотрел внука.

— Ты чего это такой... взъерошенный? — спросил он после паузы. — Спал плохо?

— Хорошо я спал, — ответил Димка и полез в холодильник, чтобы скрыться там от старческих озабоченных глаз. — А этот где? Который суть есть машина для делания денежных знаков?

— Что ты там ищешь? — спросил дед недовольно. — Колбасу? Так я ее уже достал. И вообще столько мясного с утра — вредно.

— Жить вообще вредно. — Однажды по телевизору в какой-то идиотской программе для пенсионеров, «Аншлаг» называется, Димка услышал эту присказку, и она ему очень понравилась. — В конце концов все равно помрешь.

— Оно конечно, — согласился дед. — Но весь вопрос в сроках. Ешь и отправляйся, раз уж ты собрался навестить свой институт.

Димка уселся за ореховый стол, и неожиданно все это — просторная кухня, наполненная запахами свежей еды, кофе и дорогого одеколona, которым пользовался брат, и бодрыми утренними звуками, доносившимися из телевизора, и хрустящая льняная салфетка, которую дед незаметно подложил ему под локоть, и насыщенная электрическая яркость апельсинового сока в высоком тяжелом стакане, сопение деда, для виду принявшего за газету, — показалось ему самым прекрасным, что только есть на свете.

Вот бы просидеть всю оставшуюся жизнь на этой громадной и светлой кухне, запивая соком огнедышащий омлет и жмурясь от сытости и счастья, а в случае опасностей или даже просто неприятностей прятаться за дедову спину.

Как это прекрасно, как надежно, как славно, когда есть спина, за которую можно спрятаться!..

Чувствуя, что вот-вот заплачет, Димка рывком отодвинул стул и бросился вон из кухни.

— Ты что? — спросил дед. — Заболел?

— Дед, ты меня рано не жди сегодня, — скороговоркой выпалил Димка. — И вообще... не жди. Может, я не приду.

— То есть как — не жди? — Дед задрал на лоб очки и стал похож на папу Карло из дореволюционной книжки про Буратино. — Что значит — не приду?

— То и значит, — сквозь стиснутые зубы выдавил Димка. — Ты что, тупой? Не приду — значит не приду. У девушки останусь.

— Ну-ну, — протянул дед с сомнением. — У девушки... Приводил бы ее сюда, эту свою девушку.

— Куда?! — заорал Димка беспомощно. Все выходило из-под контроля. Это оказалось в миллион раз труднее, чем он себе представлял. — Меня-то здесь из милости терпят, да еще из-за тебя, а ты!..

— Дима! — Дед выпрямился во весь рост и взялся внезапно задрожавшей рукой за край антикварного столика. — Я не хочу слушать никаких выступлений относительно твоего брата. Я их слышал миллион раз. Если хочешь, давай поговорим серьезно, не на ходу. Приезжай — и поговорим.

— Ладно! — сказал Димка с ненавистью. — Уговорил. Приеду, и будем говорить.

Он накинул куртку, схватил в охапку сумку и бросился вон из квартиры, как будто за ним гнались сразу все выскочившие из ада черти. Он не стал дожидаться лифта и выскочил на лестницу. Он побежал вниз, отчаянно торопясь и топая так, что качались листья диковинных растений, которыми была заставлена лестница. Цветной узор ковровой дорожки сливался перед глазами в огромное алое пятно.

Охранник, маскировавшийся под консьержа, выглянул из своей стеклянной будки в недоумении — здесь никто и никогда не мчался по лестнице как полоумный.

— Что случилось? — дружелюбно спросил он, увидев расхристанного Димку. — Опаздываете?

И то, что этот охранник был так с ним вежлив — а все из-за козла-братца, перед которым тут все на задних

лапах ходят! — и то, что он не задержал его и не дал ему по физиономии, хотя Димка вполне этого заслуживал, — еще усугубило его ненависть к себе, от которой у него, как у какого-нибудь неврастеника, дергалось под глазом, и это было отвратительно.

Не отвечая и не глядя на охранника, смутно и неопределенно надеясь, что бдительный страж сейчас задержит его и оставит дома до появления брата, Димка прошагал к выходу, набрал код, пинком распахнул тяжелую дверь и выскочил на улицу.

Ветер кинулся на него, впился ледяными пальцами в свитер, швырнул в физиономию горсть колкого снега, растрепал волосы, которые сразу же полезли в глаза.

Когда же зима пришла? Вчера? Позавчера?

Он не мог вспомнить.

Несколько дней он все подготавливал к тому, что должно произойти сегодня, метался по Москве, даже к Лизе не заезжал и совершенно не понимал, что происходит вокруг него. Он думал только об одном — как все пройдет сегодня.

Осталось выждать еще... Он посмотрел на часы. Еще пять часов. Господи, пять часов! Ужасно долго. Он не выдержит еще пяти часов ожидания. Он просто свихнется.

Он поднял воротник куртки и зашагал к автобусной остановке. Руки мерзли, а перчатки он забыл дома. То есть не дома, а у брата, черт бы его побрал.

Он сейчас поедет в Жулебино, к Лизе. Она, конечно, закатит истерику, но он с этим справится. Все равно это лучше, чем пять часов бродить по улицам.

Он вспомнил, как, маленький, ждал дома мать. «Я вернусь, когда стрелка подойдет вот к этой цифре», — говорила она медовым голосом. Она всегда говорила таким голосом, когда ей что-то было от него нужно. Например, чтобы он целый день просидел один. Димка ненавидел этот ее медовый голос. «Стрелка подойдет, и я вернусь. Понял, Димочка?»

Димочка!

Рано темнело. Тени вылезали из углов и подбирались к маленькому Димке, сидевшему под столом.

Ужасно хотелось есть, потому что она часто забывала оставить ему еду, а стрелки как будто прилипали к белому блестящему кругу и не двигались. Он смотрел, смотрел, а они все не подходили к заветной отметке. У него был медведь, довольно облезлый, но большой и мягкий, и Димка прижимался к его животу, гладил его и говорил ему «мамочка». Стрелки подходили, и он зажмуривался, прислушиваясь до звона в ушах, не поворачивается ли в двери ключ. Стрелки подходили, и проходили дальше, и уходили совсем далеко, а мамы все не было и не было.

С тех пор он возненавидел часы. Все детство они были его злейшим врагом. Однажды он собрал все — сколько их было в доме — и утопил в ванне. Ему было семь лет, и он был очень горд собой, что наконец придумал, как избавиться от мучений.

Часы он утопил, а мучения продолжались.

Он так стиснул руку в кармане, что содрал кожу на ладони. Зачем он думает об этом?! «Прекрати сейчас же, слабохарактерный истеричный слюнтяй! Вон подходит троллейбус, он отвезет тебя к метро, и ты увидишь Лизу. Ты не скажешь ей ни слова, она покричит немного и поможет тебе переждать эти чертовы пять часов. Нет, уже не пять, а четыре пятьдесят...»

Димка перебежал оживленную улицу и вскочил в заднюю дверь троллейбуса. Троллейбус вздохнул тяжким старческим вздохом, закрыл двери и, трясаясь, покатил вниз по улице, пугливо притормаживая перед лихими иностранными машинами.

Димка сел на последнее сиденье и уставился в замерзшее окошко, на котором кто-то продышал крохотное прозрачное озерцо.

Все будет хорошо.

Все будет просто прекрасно, если он переживет сегодняшний день. Он прикрыл глаза — троллейбус покачивало, и от этого хотелось спать.

Он не станет думать про деда, про часы и про медведя, которому он говорил «мамочка». Он не станет думать про теплый уют квартиры, в которой ему было

так... безопасно. Пожалуй, впервые в жизни. Никто его не гнал, не шпынял, ни о чем не спрашивал, не приставал с советами и нравоучениями, чего Димка поначалу так опасался. Добродушная и деловая Наталья Васильевна — братнина прислуга — наводила чистоту и иногда пекла необыкновенной вкусноты плюшки, которые Димка целый день таскал из плетеной итальянской корзины, накрытой льняной салфеточкой. Его королевское высочество, брат Егор Первый и Единственный, являлся когда в полночь, когда в два, а когда и вовсе не являлся, к огромному Димкиному удовольствию. Присутствие брата, даже где-то далеко, за несколькими стенами, действовало ему на нервы.

А сегодня он украл его бриллианты.

И это еще самое меньшее из того, что он совершил...

Стремясь спрятаться от самого себя, Димка дернулся, открыл глаза, положил ногу на ногу, так что громадный ботинок оказался почти на окне. Старушка с цветной сумкой неодобрительно покосилась, и Димка улыбнулся лихой, жалкой и наглой улыбкой.

Он справится. Он перехитрит всех. Ему двадцать лет, и он знает о жизни все.

И лишь двое в раздолбанных «Жигулях» первой модели, которые кое-как тащились за троллейбусом по только что выпавшему снегу, знали, что никуда он не денется.

Считай, приехали, парень. Конечная остановка. Вылезай.

— Где он? — Тимофей Ильич Кольцов стоял у окна и рассматривал засыпанный снегом внутренний дворик.

И голос, и спина вызывали такой ужас, что Игорь Абдрашидзе невольно сделал шаг назад.

— На переговорах в «Саатчи». — Так называлось рекламное агентство. — Ему уже позвонили, он сейчас приедет.

Кольцов еще порассматривал что-то за окном, потом тяжело, как дрессированный слон на арене, повернулся и взглянул на зама по прессе. У зама по спине, под пятисотдолларовой рубашкой, прошел холодок.

— Я попросил бы тебя, Игорь Вахтангович, проследить, чтобы до меня с ним никто не разговаривал. Дудников особенно. И Барышев.

— Ясно, Тимофей Ильич, — кивнул Абдрашидзе. Как и большинство замов, которые конкурировали друг с другом за близость к батяне, он не любил Шубина, но ему страшно было даже представить себе, что будет, когда глава юридической службы окажется лицом к лицу с Тимофеем Ильичом. Впрочем, теперь уже бывший глава. Кольцов никому и ничего не прощает, уж Шубин-то должен был это знать. И все-таки решил урвать кусок от батькиного пирога. Неужели думал, что ему это удастся?!

Идиот проклятый...

Сначала Долголенко, а теперь вот Шубин.

А батяня-то куда смотрел?! У него под носом миллионные дела проворачивались, а он и не знал?! Никак стареет Великий и Ужасный?!

В то, что Кольцов о шубинских делах был прекрасно осведомлен и теперь лишь делает удивленное лицо, Абдрашидзе не верил.

Сегодня ночью Игорю позвонил глава агентства «Юнион» Олег Приходченко, давний друг и верный соратник. Олег сказал, что утром в газете «Время, вперед!» будет статья о юридической службе Тимофея Ильича Кольцова и что статья эта — конец света, если только правда.

— Как же вы проспали! — заорал Абдрашидзе, страшась чудовищного батяниного гнева. Именно Абдрашидзе отвечал за то, чтобы в прессе появлялось только то, что нужно. Абдрашидзе и Катерина Солнцева, нынешняя кольцовская жена и одновременно пресс-секретарь. Жене-то вряд ли что-нибудь угрожало, а вот с него Кольцов голову снимет.

— Да я сам не знал, — мрачно сказал Приходченко. — Все делалось в такой великой тайне, что даже в редакции только сегодня узнали. Ну и сразу мне позвонили.

— Статью снимать поздно, как я понимаю, — безнадежно уточнил Абдрашидзе и по красноречивому молчанию в трубке понял, что не ошибся.

— Да там Тимофей и ни при чем почти, — намолчавшись вдоволь, сказал Приходченко, — там один Шубин и его гениальный план мгновенного обогащения. Так сказать, этапы большого пути...

— Ты же знаешь, как батяня ненавидит, когда внутренние дела попадают в прессу. — Абдрашидзе закурил. Голова болела, во рту было сухо и противно. Он лег спать около часа, а в полвторого позвонил Приходченко, и нужно было принимать какое-то решение. Газета вышла, даже они с их почти что запредельными возможностями не могли повернуть время вспять и заставить ее вернуться в типографию.

— Давай Катьке звонить, — предложил Приходченко, но ему легко было говорить — Катьке!

Жена Тимофея Кольцова, до того как сделалась пресс-секретарем мужа, работала замом Приходченко, и Тимофей положил на нее глаз как раз когда она занималась его предвыборными делами. Приходченко по старой памяти продолжал считать ее лучшей подругой, но осторожный Абдрашидзе понимал, что, как только в дело включится Катерина, Кольцов моментально узнает обо всем, а они еще совсем не готовы объясняться с батяней. Что бы там ни натворил Шубин, аристократ хренов, его, Игоря Абдрашидзе, тоже хвалить не за что. Он все проспал, о публикации ничего не знал, утечку информации допустил, чтоб она сгорела, вся эта информация!..

— Иди, Игорь Вахтангович, — приказал Тимофей тихо. — И попроси Елену Львовну, чтобы она часа на два вызвала Барышева и Бойко.

Дмитрий Бойко был начальником кадровой службы, и это означало только одно — конец карьеры Егора Шубина. Впрочем, с карьерой и так все было ясно. Но вот оставит ли батяня жизнь незадачливому комбинатору, пока не ясно.

Тимофей услышал, как тихо притворил за собой дверь насмерть перепуганный Абдрашидзе. Он еще немного постоял, размышляя, обошел стол и опустился в кресло.

Так-так.

Тимофей сцепил на животе огромные ручищи и прикрыл глаза.

Что-то тут не так. Что-то тут явно не так, и что именно — он пока не знает.

«Неладно что-то в Датском королевстве» — так напевает тесть Дмитрий Степанович, когда его собаки вдруг начинают скучать и отказываться от ужина.

Бывал Тимофей в этом самом Датском королевстве, и к русалке его зачем-то водили — это у них вроде как национальное достояние такое, баба с рыбьим хвостом на камне. Страна как страна, ничего особенного там последние триста лет, по мнению Тимофея, не происходило, и что там могло быть не в порядке — неизвестно.

Жена его Катерина ужасно веселилась и говорила: «Тимыч, ты самый дикий человек на свете. Это же произведение великого Вильяма нашего Шекспира», — но он все равно не понимал.

Тимофей Кольцов плохо знал главу своей юридической службы, хотя тот работал в компании лет... шесть, наверное. По нынешним временам срок просто гигантский. Конечно, он был посвящен во многие, скажем так, неофициальные стороны Тимофеева бизнеса. Полностью Кольцов не доверял никому, не доверял он и Шубину. Больше того, к его показному аристократизму приземленный и необразованный Тимофей Ильич относился с настороженной неприязнью, но все же до сегодняшнего дня он был совершенно уверен, что Шубин — последний человек в его империи, который будет строить против шефа какие-то козни. Это противоречило здравому смыслу. Репутация юриста не просто красивые слова. Это его хлеб с маслом. Потеряешь репутацию — все, считай, ты кончился. Можешь смело осваивать профессию зубного техника или специалиста по разведению ранних овощей.

«Выходит, ошибся, Тимофей Ильич? Выходит, неправильно ты считал...»

— Тимофей Ильич, Шубин Егор Степанович, — тихо доложила секретарша. Тимофей кивнул, как будто она могла его видеть, и она, как всегда, поняла все правильно.

Шубин был бледен до зелени.

«Трусишь? — подумал Тимофей с неприязнью. — Правильно делаешь, что трусишь».

— Садитесь, Егор Степанович, — предложил Кольцов. — Может, вы мне объясните, что за дела описаны в статье «Закон есть закон», которую сегодня напечатала газета... — Он наклонился, рассматривая название газеты, которое позабыл.

— «Время, вперед!», — подсказал Шубин. Голос у него был совершенно спокойный.

— Да, — согласился Тимофей Ильич вяло, — «Время, вперед!». И имейте в виду, Егор Степанович, если даже десятая часть того, что там написано, — правда, вам лучше немедленно встать, ближайшим рейсом улететь на Соловки и постричься в монахи. Если же там хотя бы половина правды, то постригаться в монахи вам уже поздно.

— Тимофей Ильич...

— Я никогда не угрожаю, — сказал Кольцов и улыбнулся. — Я просто обещаю.

Егор дошел до двери в свою приемную и секунду постоял, взявшись за начищенную до блеска медную ручку. Он брался за нее тысячу раз, никогда не обращая на это внимания, а сегодня, почувствовав ладонью ее гладкие полированные завитки, он почему-то отчетливо понял, что все. Его жизнь кончилась.

Он не думал об этом, пока читал эту гадкую статью — целый разворот! — в утренней газете, он не думал об этом, когда позвонили из приемной шефа и попросили срочно вернуться на Ильинку, он не думал об этом, подрезая все подряд машины на Садовом кольце. Почему-то он был совершенно уверен, что, как только он скажет шефу, что все это неправда, шеф вздохнет с облегчением, пожурит, что был неосторожен с прессой, и отправит работать. Ну, может, поорет немного.

И еще Егор Шубин был уверен в том, что его многолетнее, верой и правдой, служение шефу и родной компании, его безграничная компетентность и гранитная, многожды подтвержденная преданность не могут в одну секунду потерять всякое значение.

Идиот. Придурок.

Он открыл дверь собственной приемной, и обе его секретарши в испуге порскнули в разные стороны, так что даже упала и покатилась по иранскому ковру стильная подставка для карандашей. На столе была раскинута проклятая газета, которую они, видимо, только что обсуждали.

Все уже всё знали, и это было невыносимо. Раньше Егор Шубин и не подозревал, что это так тяжело — чужое любопытство, смешанное с осуждением, злорадством и еще чем-то радостным вроде «и ты туда же, голубчик!».

Он почти не мог дышать, и ему страшно было даже подумать о том, как он выглядит со стороны. Следом за ним в приемную вошел один из охранников шефа, который ходил за ним по пятам, как караульный за арестантом.

Впрочем, почему — как?

Егор Шубин уже почти арестант, а этот безразличный парень с водянистыми невыразительными глазами и есть караульный.

— Доброе утро, — сказал Егор сухо и смутно удивился тому, что еще может говорить. — Мне нужно забрать свои вещи.

Секретарши смотрели на него, как бандерлоги на удава Каа из книжки про Маугли. Егор отвернулся.

— Я могу зайти в кабинет? — спросил он у охранника. Не глядя на него, охранник покачал головой. Очевидно, ему было противно, что приходится разговаривать с Егором Шубиным.

— Все, что нужно, вам принесут секретарши. — Он замылся, словно ему на миг стало неудобно. — Приказ Тимофея Ильича, Егор Степанович... Извините.

Егор кивнул.

Нужно быстро со всем этим закончить. Нужно выйти отсюда, добраться до машины, а там как-нибудь. Нужно просто пережить этот момент. Как-нибудь пережить, и все.

— Соберите мои личные вещи, — сказал Егор секретарше Юле, которая таранилась на него и, кажется, даже не дышала. — Кассеты, проигрыватель, телефон, лэп-топ...

— Лэп-топ останется здесь, — перебил охранник. — Простите, Егор Степанович.

Зачем он извиняется? Егор Шубин умер, его нет, извиняться не перед кем.

— Поторопитесь, пожалуйста, — сказал мертвый Егор Шубин секретаршам. Обе они устремились в кабинет, как будто сообразив наконец, что от них требуется, и тут настежь распахнулась тяжеленная дубовая дверь и в приемную шагнул Барышев. Кто-то из коридора, из-за его спины жадно заглядывал в приемную, и он досадливо прихлопнул за собой дверь.

— Привет, — коротко сказал он охраннику. — Ты чего делаешь, Егор Степаныч?

— Собираюсь, — ответил Егор холодно. Только Барышева ему сейчас и не хватало для полного счастья! — Ты разве не видишь?

— Вижу, — подтвердил Барышев. — Да я не про то. Ты чего делать-то собираешься?

Егор посмотрел на него.

— Егор Степаныч, — несколько иным тоном проговорил Барышев, — ты же знаешь батяню. Знаешь, как он может... под дых дать. Успокоится, отойдет, и можно будет во всем спокойно разобраться.

— В чем? — спросил Егор и потер глаза под очками. — В чем разобраться, Николай Николаевич? В этом-то и вся прелесть хода, что разбираться, собственно говоря, не в чем. Договоров, на которые ссылаются в статье, у меня нет. Можно тут все обыскать четыре раза — у меня нет этих договоров. Что-то такое я помню про фирму «Континенталь», которая там к месту и не к месту поминается, но это *не моя* фирма, я через нее ничего не покупал и не продавал...

— Ну? Это и есть самое главное. Тебе, главное, батяне доказать, что ты его не... того... Что ты у него ничего не крал и его именем в своих делах не прикрывался...

— Николай Николаевич! — Егор вернул очки на место. Он сдерживался из последних сил, а сдерживаться еще предстояло долго. — Я не могу это с тобой обсуждать. Я... не готов. Я только утром обо всем узнал, да и то случайно, потому что мне в «Саатчи» попалась на глаза эта гребаная газета. Кольцов меня уволил, что будет дальше,

я не знаю. Он дал мне неделю срока на то, чтобы я разобрался в ситуации, а потом он будет действовать по своему усмотрению. — Егор улыбнулся, рассматривая встревоженное лицо Барышева. — Я не имею представления о том, кто решил меня... сместить. Пока я никакого выхода из положения не вижу.

— А ты не допускаешь, что это все журналисты устроили? — Барышев оглянулся на открытую дверь кабинета, где со стеклянным звоном что-то упало и разлетелось в разные стороны.

— Нет, — сказал Егор. — Не допускаю. Прости меня, Николай. Я правда ничего пока не соображаю.

— Еще бы, — пробормотал Барышев. — Ладно, Егор Степанович, не дрейфь. Меня на два батяня вызвал, я с ним попробую поговорить и вечером позвоню тебе. Так что ты телефончик не выключай. И постарайся спокойно все обдумать.

— Ладно, — пообещал Егор, — постараюсь.

Как только за Барышевым закрылась дверь, из кабинета разом показались обе секретарши. У одной в руках была огромная коробка, у второй два каких-то пакета.

— Мы все собрали, — пропищала вечно напуганная малышка Юлия. — Все, что было, Егор Степанович.

«Им сегодня тоже предстоит тяжелый день, — подумал Егор. — Как только я уеду, к ним начнут ломиться сотрудники, уже осведомленные о скандале в верхах родного учреждения, а две эти мыши не только осведомлены, они даже видели часть скандала *собственными глазами!* Под вечер весь офис будет гудеть и упиваться, смакуя подробности того, как уволенный Шубин плакал и катался по ковру, а Барышев, отец родной, его утешал, а охранник стоял в дверях и смотрел на все представление. «Вы знаете, я даже не ожидала от Шубина, что он так может... Ну, подлец, он и есть подлец. Сегодня он шефа сдал, а завтра... И все ему мало, все мало! Ведь половина компании под ним ходила, а его еще куда-то понесло, все денег не хватает! Да, с такими со-
блазнами не многие справляются... Но наш-то, наш-то на работе по двадцать часов сидел, сотрудников

чуть до больницы не довел, требовательность повышал, какие-то экзамены выдумывал, а сам... И вечно сердитый, холодный, слова доброго никому не скажет, не человек, а льдина. Вот вам и льдина!»

Егор быстро шел по устланному серым ковром коридору к выходу. Позади охранник тащил его вещи. Встречные останавливались и смотрели ему вслед. Телефон, поставленный на минимальную громкость, непрерывно стрекотал в кармане — круги расходились все шире и шире, и вопреки законам физики волна не угасала, а, наоборот, нарастала.

Ничего. Осталось совсем немного. Вестибюль, крыльцо, а там...

И в вестибюле было много народу, как будто нарочно все решили сегодня немного опоздать и тарасилась на странную процессию с изумлением. Еще не охваченные сенсационной информацией получали исчерпывающие данные прямо на месте. Спинай, затылком, шей Егор чувствовал неистовое возбуждение, любопытство и страх — адскую смесь, в которую сплавлялись эмоции, когда в воздухе начинало пахнуть скандалом.

Охранник вынес коробку и пакет на крыльцо, аккуратно составил одно на другое и сказал, не глядя на Шубина и отряхивая руки:

— До свидания, Егор Степанович, — и моментально скрылся в сверкающих недрах вестибюля. Это означало, что на этом его полномочия исчерпаны. Егор больше не работает в этой компании, и охранник, следовательно, ему не служит.

На крыльцо поднимались люди и осторожно здоровались с Егором. Из-за чистых стекол все смотрели на него.

Ему хотелось исчезнуть. Чтобы больше никто и никогда не мог на него смотреть.

Неловко, двумя руками прижимая к животу свою поклажу, он добрался до машины и пихнул все на переднее сиденье. За «дворник» кто-то внимательный и заботливый уже засунул утренний выпуск газеты «Время, вперед!». Егор вытащил газету, швырнул ее на щиток и долго не мог сообразить, что должен делать дальше. Кажется, нуж-

но попасть ключом в замок, повернуть его, запустить двигатель и уехать, но как это сделать, он не понимал.

Нужно уехать. Хватит развлекать широкую общественность. На сегодня она уже развлеклась достаточно.

Телефон все не унимался.

«Сейчас, если только мне удастся вспомнить, как это делается, я заведу машину, поеду в редакцию и убью ту суку, что написала про меня всю эту ложь». Она наверняка сейчас сидит и радуется, как ловко обтяпала дельце, свалила с ног такого исполина, как Егор Шубин. И все это с помощью одной-единственной статьи, напечатанной на дерьмовой газетной бумаге. Она уверена, что она умнее и хитрее всех, эта злобная шлюха, наверное, одна из самых выдающихся газетных шлюх. Она уничтожила его полностью и целиком, и он тоже сейчас уничтожит ее. Ему совершенно нечего терять, он только что потерял все, что у него было, — работу, которой он добивался многие годы, и доверие людей, которых он уважал.

Больше в его жизни не было ничего, за что стоило бы бороться.

Мысль о том, что он может поехать и убить ее, странным образом воодушевила существо, которое еще три часа назад было человеком и называло себя Егором Шубиным. Как будто враг перестал быть виртуальным и обрел совершенно конкретные очертания. Как чудовище из фильма про Годзиллу, в которое никто не верил, пока оно не откусывало недоверчивым ногу или голову.

Только бы вспомнить, где расположена эта гребаная редакция.

И еще Барышев со своим сочувствием. Все теперь будут ему сочувствовать, жалеть, давать неискренние и бестолковые советы, а он вынужден будет все это слушать, поддакивать, кивать. У него больше нет никаких прав. Он никто. Кусок дерьма, безобразный и отвратительно воняющий.

Жалко деда. Дед не переживет позора.

Ключ наконец попал в замок, двигатель привычно и негромко заурчал, Егор нажал на газ и вылетел со стоянки в неспешное и солидное движение Ильинки.

Охранники топтались возле светлой будочки, курили и смотрели ему вслед.

— А я бы не решилась, — вставила из своего угла Нинулька. Лидии почему-то казалось, что Нинулька ее осуждает. — Ты же не Генеральный прокурор и не Сергей Доренко, который за каждую программу «Время» по двадцать тысяч баксов получает. Ты-то зачем во все это полезла?

— Интересно же... — жалобно пробормотала Лидия. — Невозможно удержаться, когда к тебе в руки попадает такая информация, которой ни у кого нет.

— Ну да, ну да! — сказал Стас Смирнов язвительно. Он был недоволен тем, что материал вышел безо всякого с ним согласования. Никто не спрашивал его мнения, просто пришел Леонтьев, выкинул половину материала и поставил шевелевскую статью, которая с утра наделала в редакции столько шуму. — Леонтьев у нас мастак на чужой спине в рай въехать. Или ты думаешь, что он тебя отмажет, если этот Шубин начнет рыпаться, в суд подавать, опровержения печатать?

— Как раз если в суд, то отмажет, — подлил масла в огонь Саша Воронин, — а если этот твой персонаж окажется обыкновенным бандитом, который запрет тебя на какой-нибудь даче и не выпустит, пока всю кожу полосками не срежет?

— Да вы что?! — не выдержала Лидия. — Белены объелись, что ли?! Какие все грамотные и правильные, одна я дура! Что я должна была делать, когда на меня вышел этот осведомитель? Подарить все Грише Распутину? Или Игорю Леонтьеву? У меня, может, это единственный шанс пробиться, и все вы злитесь, потому что это мой шанс, а не ваш!

— Тю! — фыркнула Нинулька. — Молодец. Хорошо придумала. Правильно.

Лидия поднялась из скрипучего старого кресла, раздраженно пнула ногой портфель, попавшийся ей по дороге, и плеснула кофе в кружку «Я люблю чай».

— Кстати, написано неплохо, — заметил Смирнов. — Живенько так, и за душу берет, и сразу понятно, какая первостатейная сволочь этот твой Шубин.

— Вовсе я и не хотела писать, что он первостатейная сволочь! — обозлилась Лидия. — Я старалась соблюдать и соблюла максимум объективности.

— Не знаю, что уж ты там старалась сделать, но Шубин у тебя получился ну просто плакатный враг народа. Правда. — Саша вылил в свою кружку остатки кофе и даже потряс кофейником, словно выжимая из него все, до последней капли. — Чертов снег. Идет и идет. Я сегодня на работу два часа пилил. Думал, с ума сойду. Кстати, братва, вы слыхали новую феню на «Русском радио»?

— А где теперь все эти материалы, Лидия? — спросила Нинулька задумчиво. — Их, наверное, дома держать опасно...

— У Леонтьева, — сказала Лидия мрачно. — Испортили настроение и радуетесь, сволочи.

— Кто сволочи? — спросил, появляясь на пороге, основной Лидин конкурент Гришка Распутин. — Ты о ком, любовь моя?

— О коллегах, — пояснила Лидия. — Они как раз учат меня жить.

Гришка закатил глаза, как бы давая всем понять, что такую умницу и красавицу, как Лидия, никто не смеет учить жить, по крайней мере в его, Гришкином, присутствии.

— Я пришел тебя поздравить, — объявил Гришка нежно. — Отличная статья. Статья вполне большой девочки, которая совершенно отдает себе отчет в том, что она делает, и умеет добывать самую хитовую информацию.

Лидия насторожилась, а Гришка продолжал соловьиные трели и рулады.

— Мне Леонтьев еще вчера макет показал, — сообщил он доверительно. Обойденный вниманием начальства Стас Смирнов поморщился, но промолчал. — И знаешь, я сначала на него обиделся, что он весь материал тебе отдал, а потом решил, что это правильно, особенно когда статью просмотрел.

— Особенно учитывая то, что компромат предложили именно мне, — уточнила Лидия на всякий случай, — а я его предложила Леонтьеву.

— Вот именно! — согласился Гришка, которого было не так-то просто сбить с толку. — Ты молодец, любовь моя, тебя ждет великая карьера и Пулитцеровская премия в недалеком будущем.

Все это было бы просто прекрасно, если бы эти слова произносил не Гриша Распутин, а кто-нибудь другой. Гришка сейчас должен быть обиженным и надутым, в конце концов, именно он — гордость редакции, а вовсе не Лидия Шевелева, которая в одночасье прославилась из-за материала, который вполне мог написать и Гришка, и то, что он был предложен именно Лидии, на самом деле не имело почти никакого значения.

Странно. Непонятно. Чему он радуется? Или играет? А если играет, то зачем?

Лидию почти не огорчили вялые нападки коллег, но Гришкина чистая радость почему-то показалась подозрительной и неуместной. С Игорем поговорить, что ли?

— Спасибо тебе за хорошие слова, Гриш. — Она сказала это совершенно спокойно и даже радостно. — И вам также! — Это было сказано более язвительно и относилось к остальной компании. — Пойду навещу начальство. Вдруг оно тоже жаждет отдать мне ценные указания или посулить Пулитцеровскую премию?..

— Лидочка! — окликнули ее, едва она вышла в коридор.

Секретарь редакции Тамара Петровна приближалась к ней со стороны туалета, держа в одной руке несколько мокрых кружек, нанизанных на толстые пальчики, а в другой не слишком чистую пластмассовую бутылку, наполненную водой, из которой она поливала цветы.

Лидия притормозила и изобразила на лице величайшее внимание и радушие.

Тамара Петровна была оплотом редакционной жизни, проработав на одном и том же месте лет тридцать. Менялись названия газет и сами газеты, уходили в прошлое, то есть на пенсию, и в будущее, то есть на постоянную работу за границу, главные редактора, менялись типографии, направления, авторы, лишь Тамара Петровна оставалась неизменной. Казалось, что если она однаж-

ды утром не выйдет на работу, то это будет означать, что к обеду следует ожидать конца света. Нынешний главный редактор, тридцатилетний, рафинированный, знаменитый, предпочитавший пиджаки «Хьюго Босс», итальянский капучино и швейцарские горнолыжные курорты, наверное, просто упал бы замертво, если бы, приехав на работу, не обнаружил в собственной приемной Тамару Петровну, внушительную, как волжский баркас, в облаке табачного дыма и в окружении бесчисленных телефонов и кофейных чашек. Никому даже в голову не приходило сменить Тамару Петровну на юную красавицу с волшебным голоском и волосами до попы.

— Ты спешишь? — издалека спросила Тамара Петровна Лидию. У нее был прокуренный бас Фаины Раневской, длинный ехидный нос и прическа валиком.

— Нет, что вы, Тамара Петровна! — Как она могла сказать, что спешит, если Тамара Петровна выразила желание с ней поболтать!

— Я знаю, что ты всегда спешишь, — заявила Тамара Петровна безапелляционно. — Не нужно врать. Врать нехорошо.

Лидия улыбнулась.

— Я просто хотела тебе сказать, что сегодня с нашими телефонами происходит настоящая истерика. И все из-за тебя. Откуда только не звонили, даже из Министерства юстиции. Сергей Витальевич все утро только и делал, что отвечал на звонки.

— Это хорошо или плохо? — спросила Лидия с тревогой. Тамара Петровна пожала необъятными плечами и сказала, заговорщицки приближая свой нос к Лидиному плечу:

— Было бы плохо, тебя бы уже вызвали, наверное. А статью я прочитала.

— И как вам она, Тамара Петровна?

— Смело написано, — оценила Тамара Петровна. — Очень даже смело.

Лидия не очень поняла, похвала это или наоборот.

— А главный ничего не говорил?

— А что главный? Главный свое дело сделал, разрешение на публикацию Леонтьеву дал, так что теперь остается только...

Дверь на лестничную клетку, мимо которой они проходили, неожиданно отлетела в сторону, как будто кто-то собирался вышибить ее, но в последнюю секунду удержался, со всего размаха ударилась о стену, осыпая на пол тонкие хлопья штукатурки, и в коридор ворвался какой-то высокий человек в развевающемся черном пальто, похожий на графа Дракулу.

— Господи Иисусе! — пробормотала рядом Тамара Петровна. — Это еще что такое?

Лидия смотрела с интересом. Совершенно черные и как будто мертвые глаза уперлись ей в лицо, и она попятилась, все еще не понимая, что происходит.

В один громадный шаг Дракула приблизился к ней, сгреб в кулаки ее пиджак — затрещали швы, поскакали по полу пуговицы — и поволок за собой на лестничную клетку. Лидия хрипела и не успевала переставлять ноги, они волочились сзади, как чужие.

— Охрана! — неуверенно пробормотала где-то в другом измерении Тамара Петровна. — Охрана!

— Будет вам охрана, — пообещал Дракула, еще сильнее налегая на горло Лидии. — Еще чуть-чуть, и кругом будет одна сплошная охрана...

В ушах звенело, и, кажется, из носа лилась кровь. Лестничная площадка была где-то очень далеко внизу, чужие короткие ноги все никак не могли достать до пола, а достать очень хотелось, тогда можно было бы опереться на ноги и хлебнуть хоть немножко воздуха, который вдруг стал колким и острым, как битое стекло. И почему-то его было очень мало.

«Дракула забрал весь воздух. Мне ничего не осталось...»

Мысли были медленные и вязкие и с каждой секундой становились все медленнее и медленнее, и уже был виден тот конец тоннеля, за которым мыслей не станет совсем. Скорее бы туда добраться...

Послышался какой-то медленный всплеск, удар, тускло сверкнуло что-то похожее на ртуть, пролившуюся из разбитого градусника. Пол стал стремительно приближаться к ногам, пока не ударился в них с чудовищной силой. Лидия упала на колени, и колкий воздух рванулся внутрь, разрывая внутренности.

Тоннель закрылся.

Не было никакого тоннеля.

Она стояла на коленях на лестничной площадке возле урны, полной окурков, держалась за горло и кашляла, кашляла, не в силах остановиться. Прямо перед ее носом на грязном полу как бы сами по себе возникали алые пятна. Наверное, это течет у нее из горла. Нет, не может быть, чтобы из горла. Может, из носа?..

Тот, кто напал на нее, возвышался совсем близко, как Гулливер над лилипутами, или это у нее в голове произошло такое искривление пространства?

— Ну что? — хладнокровно спросила где-то рядом Тамара Петровна. Лидия не видела ее, но знала, что это именно Тамара Петровна. — Остыли или еще добавить?

Лидия подняла голову. Тамара Петровна наперевес, как пожарный шланг, держала древнюю пластиковую бутылку, из которой обычно поливала цветы. Нападавший был с ног до головы залит водой — волосы, лицо, пальто...

— Больше не надо, — хрипло выдавил он. — Спасибо.

Он тяжело дышал, с трудом справляясь с собой, и только в этот момент Лидия узнала в нем Егора Шубина.

Героя ее сегодняшнего литературного труда. «Плакатного врага народа», как выразился Сашка Воронин. Человека, который через подставную фирму «Континенталь» обирал своего Большого Босса, так она написала о нем в своей статье.

Он только что пытался ее задушить.

— Вы что?! — спросила она чудовищным шепотом, совершенно непохожим на нормальный человеческий голос. — Спятили совсем?! — И тяжело поднялась, взявшись руками за заплеванный край урны. Тамара Петровна поддержала ее под руку.

На это он ничего не ответил, и Лидия принялась рассматривать себя, пытаясь оценить масштабы бедствия. Лацканы пиджака были оторваны, из них лезли наивные белые нитки. Воротник блузки странно топорщился, и когда она потянула за него, он подозрительно легко подался и весь оказался у нее в руке. Лидия посмотрела на него с отвращением и швырнула в урну. Остатки блузки и пиджака были обильно политы кровью, которая продолжала потихоньку капать из носа.

Смотреть ниже не хотелось, но она все-таки посмотрела. Колготки были порваны на коленях, из дырок торчала вымазанная пеплом лестничной площадки бледная кожа. От правого ботинка почему-то до половины отклеилась подошва. Наверное, оттого, что он волоком тащил ее, а она цеплялась ботинками.

— Лидия, вытри нос! — скомандовала Тамара Петровна. Она не вызывала охрану, и вокруг никого не было, хотя обычно на площадке толпились человек пять, которые курили и обсуждали свежие редакционные новости.

— Мне нечем, — пробормотала Лидия все еще нечеловеческим голосом. Тамара Петровна подала ей снежной белизны носовой платок.

— Я же тебе сказала, что написано смело, — подытожила она. — Очень даже смело.

Лидия дико на нее взглянула.

— Я не собирался вас убивать, — сказал Шубин откуда-то сбоку. — Но наверное, убил бы, если бы...

— Если бы не я, — заключила Тамара Петровна. — Лидия, стой здесь, я сейчас принесу из приемной свою шерстяную кофту, и ты сможешь дойти до туалета. У тебя есть запасные колготки?

— Конечно, — сказала Лидия. — В нижнем ящике, в самой глубине, с правой стороны.

— Я скажу, что ты мне разрешила взять и что тебя вызвал главный, — зачем-то объяснила Тамара Петровна. — Я мигом вернусь.

118 Лидия неожиданно и запоздало перепугалась.

— Нет, — сказала она. — Не уходите, Тамара Петровна.

— Не валяйте дурака, — слышался голос Шубина. — Я уже остыл, и мне нужно с вами поговорить.

— Тем более. — Тамара Петровна потянула на себя дверь. Почему-то она совершенно не беспокоилась за жизнь Лидии и с полной безмятежностью оставляла ее наедине с потенциальным насильником и убийцей. Почти маньяком, которого Лидия разоблачила, да еще объявила об этом во всеуслышание.

— Нет!.. — пискнула Лидия, но дверь за Тамарой Петровной уже закрывалась.

— Говорю вам, что я не собирался вас убивать! — Шубин придвинулся к ней, держа руки в карманах пальто, и Лидия отступила, чуть не покотившись с лестницы. Он не протянул руку, чтобы ее поддержать, очевидно понимая, что она шарахнется еще дальше и тогда уж точно упадет.

— Вижу, как вы не собирались. — Она осторожно потрогала рукой шею. Так, как будто это была чья-то чужая шея. Пальцы оставляли странное, не столько болезненное, сколько неприятное ощущение.

— Я был... не в себе, — выговорил он, явно делая усилие. — Ответьте на мои вопросы, и я уеду...

— Какие еще вопросы?! — возмутилась Лидия, и по ее тону он понял, что она начала приходить в себя. Пожалуй, сейчас она вполне голова закатить истерику. Может, ну ее к бесу? Ведь он и в самом деле чуть не задушил ее...

— Кто заплатил вам за публикацию? — спросил он. — И где вы взяли документы?

— Никто не платил мне за публикацию, — сказала Лидия, тщетно пытаясь приладить под порванный пиджак порванную блузку. — Слушайте, проваливайте отсюда, а? А то я правда сейчас вызову охрану.

Почему-то ему показалось, что она не врет.

— Что значит — никто не платил? — Он внимательно смотрел ей в лицо. Лицо было бледное, с некоторой зеленью, утратившее свои смугло-коньячные краски. — А зачем тогда вы это написали?

— Затем, что это скандал, сенсация, эксклюзив. Деятели вашего уровня прокалываются очень редко, поэтому когда они все же прокалываются, для нас это праздник. Мы получаем потрясающий материал. — Она говорила злобно и все запихивала блузку под пиджак.

«Если не врет, значит, деньги получила не она, а кто-то из ее начальства, — быстро подумал Егор. — Или врет?»

— А документы вы где взяли?

— В трубе! — огрызнулась она и подняла на него глаза. — Ну что? Подходит?

— В какой трубе? — переспросил он. Она все еще не билась в истерике, хотя имела на это полное моральное право. В конце концов, он чуть не задушил ее. Не окажись рядом с ней этой хладнокровной бабки, он вполне мог бы ее задушить.

Неужели мог бы?!

«Вот до чего ты дошел, придурок!»

— Незвестный осведомитель оставил мне контейнер с документами за водосточной трубой соседнего дома. Все по правилам.

— Почему вы решили, что они подлинные?

— Это вопрос? — спросила Лидия с подозрением. — Или я ошибаюсь?

— Почему? — переспросил Егор. Не мог же он сию минуту объяснить ей, что ему дали неделю на то, чтобы спасти свою жизнь и, возможно, остатки репутации.

— Да идите вы к черту! — произнесла она устало. — Я не знаю, о чем эта пьеса. Если вы думаете, что о том, как злые люди оболгали честного и умного бизнесмена...

Егор вдруг вновь взбеленился до такой степени, что перед глазами у него поплыли зеленые и красные круги.

— Слушайте, вы! — Он не сделал ни одного движения, но Лидии показалось, что он надвинулся на нее, как черная тень. — Из-за вас я лишился работы. Навсегда, понимаете?! И я пока не знаю, как мне спасти свою шкуру. Вы ни черта не понимаете, что натворили. Вы выпустили из бутылки не одного, а полтора десятка джиннов, и меня в том числе.

Вы просто вздорная, подлая и тупая особа, которую

кто-то использовал! Поэтому отвечайте, пока у вас еще есть возможность.

Его тирада не произвела на нее никакого впечатления, за исключением замечания о ее тупости. Он обозвал ее тупой, этот хренов персонаж, материализовавшийся из ее статьи! Сначала он чуть не задушил ее, а потом обозвал тупой!

— Это вы тупой! — взвизгнула она и закашлялась. Почему-то Тамара Петровна все не возвращалась. — Вы, а не я! Теперь вы хотите, чтобы я с вами разговаривала, а две недели назад чуть не силой вытряхнули из своей машины! Конечно, тогда вы были на коне и в бо-ольшом почете, а сегодня вам наступили на хвост! И кто же?! Какая-то недоделанная редакционная крыса, которую вы три месяца отшивали по телефону!

— В этом все дело? — спросил он таким тоном, что она, как разгулявшаяся собака, на которую прикрикнул пьяный прохожий, присела на задние лапы от страха. — В том, что я не желал разговаривать с вами по телефону и отказался участвовать в низвержении вашего начальника?

— Вот и я! — проговорила Тамара Петровна, просовывая длинный нос в приоткрывшуюся дверь. — Вот кофта, вот колготки. Помочь тебе, Лидия?

— Спасибо, Тамара Петровна, — пробормотала Лидия, боясь повернуться спиной к этому сумасшедшему в черном пальто. — Вы меня просто спасли. Не знаю, что со мной было бы...

— Нам нужно договорить, — твердо сказал сумасшедший. — Да не бойтесь вы, ничего с вами не будет!

— Я не хочу с вами договаривать. — У Лидии вдруг застучали зубы. — Идите к Леонтьеву и договаривайте с ним. Третья дверь налево.

— Почему вы решили, что бумаги подлинные?

— Лидия, идем, — поторопила Тамара Петровна. — Не ровен час кто-нибудь покурить выйдет, а тут ты, вся такая... необыкновенная.

— Потому что если неизвестный зверь пахнет, как собака, лает, как собака, и выглядит, как собака, значит, это и есть собака!

— Они пахли, выглядели и лаяли, как подлинные документы?

— Идите на!.. — крикнула Лидия в полном отчаянии. — Идите к Леонтьеву! Вы еще будете умолять меня, чтобы я не подавала на вас в суд за попытку покушения в присутствии свидетелей!

Это было сильно сказано — «в присутствии свидетелей». Егору неожиданно стало легче дышать, как будто чуть отступили, раздались своды штольни, которая обрушилась на него сегодня утром.

Однажды на него и вправду обрушилась штольня. Это было давно, но до сих пор самый худший из его кошмаров — это те сорок шесть часов.

Дверь закрылась.

Егор осторожно привалился к стене. Он еще не осознал до конца, что и вправду пытался задушить эту девку. Что с ним стало?! Он научился в совершенстве владеть собой еще лет в двадцать, почему же наука изменила ему сейчас?! У него нет времени на слепые эмоции, он должен быстро и толково добыть доказательства того, что он не причастен ни к какой фирме «Континенталь», и тогда Кольцов просто уволит его. Если Егор не добудет этих доказательств, в будущий понедельник его не будет в живых. Тимофей Ильич, конечно, человек терпеливый и законопослушный и вообще на виду, но еще не было случая, чтобы он отпустил врага живым.

В данный момент его врагом был Егор Шубин.

«У меня нет сил унижаться еще и перед этим неизвестным Леонтьевым».

«Можешь не унижаться, а пойти вытащить из-под сиденья пистолет и застрелиться. Выход просто изумительный».

«Он не даст мне никаких бумаг, даже если они и вправду существуют в природе. Он вызовет охрану, и меня вышвырнут отсюда».

«Тебя сегодня уже вышвырнули с работы. Говорят, второй раз это не так болезненно. Тебя теперь отовсюду

будут вышвыривать, а ты будешь влезать в окна и две-

ри, умолять, унижаться, просить и кланяться. Неужели ты так этого и не понял?»

Егор еле слышно застонал сквозь стиснутые зубы и, как на гильотину, шагнул в редакционный коридор.

Человек, кутивший на лестнице пролетом ниже, хмурился и сосредоточенно думал. Он совершенно не ожидал, что этот полоумный Шубин помчится в редакцию объясняться. А что, если он найдет бумаги, или — хуже того! — кассету?! Босс был совершенно уверен, что никаких шагов Шубин предпринимать не будет — кишка, мол, тонка и вообще... дерьмо, аристократишка. А он довольно... прыткий. И не особенно похож на человека, два часа назад потерявшего все.

Нужно звонить, рассказывать об увиденном и услышанном. Может, имеет смысл поторопиться и не ждать никакого Нового года? Почему его нельзя пристрелить, например, вечером? Застрелился от стыда и горя, да и все дела.

Девчонку жалко. Вот с ней вполне можно потянуть. Она еще пригодится. Она разжигала его воображение, раздувала его прямо-таки до размеров пожара. Он был опытным мужчиной, и одного взгляда на женщину ему хватало, чтобы определить — весело с ней будет в постели или не очень.

С этой — он знал совершенно точно — будет не просто веселье, а фейерверк. Салют. Феерия.

С самого порога в нос шибал острый как бритва запах валерьянки и еще каких-то лекарств. В голову толкнулось предчувствие беды и растеклось внутри, заполняя все свободное пространство, так что тяжело стало дышать.

Дед.

Позабыв закрыть дверь, Егор большими шагами пошел в глубь квартиры, заглядывая во все комнаты подряд. Откуда-то выскочила Наталья Васильевна, у нее было испуганное и встревоженное лицо.

— В чем дело? — не повышая голоса, спросил Егор изда-
лека.

— «Скорая» была час назад. Сделали три укола, полчаса посидели и уехали, когда давление стало понижаться.

Вроде обошлось, Егор Степанович.

Егор еще постоял посреди коридора, потом нагнулся и стянул ботинки.

— Когда приступ начался?

Домработница, уже приготовившаяся взять его пальто, опустила глаза как-то особенно постоно.

— Да как газету прочитал, так пошел и лег. И «скорую» вызывать не велел. Я уж потом на свой страх и риск вызвала.

— Надо было не потом, а сразу, — сказал Егор, прячась за раздраженный барский тон. Игра в господина, недовольного прислугой, позволяла еще хоть малость оттянуть момент, когда нужно будет войти и увидеть деда.

— Да разве его уговоришь! — сказала Наталья Васильевна с досадой. — Кремень. Скала.

— Весь в меня, — пробормотал Егор. Не глядя он швырнул в темноту своей спальни мятый пиджак — свидетель сегодняшнего конца его жизни — и постучал в дедову комнату.

— Ну что? — спросил он, просовывая в дверь голову. — Перестал помирать?

Наталья Васильевна за его спиной закатила глаза и демонстративно сердитыми шагами прошлепала в кухню. Ее всегда изумляло непочтение Егора к своему более чем пожилому дедушке. Она даже подругам рассказывала, как «эти новые русские» позволяют себе обращаться со старшим поколением.

— Входи и закрывай дверь, — сказал дед нарочито бодрым и веселым голосом. Когда он говорил таким голосом, Егор знал, что случилась беда. — Сквозняк.

В комнате запах лекарств стал еще острее. Почему-то его не вынесло в настежь открытую форточку. В дедовой комнате вообще всегда была чудовищная стужа. Зимой и летом он жил с открытыми окнами, «впускал» свежий воздух и ставил на минимум регулятор батареи, объясняя это тем, что горячий воздух то ли поглощает, то ли видоизменяет какие-то там ионы. Егора дедовы теории страшно развлекали, он всегда с удовольствием их слушал, они восхищали его своей глубокой научностью и обилием умных слов.

— Дед, ты чего это разлегся? — спросил Егор, со страхом вглядываясь в восковое желтое лицо с тонкой кожей и синими прожилками под глазами. — Тебе чего, больше заняться нечем?

— Вот отдохнем и займемся, — пообещал дед все тем же чудовищно бодрым голосом. — Как твои дела?

Егор усмехнулся и сел в кресло напротив.

— Дед, все это чушь и ерунда, — сказал он быстро. — Стоило из-за этого нервничать! Обычные дразги внутри сплоченного трудового коллектива. Кто-то хочет на мое место, только и всего. Это ведь только в ваших пятидесятых трудились за энтузиазм и «хрущевку». Сейчас все сложнее, ты ж понимаешь...

«Помрет ведь, — подумал он про деда с отчетливой бабьей жалостью. — Меня застрелят, и дед помрет».

— В наших пятидесятых, — подхватил дед, не открывая глаз, — люди были благороднее и самоотверженнее.

— Это ошибка. — Егор придвинулся в кресле поближе. — Люди во все времена удручающе одинаковы.

— Егор, положи лупу на место, — скомандовал дед. — Разобьешь, где я возьму вторую такую?

— Купим, — сказал Егор, пытаясь вставить лупу себе в глаз. Лупа была громадная, толстого стекла и в глаз никак не лезла.

— Что там у вас случилось, Егор?

Егор бросил лупу, уперся локтями в колени и потер лицо.

Что он может объяснить своему восьмидесятишестилетнему деду, да еще объяснить так, чтобы дед поверил и перестал волноваться и не лежал больше на кожаном диване с таким неживым восковым лицом?

— Дед, ситуация сложная. Я допустил какую-то ошибку и сам до сих пор не знаю какую. Кто-то решил убрать меня с дороги и сделал это легко и просто.

— Тебя уволили? — перебил дед, вновь закрывая глаза.

— Ну конечно! — сказал Егор с досадой. — Меня уволили, у меня больше нет репутации и профессии. Я должен все начинать сначала.

«И на все начинания у меня неделя. Впрочем, нет. Не неделя. Уже шесть дней и один вечер».

— Ты должен бороться, — сказал дед, подумав. — Ты не можешь все так оставить. Ты слышал что-нибудь о том, что человек невиновен, если его вина не доказана?

Егор застонал.

— Дед, это годится только для романов! На самом деле все не так лучезарно. В статье говорится, что я использовал свои знания и полномочия, обирая человека, которого должен был защищать и оберегать от всевозможных проколов.

— Но ты же защищал и оберегал...

— Да это теперь не имеет никакого значения! — заорал Егор неожиданно даже для себя. — Моему шефу недосуг проверять, честный я человек или нечестный! Ему проще... — он хотел сказать «застрелить», но вовремя прикусил язык, — ему проще выбросить меня на фиг и забыть о моем существовании навсегда.

— Если твой шеф порядочный человек...

— Дед, сейчас нет порядочных людей! Ты последний остался. Все остальные ни черта не порядочные! На порядочных нынче воду возят!

— Ты противоречишь сам себе, — сказал дед тихонько, — только что ты утверждал, что во все времена люди одинаково порядочны.

— В моем мире, — отчетливо, как на уроке, произнес Егор, — порядочных нет и не будет. Волки не бывают порядочными и непорядочными. Они бывают только более или менее удачливыми. Удачливые становятся вожаками, неудачливых загрызают свои или отстреливают в сезон охоты. В данный момент я — неудачливый волк.

— Хочешь, я пойду к этому твоему шефу, — предложил дед и неожиданно сел и спустил ноги с дивана. Егор усмехнулся, но дед продолжал упрямо: — Я пойду и скажу ему...

— Дед, — сказал Егор нежно, — ты ничего не понимаешь. Я разберусь сам. Ты мне в этом деле не помощник. Ты только перестань помирать, не осложняй мне жизнь еще больше. О'кей?

— Гуд-бай! — ответил дед сердито. — Ты напрасно считаешь, что все вокруг хищники, готовые тебя загрызть. Это неправильно. Оценивать жизнь нужно трезво, а ты... сгущаешь краски.

— Давай чайку попьем, — предложил Егор, вдруг сильно устав от облегчения — дед говорил и выглядел как вполне нормальный, пригодный для жизни человек. — Что-то я замучился сегодня. А потом я подумаю. Может, чего и придумаю. Дед, ты на недельку прикроешь меня от родственников? Я сейчас чужими делами заниматься точно не смогу.

— Прикрою, — пообещал дед. — Надо отпустить Наталью Васильевну. И так неудобно, что она со мной весь вечер просидела.

— Я отпущу. — Егор поднялся, радуясь тому, что разговор закончился так неожиданно легко. — Дед, а где Димка?

— С утра поехал в институт и сказал, чтобы его не ждали — ночевать к какой-то девушке поедет. Я даже хотел тебя попросить поговорить с ним, потому что он был в ужасном состоянии... — Стоя в дверях, Егор хотел что-то сказать, но дед энергично замахал руками: — Не сейчас, конечно, а когда все это уляжется...

Егор отнюдь не был уверен, что хоть что-то когда-нибудь уляжется, но не стал говорить об этом деду.

Наверное, брат тоже видел эту проклятую газету. Кажется, весь мир видел ее. Почему раньше он никогда не обращал внимания на то, что люди читают?! Даже в закутке у консьержа она лежала, согнутая как раз на *той самой* странице, и консьерж смотрел как-то... странно. Сегодня ее получают все — соседи, коллеги, дальние знакомые, приятели по теннису и бане, бывшие и настоящие любовницы.

«Неужели у меня хватит сил выдержать? Выдержать и... преодолеть?»

«Ты где-то крепко свалял дурака. Дал повод думать, что тебя можно безнаказанно использовать. А тебя разве можно использовать? Ты сам используешь кого хочешь. Ты же умный мужик. Ты всегда так гордился своим умом. Ты даже в школе никогда не дрался потому, что дед убе-

дил тебя, что «гомо сапиенс», человек разумный, все может решить мозгами, а не кулаками...»

«Я не ожидал такого удара!»

«Брось скулить! Ты слишком благополучно жил все эти годы».

«Я работал как ненормальный, чтобы добыть себе это благополучие».

«Ты что, забыл? Забыл, как засыпал в лифте, как работал сначала в сапожной мастерской, а потом вышибалой в кафе «Муза» на Ленинских горах? Как однажды тебя забрали в ментуру, потому что от усталости ты свалился с сиденья в метро и даже не проснулся? И ты провел всю ночь в «обезьяннике» с вьетнамцами и проститутками, а утром пришел дед и спас тебя, и притащил термос с бульоном, и держал чашку, потому что у тебя были переломаны все пальцы — тебе хватило ума полезть в драку с ментами! И это была просто ужасающая катастрофа, потому что сломанными пальцами ты не мог записывать лекции, а дело было перед госэкзаменом по политологии. И дед записывал лекции за тебя, и весь курс над тобой смеялся, а ты не мог позволить себе получить четверку, и тебе было наплевать на курс!»

«Расскажи еще что-нибудь о том, как ты штурмовал Зимний и был верен делу революции даже на оккупированной территории! Все это не имеет никакого значения. Потом, в спокойной обстановке, ты всплакнешь над своим героическим прошлым, похвалишь и пожалеешь себя. А сейчас...»

«Сейчас я, как Штирлиц, сяду к камину, разложу бумажки и буду рисовать на них стрелочки, палочки, черточки... Я перепишу всех, кто так или иначе имеет ко мне отношение. Я никого не забуду и отдельно выпишу тех, кто в последнее время был мной за что-то недоволен, а таких большинство. Со мной ведь очень трудно иметь дело, я въедливый, противный, мелочный, никогда и ничего не забывающий. Первым в этом списке будет Абдрашидзе. Он ближе всех к журналистской тусовке, он знает всех и вся, и в последнее время его очень волновало мое усиливающееся влияние. Кроме того, моя служба завершила несколько его договоров.

Вторым пойдет...»

— ...Егор!

Он с трудом, как обессилевший пловец, вынырнул на поверхность и осознал себя сидящим в собственной кухне. В руке у него почему-то была вилка.

— Ты меня не слышишь? — спросил дед осторожно.

— Нет, — признался он честно. — А ты что-то говорил? Дед помолчал.

— Я спрашивал, знаешь ли ты журналистку, которая написала статью. Как ее фамилия? Шевелева, кажется?

Егор голову мог дать на отсечение, что дед отлично запомнил ее фамилию.

— Да, кажется, Шевелева.

— Может, тебе имеет смысл с ней повидаться? Она же ведь не просто так писала, она откуда-то взяла все те факты, которые там... описаны. — Волнуясь, дед всегда говорил очень правильно. — Я думаю, что кто-то намеренно ввел ее в заблуждение.

— Это точно, — подтвердил Егор. — Кто-то намеренно ввел ее в заблуждение путем подкупа и разнообразных посулов. А она, войдя в это самое заблуждение, живописала меня так искусно и тонко, что мне самому уже кажется, что я злодей.

— Ты думаешь, что ей... заплатили? — переспросил дед трагическим шепотом, и Егор, несмотря на свое сложное состояние, покотился со смеху.

— Дед, ей не просто заплатили! Ей *очень хорошо* заплатили. И еще ее главному, чтобы разместил, заму главного, чтобы не выпендривался и ни во что не лез. Далее везде. Хотя она говорит, что ей никто не платил, но я еще не решил, верить ей или не верить. На дуру она не похожа, а только дура станет все это делать бесплатно...

— Значит, ты с ней уже встретился? — Дед воинственно нацепил на длинный нос очки и принял светскую позу. Егор понял, что он решил не отступать и во что бы то ни стало помочь попавшему в беду внуку.

— Встретился, — признался Егор. — Еще как встретился.

Он очень отчетливо вспомнил, как кинулся ее душить, как физически чувствовал ненависть, которая прямо из его пальцев текла в ее хрупкое живое горло, и как она упала, когда он отшвырнул ее от себя.

Сердце заколотилось почему-то на уровне шеи, взмокла спина, и стало так мерзко, как не было ни разу за весь этот длинный день.

С изменившимся лицом он поднялся, стремительно вышел из кухни и заперся в ванной.

Дед не побежал за ним. Видимо, понял, что внука лучше сейчас ни о чем не спрашивать.

Отдышавшись и умывшись холодной водой, Егор вышел из ванной и засел в кабинете. Некоторое время он просто думал, задрав ноги на полированную поверхность стола, чего он раньше никогда не делал.

Но мало ли чего он не делал раньше!

Не душил женщин, например. Не уходил с работы под конвоем.

Привычная обстановка мешала ему, он все время как будто съезжал с ухабистой обочины в удобную колею.

Вон бумаги, которые нужно непременно подписать до понедельника. Сверху соглашение о намерениях, пришло вчера из «Кока-Колы». Где-то в портфеле барышевская гостиница без пляжа, они уже начали с ней работать. Суд скоро, к которому он так толком и не подготовился, и из окружения того идиота, Долголенко, что-то ничего не слышно, а уж Егору-то полагалось бы слышать...

Он останавливал себя. Он говорил себе — хватит. Он знал, что больше никогда не вернется к привычным делам, даже если и докажет Кольцову, что не виноват.

Кольцов оставит ему жизнь, но никак не работу.

Егор резко опустил ноги на пол, свалив со стола кучу бумаг. Бумаги разлетелись по ковру. Он посмотрел на них и отвел глаза. Ему было нестерпимо — до горячей влаги в глазах — стыдно, и он никак не мог объяснить себе этого. Он ни в чем не виноват. Он — жертва, а не преступник. Ему нечего стыдиться.

Но никогда прежде он не был жертвой.

Егор Шубин был сильным и самостоятельным с тех пор, как ему исполнилось четыре года, и он понял, что помощи ждать неоткуда.

Он не знал, что должен испытывать человек, находящийся в положении жертвы, и поэтому испытывал... стыд.

— Я заварил тебе кофе, — сказал дед из-за двери. Он всегда был чудовищно деликатным и никогда не нарушал суверенитет внука. — Может, выйдешь и попьем? Или тебе в кабинет подать?

— Выйду, — пообещал Егор. — И если ты уже очухался совсем, насыпь немного корма в мою мисочку на полу. Что-то я жрать хочу, как людоед в пустыне.

Шаги, торопливо удалившиеся в сторону кухни, свидетельствовали о том, что дед наконец занялся делом, которое хоть немного отвлечет его от Егоровых проблем.

Наверное, на эту неделю нужно куда-нибудь съехать. Или лел сойдет с ума от беспокойства. Только вот куда?

И телефона не слышно. Если он хоть что-то понимает в жизни, ему сейчас должны звонить все кому не лень. Почему никто не звонит?

Егор перегнулся через спинку дивана и поднял трубку. Так и есть. Внутри трубки царила молчаливая каменная пустота.

— Дед! — крикнул Егор, открывая дверь. — Я, конечно, ценю твою деликатность, но ты бы хоть предупредил, что телефон не работает!

Он послушал, но не услышал ничего, кроме стука посуды на кухне.

— Дед, — повторил Егор уже на пороге, — ты зачем телефон отключил?

Но дед знал, когда нужно прикинуться глухим, чтобы не вдаваться в объяснения.

— Садись, Егор. У нас сегодня запеченная рыба и какие-то сложные овощи. Ты руки мыл?

Егор усмехнулся и полез под стол проверить телефонную розетку.

— Ты где отключил-то? — пыхтя, спросил он из-под стола. — У себя? Или здесь?

Телефоны были выключены по всему дому.

— Ну ты даешь! — восхищенно сказал Егор, воткнув последний штекер. — И не лень тебе было! У меня бы точно после такого лазанья на карачках сердечный приступ получился.

— Сейчас все остынет, — сообщил дед холодильнику. — Будет невкусно.

Зазвонил телефон.

Они оба вздрогнули, посмотрели на телефон, а потом друг на друга. Глаза у деда были несчастные.

— Да!!! — рывкнул Егор, ненавидя себя за эти несчастные старческие глаза. — Слушаю, вашу мать!!!

В трубке молчали довольно долго, но Егор почему-то ее не бросал.

— Простите, — пролепетал наконец совершенно незнакомый тонкий голос, — я могу поговорить с Егором Степановичем?

— Если вы из газеты, то идите на... — предложил Егор. — Ну что? Отправились?

— Нет, нет! — заторопился голос. Он был такой странный, что Егор неизвестно почему вдруг насторожился. — Я не из газеты. Меня зовут Лиза. Я... я...

— Вы? — переспросил Егор. — Вы — что?

На слух он даже не мог определить, сколько лет этой Лизе. Восемь? Одиннадцать?

— Я... — лепетала она в трубке, — я...

— Вы убили человека? — переспросил Егор, почему-то наотрез оказываясь верить интуиции, которая не подсказывала, а прямо-таки вопила, что этот звонок неспроста. — Вы хотите признаться? Звоните в милицию, Лиза!

За спиной у него что-то с грохотом упало. Очевидно, дед опять разволновался.

— Нет, — убитым голосом выговорила трубка. — Я... никого не убивала, но речь идет как раз... как раз об... Егор Степанович, они его убьют! Я знаю, теперь я все поняла, они его точно убьют, Егор Степанович!!! — Она почти рыдала, и Егор испугался, что у нее начнется истерика и он ничего не поймет.

— Возьмите себя в руки, — приказал он и, коротко оглянувшись, ушел с телефоном в ванную. И запер за собой дверь, придерживая трубку ухом. — Прекратите рыдать и скажите толком, в чем дело. Кто кого убьет и почему вы мне звоните?

— Мне некому больше позвонить. — Она тяжело дышала в трубку, но в истерике пока не билась, как и та, давешняя, которую он душил. — Они убьют Димку. Вашего брата. Спасите его, Егор Степанович!!!

— Так, — сказал Егор и сел мимо золоченого туалетного креслица прямо на пол. И прижался виском к холодному боку ванны. — Быстро и коротко. Что с Димкой?

— Это еще в интернате началось. Он, конечно, мне ничего не говорил, но я так думаю... — Теперь она торопилась, как будто захлебывалась. — У них там директор есть, Всеволод Витальевич, очень знаменитый, его сто раз по телевизору показывали, у него новые методы всякие и...

— Мне начхать на Всеволода Витальевича и его методы, — перебил Егор.

— Нет... вы не поняли. Все из-за него... из-за директора... Он, понимаете... он совсем не тот, за кого себя выдает... Он... это только видимость, понимаете...

Егор отнял трубку от уха и посидел секунду, оценивая ситуацию. Потом снова стал слушать.

— ...еще тогда... А Димка...

— Простите, — перебил Егор. — Не волнуйтесь. Вы что, учились с Димкой в этом интернате?

Почему-то девушка в трубке пришла в полное замешательство, как будто он спросил какую-то несусветную глупость.

— Я? — переспросила она. — Нет, что вы! Но мы давно дружим, вот уже два года... Я Лиза, — вдруг сказала она таким тоном, как будто это все объясняло. — Димка никогда вам про меня не рассказывал?

— Рассказывал, — зачем-то соврал Егор. — Рассказывал, конечно, но я забыл, наверное. У меня работы очень много...

— Ну да, — сказала девушка не слишком уверенно. — Я знаю. Димка мне говорил. Егор Степанович, они его убьют! Я боюсь в милицию звонить, а у вас телефон не отвечает...

— Лиза, — попросил Егор, — вы мне расскажите толком, в чем там дело, и мы посмотрим. Может, мне к вам приехать?

— Нет, — торопливо сказала она. — Это очень долго. Вы ведь где-то в центре, да? А я в Жулебино... Егор Степанович, там беда. Этот Всеволод, преподаватель-новатор, заставлял ребят наркотики продавать и красть машины. Ну, знаете, малолетки, по закону их судить нельзя...

— Законы я знаю, — перебил Егор. Почему-то только сейчас он осознал реальность происходящего.

— ...но только тех, у которых родителей нет, потому что их точно никогда и никто не хватился бы. Димка ни при чем. У Димки же мать... А девчонки каких-то нужных людей обслуживали, ну... в смысле, в постели... которые на этот интернат деньги давали. Милиция у него вся купленная, как Димка говорил. Несговорчивых били, а иногда они пропадали и никто их найти потом не мог. Но тех, которые сироты, от тех, у которых родители есть, отдельно держали. Из конспирации, наверное. А Димка все знал. Он с самого начала все знал, Егор Степанович. Он даже хотел в милицию пойти, но боялся. Говорят, Всеволод в своем подвале пыточные орудия установил и провинившихся там по три месяца держали.

Егор слушал и молчал.

— И Димка решил его ограбить, Егор Степанович, — выговорила девушка и заплакала. — Он хотел в Америку. У него идея такая была, что он сделает себя сам. Как вы. Он говорил, что здесь ему все давно осточертело и искать никто не будет, а деду он напишет.

— Идиот, — пробормотал Егор.

— Он знал, где сейф с деньгами, и знал, как добыть ключ. Я ни о чем не подозревала, это он только сегодня мне рассказал, когда приехал. Он вообще приехал какой-то странный, я даже думала, что больной. Ну... вот... он эти деньги...

Он... — Девушка всхлипнула, и Егор уточнил:

— Украл?

— Да, — сказала она несчастным голосом. — И купил этот дурацкий билет до Нью-Йорка. И должен был сегодня улететь. Я ничего не знала! Я совсем ничего не знала! Все-таки он школу уже три года назад закончил. Но у него там друзья остались, и один пропал. И Димка после этого решился. Он был уверен, что украсть у такого подонка не преступление, а доказательств на него все равно никто и никогда не соберет. Димка сегодня ко мне приехал. Утром. До самолета еще полдня оставалось. И кое-что рассказал. Но когда он выходил из моего подъезда, его втолкнули в какую-то белую машину. Я видела. Белая грязная машина. Я уверена, что это Всеволод его выследил. Он его убьет, Егор Степанович. Если уже не...

— Нет! — быстро сказал Егор. — Судя по тому, что вы рассказали, быстро он его не убьет. Где этот интернат?

— А... а вы не знаете? — осторожно удивилась Лиза. — В Красково. Новопоселковая улица, дом три. Димка говорил, что территорию с собаками охраняют.

— Пусть их охраняют, — сказал Егор. — Вы пока больше никуда не звоните, Лиза. Договорились?

— А эта... пыточная камера за территорией. Справа. Туда из основного здания подземный ход ведет, — жалобно сказала Лиза. — Димка говорит, что Всеволод специально так сделал, чтобы было пострашней. Что нам делать, Егор Степанович?

— Вам — ждать моего звонка, — приказал Егор. — Понятно? Маму с папой к делу не подключайте. У меня должна быть какая-то свобода действий. Вы мне теперь не мешайте. Ладно, Лизочка?

И тут она вдруг опять заплакала.

— Вы говорите совсем как Димка, — выдавила она сквозь всхлипывания. — Даже интонации те же.

Егор усмехнулся.

— Вы через десять секунд перезвоните, запишите номер вашего телефона на автоответчик. Я сижу в ванной, и у меня записать нечем, — сказал Егор. — До свидания, и не рыдайте особенно...

Он нажал кнопку отбоя и проговорил задумчиво:

— ...а потом Винни-Пух заметил на траве следы, и это были следы Слонопотама...

Его брат идиот. Он даже больший идиот, чем Егор мог себе представить. Его брат не просто идиот. Его брат душевнобольной. Недееспособный. Шизофреник, мать его...

Его брат debil. Недоумок. Робин Гуд хренов. Тиль Уленшпигель. Правдоискатель. Защитник слабых и угнетенных.

Украсть у подонка — не преступление.

Мать его! Мать его!! Мать его!!!

«Я убью его, как только увижу. Я задушу его собственными руками. Я сломаю об его голову все стулья, которые только есть в этой квартире. Я буду смачно и с садистским наслаждением пороть его трое суток напролет.

Если только мне удастся его спасти».

Егор зачем-то сунул трубку в гнездо для электробритвы и пинком распахнул дверь.

— Дед! — заорал он. — Ты все слышал?

Он был уверен, что дед подслушивал.

— Да, — сказал дед из кухни. — Слышал.

— Молодец, — похвалил Егор. — Значит, мне можно ничего не повторять. Ты не собираешься умереть от страха и отчаяния?

— Хватит, Егор, — попросил дед, и Егор понял, что за него можно не волноваться. Когда жизнь по-настоящему выходила из-под контроля, дед никогда не подводил. — Ты уже решил, что мы будем делать?

— Да, — сказал Егор. — Решил. Мне нужно позвонить.

Несколько секунд он думал, а потом быстро набрал знакомый номер. Дед осторожно пристроился на табуретке и изо всех сил расправил худые плечи. И поставил ноги по стойке «смирно». Егор отвернулся от него.

— Привет, Заяц, — сказал он, когда ответили. — Это я.

— Здорово, Шуба! — весело и с некоторым удивлением сказали в трубке. — С боевым крещением тебя! Искупался сегодня в славе? По полной?

— Да где там по полной! Все еще впереди, ты ж понимаешь.

— А чего у тебя стряслось-то, Шуба? Чего ты звонишь? Или ты из-за этих пустяков так взволновался?

— Ты приезжай давай, — велел Егор. — Бросай своих кралей и приезжай.

— Как же я их брошу? — спросили в трубке обиженно. — Я еще и не начинал, можно сказать...

— И не начинай, — велел Егор. — Больше здоровья сохранишь. Давай, давай, я жду.

— Минут через пятнадцать буду, — пообещали в трубке.

— Ну что? — спросил дед. — Приедет?

— Еще бы он не приехал, — сказал Егор задумчиво. — Через пятнадцать минут.

Только бы ему добраться до этого идиота! Только бы добраться! И совсем не мешает, чтобы идиот при этом был еще жив...

— Вот и вся история, — сказал Егор. — Короткая, но поучительная и простая, как всякая правда.

— Ладно тебе! — Заяц выдохнул ему в лицо струю сладкого дыма. У него всегда были какие-то невиданные сигареты. — Не нервничай ты так. Решил, что делать будем?

— Надо идти вынимать Фокса с кичи. — Егор тоже закурил. В последний раз он курил лет десять назад.

— Да это ясно, — согласился Заяц. — Это мы легко. Ты только не психуй, Шуба. Тоже мне противник — директор уездного детдома... Поедем, разберемся по-семейному, по-дружески. — Он ловко и быстро затушил в пепельнице сигарету и покосился на деда. — У тебя камуфляж есть? И маски?

— Как не быть, — пробормотал Егор. — Все есть. Куда же денется?

— Что — и мой?! — спросил Заяц с веселым изумлением.

— И твой, — подтвердил Егор и улыбнулся. — А ты думал, я на помойку отнес?

— Ты молодец, Шуба! — восхитился Заяц.

Через десять минут он, сопя, застегивал на поясе подсевшие после давней стирки штаны непередаваемого грязно-болотного колера.

— Разжирел? — спросил Егор из угла. Ему форма тоже была маловата. Но, черт побери, сколько лет прошло? Восемнадцать? Двадцать?

— Разжиреешь от такой жизни! — Заяц справился со штанами и натянул рубаху. — Ты мне лучше скажи, на чем мы поедем в это твоё Ново-Жопово? На моем «мерсе»? Или на твоём «рено»?

У Зайца был громадный черный, похожий на дельфина-переростка, «мерседес», а у Егора просторный, тяжелый, бежево-молочный джип «рено». Ни одна, ни другая машина для их сегодняшней цели не подходила.

— Поймаем тачку. — Егор вытащил из кобуры, которая валялась на кровати, пистолет.

— Ты чего? — поразился Заяц. — Стволы хочешь с собой брать?!

— Один, — сказал Егор. — Один ствол возьмем.

— Да это, блин, детдом, Шуба! Школа-интернат! Ты чего, стрелять собрался?!

Егор проверил предохранитель и привычным движением сунул пистолет за пояс.

— Мы же не знаем, как там и что, — сказал он. — И не собираюсь я стрелять...

— Шубин, — нежно сказал Заяц, — ты, да еще с пистолетом, замочишь весь отряд Шамиля Басаева с ним самим во главе ровно за пятьдесят две секунды. Ты чего, забыл, где ты был?! А там, твою мать, дети.

— Там, — сказал Егор, — твою мать, банда. Пошли, Заяц, если ты уже застегнул штаны.

Заяц ворчал и ругался себе под нос, но Егор его не слушал.

— Дед! — крикнул он, обувая высокие солдатские ботинки. — Мы уходим!

Дед проворно выбежал в коридор и застыл. По лицу у него быстро разлился ужас.

— Ничего-ничего, — фальшиво подбодрил его Егор. — Все обойдется.

— Конечно! — подхватил и Заяц. — Вы не волнуйтесь.

Но дед молчал.

Мягким светом светились подвесные потолки, и кремовый мозаичный пол, кое-где расцвеченный голубыми пятнами лазурита, отражал спокойное сияние. Изысканно-ломанные линии ультрасовременных картин повторялись в странной форме светильников. В гигантском аквариуме, заменявшем одну из стен, лениво шевелили плавниками экзотические рыбки. Дальше были книжные полки, от пола до потолка, и ковер, в точности повторяющий расцветку мозаики, и посреди всего этого двое мужчин в камуфляже зашнуровывали тяжелые солдатские ботинки.

— Сейчас машину хрен поймает, — сказал Заяц разгибаясь. У него было красное от неудобного положения лицо. — Кто это среди ночи повезет за город двух мужиков?

— Если не поймает, поедем на моей. — Егор надевал длинное кашемировое пальто. — Дед, ты смотри, води хорошо. А то придется тебя оставить без сладкого.

— Как вы его терпите, Василий Петрович? — Заяц тоже облачился в пальто, из-под которого нелепо торчали пятнистые штаны, заправленные в ботинки.

— Осторожнее, — попросил дед, — пожалуйста, осторожнее, мальчики! Пожалуйста...

— Да что вы, Василий Петрович, — сказал Заяц весело. — Мы единым духом слетаем! Вернемся, будем чай пить и пороть вашего малолетка. Все по очереди.

— Пока, — сказал деду Егор и осторожно прикрыл дверь.

— Где ловить-то будем? — спросил сзади Заяц.

— На Маросейке самое верное дело, — ответил Егор. — По ней допоздна машины идут.

На улице было противно — мороз не мороз, сырость не сырость. Так, маета какая-то, и снег лепил в лицо.

— Ну и где они, машины твои? — Заяц прятал нос в поднятый воротник пальто. Егор знал, что он терпеть не может холода и от промоченных ног начинает отчаянно чихать даже в июле.

Ничего не изменилось, и это было просто замечательно.

Какое счастье, что есть вещи, которые не меняются никогда.

Егор шагнул в сугроб, наваленный снегоочистителем на обочину тротуара, и поднял руку.

— Нет, — безнадежно сказал Заяц. — Не остановится никто.

— Заяц, ты пессимист, — сообщил Егор, глядя, как притормаживает грязная «Нива». — За город подбросите? — спросил он, распахивая дверь и заглядывая внутрь. — А, черт возьми...

Он отказывался верить собственным глазам.

Этого просто не может быть. Не бывает таких совпадений.

— Ну что? — спросила через несколько секунд сидящая за рулем девушка, и голос снова напомнил Егору старый французский коньяк. — Вы едете?

— Нет! — рывкнул Егор, но Заяц уже неловко лез на заднее сиденье.

— Ты чего? — спросил он, на миг перестав лезть. — Много денег, что ли, хочет? Заплатим, ладно уж. Нам нужнее... Девушка, у вас тут какие-то коробки, и я, кажется, одну раздавил...

— Вот радость-то, — сказала Лидия безразлично. — Вам куда, джентльмены?

— В Красково, — пропыхтел Заяц. — Шуба, ты чего там? Умер?

— Шуба? — переспросила Лидия. — Как поэтично.

Егор плюхнулся на переднее сиденье, и едва успел хлопнуть дверь, как она рванула с места так, что Егор повалился на бок. Она безглаголиво отстранилась.

— Вы что, — спросил Егор, стараясь сесть прямо, — решили совершить групповое самоубийство?

— Вот вас бы я с удовольствием убила, — призналась Лидия. В зеленом свечении приборной доски лицо у нее было очень бледным, и вся она была похожа на привидение из склепа. — Да боюсь, посадят меня.

— Ребята, — осторожно сказал с заднего сиденья Заяц, — что-то я ничего не понимаю. Может, вы мне объясните?

— А это мадам Шевелева, которая про меня историю сочинила, — сообщил Егор охотно. — Я как раз сегодня имел счастье с ней познакомиться.

— У вас что, — мрачно уточнил Заяц, — свидание?

— У нас сегодня уже было одно свидание, — сказала Лидия. — Мне на первое время хватит.

Она увидела на обочине Егора Шубина, когда остановилась на светофоре. Выглядел он как-то странно, но в чем именно странность, с одного взгляда было не разобрать. Почему-то он голосовал, и она приняла решение остановиться сразу же, хотя в этом не было никакой логики.

Сегодня днем он чуть не убил ее, а она чувствует себя виноватой.

Идиотизм.

Некоторое время все ехали молча. В машине сгущалось напряжение, от которого потрескивал воздух и казалось, что именно от него, а не от электричества светятся на панели приборы.

— Можно мне покурить? — спросил Заяц тоном дисциплинированного ученика, отпрашивающегося в туалет. — Я в окошко...

— Курите, — буркнула Лидия. Она остро жалела, что ввязалась во все это дело. Как будто ей больше нечем заняться, только развозить по подмосковным дорогам двух непонятных типов! — Кстати, а что с вашим суперджипом? Или отобрали за долги?

— Отобрали, — согласился Егор, глядя в окно. Она вела машину очень хорошо. Быстро и безопасно, хотя, как любой нормальный мужик, Егор не слишком доверял женщинам за рулем.

И опять по всему салону разлилась и сразу же подернулась враждебным льдом лужа арктического молчания.

— Зачем вам среди ночи в Красково? — наконец не выдержала Лидия. Любопытство, как неугомонная мышь, прогрызло себе дыру и с тоненьким свистом начало просачиваться наружу.

— Как зачем? — удивился Егор. — Разумеется, проворачивать незаконные сделки с цветными металлами. После вашей статьи я это дело доверить никому не могу. Придется самому в вагоны грузить. Вот товарища попросил помочь. Как вы думаете, до утра справимся?

Лидия засмеялась против воли, а Заяц спросил:

— Нет, правда это вы про Шубу статейку тиснули? Или это... накол?

Лидия моментально перестала смеяться.

— Я! — огрызнулась она. — Ну и что? Вашей Шубе нужно было действовать осторожно, а она решила, что ей все можно.

— Она — это Шуба? — уточнил Заяц.

— Как вы догадались?

— Заяц, отстань от нее! — велел Егор. — У нее свои взгляды на жизнь, отличные от твоих.

— Если вам не нравятся мои взгляды на жизнь, — запальчиво сказала Лидия, — можете выкатываться из моей машины на все четыре стороны и переть в ваше Красково пешком. Ну?

— Да я бы вас знаете куда послал вместе с вашей машиной, если бы... если бы не обстоятельства?! — заорал Егор. — Так что везите нас и помалкивайте!

Самым правильным было подрулить к ближайшей обочине и вышвырнуть их обоих из машины, но Лидия этого не сделала. Егор Шубин, голосующий среди ночи на безлюдной Маросейке, Егор Шубин в длинном кашемировом пальто, которое, как определила Лидия безошибочным женским взглядом, стоило ровно в три раза дороже, чем ее машина, и торчащими из-под него камуфляжными штанами, заправленными в ботинки, Егор Шубин, странно состарившийся, как будто со времени их дружеской беседы на лестничной клетке прошло пятнадцать лет, был ей страшно любопытен. И еще было почему-то неловко перед ним.

Ей не может и не должно быть неловко. В конце концов, она написала правду, только правду и ничего, кроме правды.

Понес ее черт домой через эту самую Маросейку!..

— Нет, правда, девушка, — опять возник Заяц, — а где вы взяли всю эту хреноту? И чего вам от Шубы понадобилось?

— Вы что? — спросила Лидия и мимолетно оглянулась через плечо. — Тоже адвокат?

— Нет, — засмеялся Заяц, — я не адвокат. А Шубе зря жизнь испортили. Ему придется теперь вам испортить, а вы такая... славненькая, по крайней мере на первый взгляд.

Он говорил это как-то совсем необидно и просто и выглядел в отличие от надутого Шубина... своим.

— Документы подлинные, — сказала Лидия, старательно объезжая ухабы. — Это не я так решила, это главный с замом определили, и я уверена, что тоже не одни. А написала я про это потому, что это... сенсация.

— Ну да, — буркнул Егор. — Сенсация. Остановитесь у поста, надо хоть спросить, где эта улица, где этот дом...

— Вы не знаете, куда вам надо? — Лидия встревожилась. А вдруг он и впрямь самый настоящий бандит и это как раз та ситуация, о которой ее предупреждали в редакции? Сейчас завезут в глухое место, свяжут и будут пытаться...

Она резко вильнула и затормозила возле поста ГАИ, решив, что никуда отсюда не тронется.

— Я сейчас, — пробормотал Шубин и выбрался наружу.

— У него с братом беда, — доверительно сообщил Заяц, как только захлопнулась дверь. — Втюхался по малолетству в какие-то неприятности. Выручать надо, а мы даже толком не знаем, где он.

— Большие неприятности? — спросила Лидия, глядя в окно. Егор Шубин под мертвенно-синим светом гаишного фонаря что-то спрашивал у толстого от ватника сержанта. Сержант махал перчаткой в сторону Окружной. Снег сыпал Шубину на волосы.

— Порядочные, — согласился Заяц. — Все бы ничего, да его уволокли уже часов семь как. Если до сих пор жив, значит, все нормально будет, а если нет... Вот он и психует так, Шуба-то...

— Психует? — переспросила Лидия. Это слово не могло иметь никакого отношения к Егору Шубину.

Она подумала, что и душил-то он ее исключительно от злости, а вовсе не по причине высоких материй вроде загубленной жизни и испорченной репутации.

— Уже недалеко, — распахивая дверь, сказал Шубин. — По светофорам доедем. На первом светофоре налево и дальше прямо до второго.

— То есть на МКАД не выезжать? — уточнила Лидия.

— Нет, — подтвердил Егор и посмотрел на часы.

Лидия не могла определить, нервничает он или нет. На ее взгляд, он был холоден и спокоен, как заснувшая на зиму лягушка или наследник британской короны на собственном бракоразводном процессе.

— Налево, — напомнила лягушка, и Лидия повернула налево. Как только выехали из Москвы, стало темно, и снег, раньше совсем незаметный, бросился на машину, закружил, залепил стекла, вынуждая ехать медленнее.

— А на втором светофоре куда?

— По стрелке направо и до первого перекрестка, там опять направо и до памятника погибшим на войне. Сразу за памятником то, что нам нужно.

Когда проехали второй светофор, на заднем сиденье завожился Заяц, стаскивая с плеч пальто.

— Шуба, а одежду-то мы куда денем? — спросил он, перестав возиться. — Бросить жалко.

— Ну, с собой неси, — предложил Егор.

— Нет, правда, — занял Заяц. — Я его только третий раз надел, из Лондона привез, еле нашел. Моего размера нигде нету...

— Оставьте в машине, — предложила Лидия нарочито безразличным тоном. Ее любопытство, смешанное с тревогой и, пожалуй, сочувствием, возросло в миллион раз и грозило сорвать крышку сундука, в котором оно обычно было надежно заперто.

— Можно, да? — возрадовался Заяц. — Я тогда завтра пришло за ним, ладно, девушка? Вы его на работу привезите, а я подошлю кого-нибудь...

— Что значит — подошлю? — спросила Лидия. — Вы что, не вернетесь?

— Нет, — сказал Егор. Он не отрываясь смотрел вперед. — Проедете памятник и сразу остановитесь, —

скомандовал он. — Как только мы выйдем, немедленно уезжайте. Ясно?

— Почему это? — Она сбросила скорость. — А в Москву вы на чем будете добираться?

— На своих двоих! — огрызнулся Егор. — И Христа ради, только без дискуссий. Если бы вы знали, как я сегодня от вас устал!

— Мы не знаем, что здесь будет, — объяснил Заяц серьезно. — Вы — человек посторонний, а у нас неприятности могут случиться. Так что прав Шуба, вы нас высадите и потихонечку уезжайте. Не гоните. Гололед, безопасность движения и все такое...

— Вот он. — Из темноты, выхваченный фарами, как будто выпрыгнул скромный жестяной памятник с красной звездой и посеребренным корпусом. Вокруг него, цепляясь за звезду, неистово крутились злые снежные языки. Лидия погасила фары. Сразу стало очень темно, и машина перестала быть надежным укрытием.

— Ни черта не видно, — сказал Егор.

За памятником темным пятном вырисовывалось какое-то здание, по виду похожее на школу. Где-то в глубине его горел свет, в одном или двух окнах, Лидия как следует не разобрала. Фонарь во дворе этой школы раскачивался, освещая то замеченное крыльцо, то решетку, вплотную прилегающую к зданию.

— Туда, что ли? — спросил Егор. Он смотрел правее, на ветхое кирпичное сооружение, по виду похожее на трансформаторную будку времен Ильича, известного любителя электрификации.

— Вот е-мое, — протянул Заяц. — Нам бы прибор ночного видения, что ли...

— И без прибора не заболеешь, — заявил Шубин. — Пошли.

Он в одно мгновение стряхнул с плеч пальто и привычным движением, как будто делал это каждый день, натянул на лицо черную шерстяную маску с дырками для глаз.

— О Господи, — пробормотала Лидия.

— Спасибо вам, милая дама, — галантно произнес Заяц и тоже натянул маску.

— Да что происходит-то?! — вдруг завопила Лидия.

— Уезжайте! — приказал Шубин и захлопнул дверь.

«Или этот человек в камуфляже и черной маске вовсе не Егор Шубин? Или у меня бред? Или у него бред?»

Они растворились в черноте сразу же, как будто их вовсе не было. Лидия даже покосилась на соседнее кресло. Там лежало пальто, молчаливо подтверждая, что мужчины действительно были.

Совершенно уверенная, что они откуда-то за ней наблюдают, она дала задний ход, развернулась, увязая колесами в снегу, и покатила по пустынной улице.

— Уезжайте... — бормотала она. — Как же... Так я и уехала... Ждите...

Она вернулась к светофору, внимательно рассмотрела улицы, которые выходили на этот перекресток, объехала квартал сначала насквозь, а потом по периметру и вернулась к памятнику. Фары она погасила заранее и последние сто метров ползла ощупью, смутно надеясь, что никакой идиот не выскочит ей навстречу и не ударит в лоб. Потом проверила, работает ли телефон, снова покосилась на пальто Егора Шубина, которое почему-то ее смущало, и стала ждать.

Она не была уверена, что они появятся со стороны ветхой трансформаторной будки, и поэтому решила, что каждые пятнадцать минут будет объезжать вокруг школы.

Что, черт возьми, происходит?! Во что она влезла?! Кто такой этот самый Егор Шубин?

Может, он киллер?

Ну, днем он адвокат в процветающей корпорации, а по ночам выполняет заказы на убийства? Может, это у него хобби такое?

Черт возьми, он натянул эту маску так, как будто делал это тысячу раз. Нет, как будто он *делает* это каждое утро, после того как побреется и почистит зубы...

И что это за сказки про брата? Разве у таких людей, как Шубин, могут быть братья? Такие мужчины

не бывают маленькими мальчиками. Они рождаются сорокалетними, с сорокалетними потребностями и взглядами на жизнь. И что это за друг по кличке Заяц в точно таком же супердорогом пальто?

Может, это мафия? Обыкновенная киношная мафия с обыкновенными киношными мафиозными ужасами?

Прошли отведенные на ожидание пятнадцать минут. Лидия запустила двигатель и осторожно двинулась вокруг темного здания. Ее собственные давешние следы уже хорошенько припорошил снег. Она вернулась на прежнее место. Мотор остывал, становилось холодно, но сидеть с работающим двигателем она не решилась.

Почему они так долго? Что они там делают? В какие неприятности влип этот самый мифический брат?

А может, у них там бандитская сходка и они вовсе не собираются возвращаться? А когда вернутся и увидят, что она не уехала, моментально ее зарежут? Резать будет Шубин, а этот Заяц скажет с сожалением: «Зря вы не уехали, милая девушка»...

Лидия объезжала вокруг школы еще четыре раза, строго соблюдая пятнадцатиминутный интервал, с каждым разом все больше теряя терпение. Ничего не происходило. Сыпал снег, метель бросалась на стекла, след заносило, и Лидия обновляла его, стараясь зачем-то строго попадать колесо в колесо.

Прошло еще полчаса. Машина совсем выстыла, и Лидия, поколебавшись, потянула к себе шубинское пальто.

— Ничего плохого я не делаю, — сказала она. В железном нутре машины дыхание застывало в виде белесого облачка и морозной пленкой оседало на стекле. — Я просто накроюсь немножко...

Пальто было длинным и почти невесомым, как все очень дорогие вещи. Подкладка приятно шуршала, и пахло от него изумительно.

Человек, который любит такие запахи, не может быть преступником, неожиданно подумала Лидия.

Что за ерунда!

Господи, ну что можно делать ночью во дворе загородной школы в метель второй час подряд!

Даже в шубинском пальто было очень холодно, и Лидия запустила мотор, не дождавшись окончания следующих пятнадцати минут.

Не торопясь и не зажигая фар, она объехала еще круг. Теперь ей было страшно. Здание было таким же молчаливым и темным, и так же уныло качался фонарь над крыльцом, но все вокруг вдруг стало зловещим, как декорация к фильму ужасов.

Зачем она катается здесь? Ей давно пора быть дома, прихлебывать горячий чай и ждать, когда наберется ванна. И чтобы на ногах были меховые тапки, а на ней самой байковая пижама и халат до пола. Она даже заурчала от предвкушения такого рая.

Неожиданный удар в капот показался ей оглушительным и коротким, как смерть. Она выкрутила руль, чувствуя, как скользят ставшие мокрыми ладони, и что есть силы нажала на тормоз. Машину занесло, она неуклюже, юзом, сползла с дороги и замерла.

Не думая ни о какой конспирации, Лидия трясущейся рукой зажгла фары. Сбоку от расширявшегося снопа света в сугробе сидел какой-то человек. Судя по тому, что он именно сидел, а не лежал, он был жив.

Лидия выругалась и рывком распахнула правую дверь.

— Эй! — закричала она, перегнувшись через кресло. — Вы живы, черт бы вас побрал?!

Потом она выскочила из машины и бросилась вперед.

Человек сидел, странно подогнув ноги, и таращил на Лидию перепуганные бессмысленные глаза.

— Вы что?! — заорала Лидия подбегая. — Ослепли?! Или жизнь надоела? Вы зачем под колеса кидаетесь?!

Хорошо, что она ехала так медленно. Если бы скорость была побольше, не обошлось бы без беды.

— Я не видела машину, — пролепетала жертва ДТП тоненьким голосом. — У вас же фары не горели.

Черт побери, у нее действительно не горели фары! Значит, во всем виновата она сама! Вернее, этот идиот Шубин, который ее сюда заманил!

— Ушиблись? — спросила Лидия грубо.

— Да нет, — смиренно ответила жертва, — не особенно.

На вид ей было лет восемнадцать, и она никак не производила впечатления ночной бабочки, возвращающейся домой после целого вечера утомительной, но прибыльной работы. Она была похожа на девочку из хорошей семьи, которая только что вышла погулять со своим любимым французским бульдогом. На ней был короткий норковый полушубок, плотные зимние брючки и низкие, явно не дешевые ботиночки.

— Как вы сюда попали? — неожиданно для себя хмуро спросила Лидия и за локоть потянула девушку из сугроба. Девушка послушно встала.

— Я? — спросила она с некоторым удивлением. — Я... на электричке...

— На какой, елки-палки, электричке!.. — простонала Лидия. — Идти можете?

— Да-да, — заторопилась жертва, — могу, конечно... Только я не понимаю куда...

— То есть как не понимаете? Вам что, плохо?

— Нет, — сказала девушка, как бы проверяя себя, — не плохо... Вы не знаете, как мне пройти к школе-интернату?

Лидия чуть не упала.

— Зачем вам к школе? — спросила она подозрительно. Метель хлестала по лицу, забиралась под одежду, заставляла то и дело прикрывать глаза.

— Мне... нужно, — твердо сказала девушка. — Я специально сюда приехала среди ночи. У меня очень важные дела.

— У всех сегодня дела в местной школе. Какое-то на редкость популярное место, — пробормотала Лидия сердито. — Садитесь, я доведу вас до этого дурацкого интерната.

Девушка посмотрела на Лидию с некоторой опаской, но все же пошла к машине. После уличного холода и ветра, пробиравшего сквозь все слои одежды до самых костей, казалось, что в салоне очень тепло. И метель,

оставшись за стеклами, потеряла силу и стала слабой и совсем не страшной.

— Ну? — спросила Лидия, запуская двигатель. — Что у вас за дела? На интернатского ребенка, который возвращается из театра, вы совсем не похожи.

— Я и не возвращаюсь, — сказала девушка. — У меня друг в беду попал, и я не знаю, как ему помочь. Я позвонила его брату, он обещал что-то сделать и больше к телефону не подходит. Я звонила, звонила, а там автоответчик... Я и решила, что должна... сюда поехать.

Должно быть, она казалась себе отчаянно храброй, домашняя, смирная девочка, потащившаяся ночью за город на электричке. Храброй, безрассудной и благородной.

Выходит, Шубин действительно спасал брата, а не подрабатывал киллером?

— Брата зовут Егор? — на всякий случай уточнила Лидия, хотя и так все было ясно.

Девушка дико на нее взглянула и кивнула, как под гипнозом.

— А вас как зовут?

— Лиза, — пробормотала девушка тоном партизана, под пытками выдавшего своих.

— Вы мне расскажите, что знаете, Лиза, — попросила Лидия, стараясь быть как можно более ласковой, — и мы с вами решим, что нам делать дальше. Ладно?

— А вы... кто? — ошарашенно спросила девушка.

Лидия вздохнула.

— Я лучшая подруга брата вашего попавшего в беду друга. Можно сказать, любимая. Так что рассказывайте побыстрее.

С самого начала все пошло не так, как нужно. С того самого момента, как они с Зайцем сели в машину к этой девице с ее коньячным голосом.

И как это вышло, что их подобрала именно она?!

Егор был уверен, что и от школы она ни за что не уедет, просто так не уедет, из упрямства и вздорности

характера, но она уехала, как только они отошли в глубокую тьму, к самой стене.

— Ничего баба, — сказал в ухо Заяц одними губами, как их когда-то учили, — симпатичная.

Егор отмахнулся от него. Прибор ночного видения действительно не помешал бы, тем более они не имели никакого представления о том, где им искать Димку и есть ли в подвал вход со стороны неработающей трансформаторной будки.

«Хренов братец, задал ты мне работу!»

Они довольно долго ковырялись с замком, и когда вошли в выстуженное крохотное помещение, заставленное ржавыми распределительными коробками, фонари, зажатые в зубах, высветили в цементном полу лаз.

Заяц быстро и профессионально пробежал пальцами по ледяному бетону.

— Нет. — От зажатого в зубах фонаря он говорил невнятно. — Здесь не пройдем, надо в обход. Ты точно знаешь, что под ней подвал?

Егор кивнул.

Перемахнув решетку, короткими перебежками они добрались до школы и здесь потеряли еще довольно много времени, прикидывая, сколько внутри может быть охраны и где она.

Охранников оказалось двое, и были они не слишком усердными. Одного Егор пристегнул к батарее, другого Заяц сунул в сейф.

— Слушай, — спросил он, закончив эту несложную процедуру, — а ты уверен, что мы попали куда надо? А то будет завтра история... Как твое знаменитое чутье?

Его знаменитое чутье, обострявшееся в минуты опасности до звериного, говорило — все правильно. Они пришли куда надо. Только бы теперь не оказалось, что пришли слишком поздно...

На поиски подземного хода они тоже потратили довольно много времени. Только в кино у супергероев все получается легко и как-то само собой.

Шубин с Зайцем не были супергероями, и поиск подземелья затянулся. Но все же они его нашли.

Едва вступив в темную нору, Егор почувствовал, как в одну секунду до предела обострились слух и нюх, похолодело в спине, и пистолет, про который он забыл, тяжело и весомо уперся в бок. Коридор был заделан бетоном и освещался одной-единственной лампочкой в железном наморднике.

Нора оказалась не слишком длинной и быстро вывела их к воротам, похожим на гаражные. Из-под ржавых, неплотно прилегающих друг к другу двустворчатых дверей пробивался свет. Он был намного ярче, чем в норе. Егор, шедший впереди, поднял руку, и Заяц замер у него за спиной. До них доносились какие-то голоса, вскрики, но никаких слов нельзя было разобрать.

Второй час ночи. Воспитанники добропорядочной школы-интерната давно должны спать.

— На счет «три», — одними губами сказал Егор и вытащил пистолет.

Вот тут они и допустили сразу несколько ошибок.

Во-первых, они не ожидали, что их так много. Не пять и не десять, а человек тридцать.

Во-вторых, почему-то они совершенно не были готовы к тому, что это... дети. Обыкновенные дети, от четырнадцати до шестнадцати, в джинсиках и свитерочках, с серыми от страха лицами.

В-третьих, Егор увидел Димку.

Димку, прикованного к бетонной стене. Димку с залитым черной кровью лицом. Димку, мертво свесившего голову набок. Он был почти голый — в одних нелепо сползших трусах, и худосочное, с выпирающими ребрами тело — все, от шеи до лодыжек, — было одним сплошным синяком.

За свою жизнь Егор перевидал множество таких тел.

Взрослых было всего трое. Два гадко ухмыляющихся палача, один лет под тридцать, второй немного старше, а третий, высокий красавец с благородным ассирийским лицом, значительным бледным лбом и маленькой бородкой, лет сорока.

Он быстрее всех сообразил, что нужно делать.

— Бросай оружие!!! — заорал он, и на благородном лбу вздулись синие вены. — Пристрелю сукина сына!!!

Он сидел на некоем подобии императорского трона, очень близко от прикованного Димки, и в руке у него плясал, отсвечивая вороненым боком, пистолет.

Пристрелит, понял Егор. Он встретился глазами с Зайцем и бросил оружие на пол. Пистолет заскрежетал по бетону, и один из палачей с неожиданной ловкостью подхватил его.

— Отдай мальчишку, сволочь, — негромко сказал Егор, — и мы уйдем спокойно.

Им нужна минута, чтобы оценить обстановку. Минута. Может, секунд пятьдесят.

«Заяц, ты готов?»

— Мальчишку! — фыркнул ассириец. — Это не мальчишка, а предатель и вор. Он будет наказан, как подобает предателю и вору. И вы вместе с ним, раз полезли не в свое дело.

«И это мы тоже не раз слышали. Загни еще что-нибудь про высшую справедливость, про борьбу со злом и про Божий промысел. Такие козлы, как ты, очень любят выступать от имени Всевышнего».

Вокруг трона каре из четырех оруженосцев, облаченных в черные мантии. Мальчишки лет по пятнадцать. Ах ты, мразь такая!.. Вдоль стен на полу сидят участники действия. В основном мальчишки, но есть несколько девиц. Некоторые в серых мантиях. Это, должно быть, посвященные. Четыре люминесцентные лампы и одна обыкновенная, над императорским тронem. В потолке квадратный люк, значит, они все-таки под будкой.

— Взять их! — приказал император, и палачи кинулись вперед.

Нужно еще полминуты, поэтому шут с ними, пусть лапают.

— Егор... — прошелестел открывший глаза Димка, — зачем ты... Они тебя тоже убьют... Они меня целый день бьют...

— По очереди, — похвалился император, — для закрепления науки и освобождения от скверны каждый должен принять участие в экзекуции.

Егор покорно встал на колени, когда молодой палач стал ломать ему руку.

Дети с дубинками. Тяжелые дубинки с шишастыми утяжеленными головками лежат на полу перед каждым. Очевидно, детишки обучены ими пользоваться.

— Вы узнали самую сокровенную из наших тайн! Ту, которую все мы поклялись хранить вечно, не боясь пыток и наказаний, как не боялись их первые христиане! Вы посмели нам помешать!!! Никто не смеет мешать нам, когда мы вершим справедливое наказание! Вас ждет участь худшая, чем смерть! На рассвете, когда наступит ваш черед умирать, вы будете умолять меня, валяться передо мной на этом самом полу, рыдать и просить о смерти! Так мы наказываем всех, кто не по праву вмешивается в наши дела. Так я говорю, ученики мои?!

Ученики ответили неожиданно слаженным хором:

— Так, учитель!!!

— Сейчас я прострелю этому вору и отступнику ноги. Сперва только ноги. И пока он будет визжать и истекать кровью, как свинья, которую режут, мы займемся гостями. Все по очереди! Так, ученики мои?!

— Ствол на пол, руки за голову! — раздался у Егора за спиной холодный отчетливый голос. — Первому, кто шевельнется, я отстрелю яйца.

Они обернулись разом — и Егор с Зайцем, и палачи, и ученики императора.

— Я сказала — на пол пистолет! — повторила Лидия спокойно. Она стояла в дверях, широко расставив ноги и держа императора на прицеле.

— Е-мое!.. — выдохнул Заяц.

— Взять! — завопил император, и еще не замерло в каменных стенах эхо от его вопля, повторенного тридцатью глотками, как грянул выстрел.

Пистолет, как пружина, выскочил из его руки и завертелся на полу, а император повалился навзничь,

держась за кисть, из которой фонтаном брызнули кровь и раздробленные кости.

Первым пришел в себя Заяц, быстро и аккуратно уложивший своего палача лицом вниз.

— А еще за руки меня хватал, — бормотал он.

Своего Егор воткнул головой в стену и кинулся отцеплять Димку.

— Никому не шевелиться! — Лидия говорила совершенно спокойно и равномерно водила пистолетом по рядам учеников. Казалось, ее ничуть не смущало, что они — дети. — Ну!!!

Император, катавшийся по полу от боли, выл и матерился, как самый обычный смертный, далекий от какого бы то ни было божественного предназначения.

— На место поставь! — посоветовал Заяц одному из пажей в черной мантии, увидев, как он подтягивает к себе дубинку. — Шуба, наручники дай!

Егор кинул ему наручники.

Димкины оковы победить было сложно, они были сделаны на совесть.

— Да отстрели ты их к едрене-фене! — крикнул Заяц.

— Егор, — бормотал Димка, — ты больше не уйдешь, а? Ты заберешь меня домой, а? Ты только не уходи без меня, пожалуйста, Егор... Мне так больно... Ты правда заберешь меня домой? Мне ведь не кажется, что это ты?

— Дубинки и тряпки оставить здесь и всем наверх! — скомандовал Заяц. — Все поняли?! Ну, строем, организовано! На счет «три»!

Перепуганные ученики, побросав свои смертоносные дубинки, стадом, как овцы, кинулись к дверям, у которых произошла даже некоторая потасовка.

— Заяц, — сказала Лидия негромко, и Заяц посмотрел на нее с изумлением, — тот, который справа от тебя, очухался.

— Х... с ним, — ответил энергичный Заяц. — Я его сейчас упакую...

Отцепленный Димка свалился Егору на руки куцей тяжелой истерзанной плоти.

— Мальчик, — сказал Егор, — бедный мой мальчик...

— Куда сволочей девать будем, Шуба? — Заяц голова к голове уложил палачей, спеленутых серыми одеяниями, а истекающего кровью императора пристегнул наручниками к водопроводной трубе.

— Здесь оставим, — глухо выговорил Егор. — Помоги мне, Заяц. Я боюсь, что так ему больно. Лидия, да опустите вы пистолет! У вас есть телефон?

— Конечно, — сказала Лидия и лихо сунула пистолет за ремень джинсов. Заяц одобрительно и восхищенно хрюкнул.

— Вызовите милицию.

— Прямо сейчас?! — На мальчишку на руках у Егора она старалась не смотреть.

— Нет. Когда мы выйдем на улицу.

— Помогите! Остановите кровь!!! — надрывался пристегнутый к трубе учитель-новатор. Голос у него срывался и переходил в протяжный вой. — Я умру! Я непременно умру!!! Кровь не останавливается!!!

— А если выживешь, скотина, — сказала Лидия, — то непременно ослепнешь! Я знаю, куда стрелять и где какие нервы проходят!

И плюнула в него.

— Запирай, Заяц! — скомандовал Егор уже из коридора.

— А что это за хрень про нервы? — спросил Заяц, накладывая тяжелую поперечную балку.

— Не знаю, — ответила Лидия и дернула плечом. — Я только что придумала. Больно он мерзкий, этот недоносок...

Заяц захохотал так, что закачалась под потолком лампочка в железном наморднике, и они тяжелой рысью побежали по коридору.

— Стойте! — запыхавшись, проговорила сзади Лидия. Она обогнала Егора и шла спиной вперед. — Я подгоню машину. Мороз пятнадцать градусов и метель, а он весь... истерзанный... Я быстро. Минуту...

Егор кивнул. Димка висел между ним и Зайцем, тяжело и коротко дыша.

— Заяц, поддержи его, я посмотрю...

Заяц подхватил мальчишку под мышки, и Егор быстро ощупал его с головы до ног.

— Ребра, — бормотал он сосредоточенно, — два слева. Справа все целы. Руки... целы. Пальцы... сломаны два на правой руке. Ноги... целы. Димка, так я нажимаю больно?

— Не очень, — прохрипел брат. — Везде одинаково.

— Это хорошо. Это просто отлично! Куда его, Заяц? В Склиф?

— Нет! — забормотал Димка в приступе чудовищного испуга и даже попытался вырваться от Зайца. — Нет, Егор, не отдавай меня никуда, я не могу сейчас никуда, я только домой, Егор...

— Да никто тебя никуда не отдаст! — Заяц легонько встряхнул его. — Они тебе пару швов наложат и скажут, все ли внутри цело, а мы рядом посидим. А потом домой поедем. Чай будем пить. Слышь, герой?

Хлопнула дверь, влетела Лидия с Егоровым пальто в руках.

— Мы на месте, — сообщила она. — Давайте я помогу...

— Не надо, справимся, — сказал Егор. — А кто это — мы?

— Моя машина и бедная Лиза, — сообщила Лидия, смешно сморщив нос. — Героическая подруга вашего брата. Она мне и рассказала, в чем дело.

— Декабристка, — пробормотал Егор. — Идем, Димыч.

Кое-как они доковыляли до машины.

— Здравсти, — сказал Егор «бедной Лизе», которая выбралась наружу и в ужасе смотрела на Димку. — Я Егор. Это Заяц. Заяц, садись вперед. Димыч, давай лезь, если можешь. — Он запахнул на брате пальто, полы которого все расходились, и осторожно подпихнул его внутрь, потом сел сам, трясаясь от страха, что с Димкой все еще может что-то случиться. — Надо деду позвонить, а то он там с ума сходит. Заяц, дай телефон!

— У меня нету, — сказал Заяц радостно, — я его в твоей квартире оставил.

— У барышни возьми, — велел Егор, устраивая Димку. — Дайте, барышня!

— Я вам не барышня! — отрезала Лидия. — Между сиденьями телефон. Куда едем сначала, Егор Степанович?

Сначала они завезли домой Лизу, которая все плакала и прижималась к Димкиному боку, отчего тот морщился и пыхтел, но не отстранялся. Лизина многоэтажка возвышалась почти что на шоссе, поэтому много времени это не заняло. Заяц выскочил ее проводить и довел до самой двери — для собственного спокойствия. Потом они поехали в Склиф и проторчали там довольно долго. Лидия выкурила все оставшиеся у нее сигареты, пересчитала все звезды, которые были видны из лобового стекла, все колонны, которые украшали фасад больницы, прочитала всю информацию, которая была написана на сигаретной пачке, сначала слева направо, а потом справа налево.

В отдалении хлопнула дверь. Вышел Заяц, закурил, пряча сигарету в сложенных ладонях, и пошел к машине.

— Ну что? — спросила Лидия.

— Нормально все, — сказал Заяц, усаживаясь. — Внутренних разрывов нет, кровоизлияние небольшое. Гипс наложили, ребра замотали, все как всегда... Ты мне лучше скажи, кто тебя стрелять учил? И пистолет откуда? Нормальный пистолет, не газовый пугач и не пукалка дамская...

— Отец учил, — буркнула Лидия, — он всю жизнь в МУРе проработал и считал, что, когда придется, нужно суметь спастись. И пистолет его. Он погиб два года назад. Ребята из его отдела мне и пистолет отдали, и разрешение сделали...

— Ясненько, — подытожил Заяц. — Как фамилия отца?

— Шевелев. Юрий Петрович, — ответила Лидия. — А что?

— Ничего, — пожал плечами Заяц. — Слушай, а ты правда та журналистка или просто новая подруга?

— Никакая я не подруга! — крикнула Лидия. — Я враг номер один! Я действительно *та самая* журналистка, а твой друг действительно жулик!

Но это прозвучало как-то отчаянно неубедительно.

— Ну да, — сказал Заяц неопределенно и вышвырнул окурок в окно. — Жулик.

Они помолчали.

— А вообще ты молодец! — Заяц неожиданно положил ей на плечо тяжелую теплую лапищу. — Я твоего появления вовек не забуду. И этот козлина, которого ты подстрелила, тоже не забудет. — Лидия улыбнулась, а Заяц продолжал: — Поэтому, когда тебя попрут с работы за публикацию непроверенных и заведомо ложных сведений, ты ко мне приходи. Я тебя возьму. Ты молодец! Ты только напрямую звони. Напомни мне, чтобы, когда мы к Шубе приедем, я тебе визитку дал.

— А вы... кто? — неожиданно струхнув, спросила Лидия.

— Не узнала? — усмехнулся Заяц. — А небось писала про меня сто раз. Меня зовут Станислав Зайницкий.

— Господи Иисусе, — пробормотала Лидия.

Конечно, она его не узнала! Разве можно было узнать в неповоротливом мужике в камуфляже и маске, который среди ночи сел к ней в машину и потом с такой дьявольской грацией укладывал на пол подонков, один из которых был с ножом, а другой с пистолетом, *того самого* Станислава Зайницкого, знаменитого на всю Москву, председателя совета директоров легендарного ЗИЛа.

— Да ты не пугайся, — посоветовал Заяц. — Я простой директор завода...

— Простой, — эхом повторила за ним Лидия. — А зачем вы вообще в это дело ввязались? За город поехали, маски натягивали, козлами скакали... У вас что, охраны нет?

— Нет у меня никакой охраны, — сообщил Заяц доверительно. — Что я, Майкл Джексон, что ли? Кому я нужен? Мне охрану для понта заводить неохота. Денег жалко и личной свободы никакой... А поехал... Шуба позвонил и сказал: приезжай. Я и приехал. — Заяц посмотрел на Лидию внимательно и дернул ее за нос. — Шуба же не охрану, а меня вызывал, — сказал он, объясняя, — мы с ним сами себе охрана.

— Вы что, вместе воевали?

— Воевали, — согласился Заяц. — Еще как воевали. И в разведшколе учились, а потом опять воевали.

— В Афганистане, что ли?

— И в Афганистане тоже, — весело сказал Заяц. — Мы оттуда начинали воевать. А вообще мы про это почти не вспоминаем, так что ты не приставай лучше. Ничего хорошего там не было. Только вот боевые навыки остались, и иногда... мы даже ими пользуемся. А ты говоришь — охрана! Мы вдвоем с Шубой, без дураков, целого батальона стоим, и не надо нам никакой охраны... Зачем посторонних людей к своим делам привлекать?

— Навыки навыками, — сказала Лидия и посмотрела в окно, — а эти гориллы сегодня вас чуть не постреляли.

— Не-е, — протянул Заяц безмятежно. — Мы просто никуда не торопились. Можно ведь было вообще без стрельбы обойтись. Помещение маленькое, и в маленьком помещении три десятка полоумных испуганных детей и придурки с пушками! Ты, конечно, молодец, но никто бы нас не пострелял, это я тебе ответственно заявляю.

— Вот и спасай вас, мужиков, после этого, — пробормотала глубоко оскорбленная Лидия. — Я-то когда в дверь заглянула и увидала вас обоих на коленях с выкрученными руками, а мальчишку на дыбе, то решила, что вам помощь нужна! А вы, оказывается, там просто отдыхали?

— Ну да, — подтвердил ничуть не смущенный Заяц. — Но ты все равно молодец. А от ответственности за стрельбу мы тебя отмажем, если потребуется. Хотя у тебя самой в МУРе большие связи, как выяснилось...

На больничном крыльце показались Егор и Димка, который на этот раз шел сам. Увидев их, Лидия запустила двигатель и посмотрела на часы. Полчетвертого. Красота.

— Ну что? — опустив стекло, спросила она у подходившего Димки. — Ты как?

— Отлично! — Сделав усилие над собственной разбитой физиономией, он изобразил бравую улыбку, отчего стал выглядеть совсем ужасно. — Спасибо.

Егор открыл ему заднюю дверь.

— Полезай, Димыч. Сейчас полегчает. Тебе полведра обезболивающих всадили.

160 Он обошел машину сзади и сел с другой стороны.

— Ну как вы с нами вечерок провели, госпожа Шевелева? Отдохнули на славу?

Лидия хмуро посмотрела на него в зеркало заднего вида. У него был странный, очень измученный вид.

Егору Шубину совершенно не подходил измученный вид.

Господи, что она знает об этом человеке, который воевал в Афганистане, дружит с председателем совета директоров ЗИЛа и похож на английского герцога, когда не носит камуфляж и черную маску с дырками для глаз?

Ничего.

Совсем ничего.

— Я хотел сказать, — вдруг прохрипел Димка, и Лидия снова посмотрела в зеркало заднего вида, — что, если бы не вы... вы все... они бы меня убили. Уже немного осталось...

— Димыч... — предостерегающе сказал Егор, но Димка замотал головой. Фиолетово-желтое и бурое месиво, которое было там, где полагается быть человеческому лицу, как-то странно набухло, перекосилось, он быстро облизал языком разбитые губы. Встретившись взглядами в зеркале, Лидия с Зайцем разом отвели глаза.

— И все это время, с пяти часов, когда... когда я попался, я знал, что меня убьют, непременно убьют, и что умирать я буду долго... и никто меня не спасет. Я только хотел, чтобы это было быстрее. И я знал, что это правильно, потому что я ведь украл его деньги, на самом деле украл, следовательно, я ничем не лучше его... И еще я украл твои запонки и какую-то штуку для галстука из той шкатулки в ванной. И я решил терпеть, но... я почти не мог терпеть, так мне было... больно...

— Димыч, — сказал Егор, — мы все уладим. Слышишь? Х... с ними, с запонками, да и с деньгами тоже. Я почему-то уверен, что на воровство тебя в ближайшее время не потянет. А?

Димка засопел.

— Никогда в жизни... — выговорил он с усилием, — никогда в жизни ты не называл меня... Димычем...

Потом он уткнулся Егору в плечо и заплакал.

— Я вас отвезу, — сказал Егор Шубин. — Вы спите со всем.

— Кто? Я? — Лидия помотала головой, чувствуя себя в чужой кухне, больше похожей на итальянское палаццо — с плиточными полами, арками, белоснежными стенами, gobelеновыми диванами, цветными подушками и тяжелой мебелью из настоящего дерева. — Нет, я не сплю...

— Спит, спит, — подтвердил дед Егора Шубина. — Может, у нас останетесь? Я бы постелил в гостевой спальне. Егор, ты должен предложить девушке остаться!

— Мне до дома семь минут пешком, — пробормотала Лидия. Ей страшно было даже подумать, что сию минуту придется вытаскивать себя из уютного тепла громадного пледа, которым, не говоря ни слова, ее прикрыл Шубин, одеваться, выходить на улицу, греть машину, ехать, а потом подниматься на свой этаж, раздеваться, разбирать постель... Почему ее не оставят в покое? Как бы хорошо, если бы они про нее забыли и она проспала бы под этим пледом до утра...

«Кажется, я внезапно впала в безумие, как давешний учитель-новатор».

Лидия откинула плед. Господи Иисусе, она мечтает провести остаток ночи, вернее, утро, в кухне Егора Шубина?! Нечистого на руку адвоката, которого она с таким блеском разоблачила не далее как вчера и который вчера же чуть было ее не убил?!

Озираясь, как будто окружающие могли подслушать ее мысли, она проворно поднялась и ухватила за край стола — от усталости, позднего времени и нескольких чашек кофе неожиданно закружилась голова и желудок поехал вверх и вбок...

Шубин поддержал ее, больно схватив за плечо. Не иначе теперь синяки останутся.

— Дед, я ее отвезу.

— Конечно, конечно, — заторопился дед, — если это необходимо. Хотя остаться разумнее. Все равно с утра никакой работы не получится, раз всю ночь не спали. Отдохнули бы, позавтракали...

— Дед, не руководи, — велел Шубин.

— Я сама прекрасно доеду, — вяло возразила Лидия.

— Ну конечно, — согласился Шубин невозмутимо. — Кто ж спорит?

— А как я завтра машину заберу?

— Никак не заберете. — Он бесцеремонно засунул ее в дубленку. — Машина при вас останется. Я вас отвезу на вашей же машине.

— А обратно?

— А обратно пешком дойду.

— В пять утра?

— Пять утра ничем не хуже, чем пять вечера, — философски заметил Шубин. — Дед, ты ложись давай, кончай демонстрировать чудеса мужества и героизма. Я через полчаса приеду.

— Будем надеяться, что никаких приключений сегодня больше не будет, — дрогнувшим голосом сказал дед. — Спасибо вам, Лидия Юрьевна. Я считаю, что для моего младшего внука сегодняшней день станет хорошим уроком на будущее, и когда ему придется столкнуться с...

— Дед, не митингуй, — попросил Шубин. — Она поняла, что ты ей очень благодарен.

— Это было... приключение, — сказала Лидия с блаженной улыбкой, и оба Шубина внимательно на нее посмотрели. Пожалуй, даже слишком внимательно. — Настоящее приключение, и я страшно рада, что все обошлось.

— Благодаря вам, — пробормотал дед Егора Шубина галантно.

Это был чудный старик. Это был совершенно изумительный старик, и на миг Лидии стало тошно при мысли о том, что он моментально переменит свое мнение о ней, когда узнает, как она обошлась с его обожаемым Егором. В том, что он обожает Егора, не было никаких сомнений.

— У вас потрясающий дед, — сказала Лидия, когда они вошли в лифт. — Просто необыкновенный.

— Совершенно необыкновенный, — согласился Шубин с удовольствием. — Ему восемьдесят шесть

лет, он недавно прочитал Лимонова и сказал: «Много вздору пишет!»

Лидия засмеялась:

— У меня тоже была чудная бабушка. Совсем простая. Добрая, умная и совсем простая. Когда она умерла, оказалось, что именно на ней все и держалось. Ее не стало, и родители в тот же год развелись. Мне было восемнадцать лет.

— А мои родители развелись, когда мне было восемнадцать дней. Или около того. — Он улыбнулся. — Мне повезло.

— Повезло?

— Мне не пришлось пережить это, когда я уже был... в сознании и начал что-то понимать. Меня дед вырастил. А мне на Димку всю жизнь было наплевать...

В молчании они дошли до машины.

— Бросьте вы, — осторожно сказала Лидия. — Сколько у вас лет разницы?

— Двадцать, — ответил он злобно. — Двадцать лет у нас разницы. Так что, милая барышня, мне даже придумать нечего в свое оправдание. Пропал бы пацан, если бы не этот хренов маньяк, которого он хотел наказать, и не девушка Лиза, которая мне позвонила. Теперь он эту науку на всю жизнь запомнит, а я всю жизнь буду думать, что было бы, если бы я тогда телефон не включил, который дед выключил...

Лидия посмотрела на него сбоку. Вид у него был удрученный.

— Слушайте, Егор, — вдруг сказала она, — а у вас очки что, совсем без диоптрий?

— Что? — Он изумился до такой степени, что даже засмеялся. — Очки? --

— Зачем вам очки? — повторила Лидия. Этот вопрос не давал ей покоя. — Дураку ясно, что зрение у вас стопроцентное. Это я точно знаю, как пожизненный очкарик. Так зачем?

— Очки придают мне интеллигентность и стильность, — ответил он и покатился со смеху. — Ясно вам?

Он так хохотал, что Лидия тоже засмеялась. Больше от удивления. Егор Шубин, оказывается, умеет смеяться.

— Когда вы в этих очках, на вас страшно смотреть, не то что с вами разговаривать, — произнесла она скороговоркой. Ночь и только что пережитое создавали иллюзию странной близости. Конечно, утром эта иллюзия исчезнет без следа, но сейчас она была такой реальной, что Лидии показалось, что она все, что угодно, может сказать этому человеку, который ей так нравился.

С самого начала нравился.

С того самого момента, когда она выскочила из кустов ему наперерез, а он сказал: «Пресса всегда появляется неожиданно».

Или даже раньше, когда он так холодно и умопомрачительно вежливо разговаривал с ней по телефону.

— Да, — согласился он, — это у меня получается очень хорошо. Вернее, до последнего времени получалось. Это очень удобно — когда тебя все боятся и никто с тобой не разговаривает просто так.

— Неужели?

— Это экономит массу времени. Впрочем, очевидно, проблем со временем у меня больше не будет.

Лидия замолчала.

Это был совсем другой разговор.

Проблем со временем у него не будет потому, что она, Лидия Шевелева, лишила его работы.

Она смотрела, как медленно поднимаются вверх гофрированные гаражные ворота.

Может или не может быть, чтобы все содержащееся в тех документах было неправдой? Если может, тогда он должен немедленно подавать на газету в суд и в редакции должно начаться служебное расследование. Если он выиграет дело, редакция принесет свои извинения, возможно, заплатит компенсацию, опубликует опровержение и... И все. На работу Егор Шубин никогда не вернется. Никому не нужен юрист с подмоченной репутацией. Однако он человек, много лет проработавший в опасной близости к такой закрытой, сложной и могущественной персоне, как Тимофей

Ильич Кольцов, который вряд ли отпустит на вольные хлеба проштрафившегося юриста.

Как говорил в каком-то фильме Ален Делон, «он слишком много знал...».

У Лидии вдруг волосы на голове зашевелились, она дернулаcь в кресле, как будто ее кольнули в бок, и сунула руки в карманы.

— Куда? — спросил Шубин.

— В Архангельский переулок, — ответила она машинально. — Слушайте, Егор, а что вы собираетесь делать?

— В каком смысле?

— Ну... — Она не знала, как это сказать. — Ну теперь, когда у вас... стало так много времени...

— А-а, — протянул он. — Вы решили раскаяться в содеянном?

— Нет, — решительно ответила она. — Просто еще утром я была совершенно уверена, что вы подлец, а сейчас я... ни в чем не уверена!

— Что так? — Его тон не нравился Лидии. Его тон был просто ужасен, но ей некогда было обращать внимание на тон.

— Мне понравился ваш дед, мне понравился ваш брат, мне понравился ваш друг и то, что вы... сами полезли в этот подвал.

— Я полез в этот подвал сам только потому, что в этой стране я умею делать такие вещи лучше всех. Я, Заяц и еще человек шесть. Причем именно в таком порядке. Ясно? — Он посмотрел так, как смотрел когда-то, как будто он был все еще *тот* Егор Шубин, а она просто навязчивая журналистка. — Так что не выстраивайте никаких героических образов, чтобы потом не разочаровываться. Если бы я не умел этого делать, я бы попросил кого-нибудь, кто умеет.

— Вы виделись сегодня... или когда там... вчера с Леонтьевым?

— Виделся, — согласился Шубин. — Он меня выгнал, пригрозил охраной и еще бог знает чем и никаких бумаг мне, конечно, не показал.

— Были не только бумаги, — быстро сказала Лидия. — Была еще кассета.

— Какая кассета?! — изумился он.

— Обыкновенная аудиокассета. Кажется, «Сони», — ответила она раздраженно. — Мне положили ее в почтовый ящик. На ней была запись вашего телефонного разговора как раз относительно фирмы «Континенталь». Никакой конкретной информации, но вы несколько раз ее упомянули. И призывали вашего собеседника быть осторожнее.

— Подождите, — сказал Шубин и съехал к обочине. — Я просил кого-то быть осторожнее?!

— Да, да! — подтвердила она, раздражаясь все больше и больше. Ей казалось, что она выдает профессиональные секреты, подставляет Леонтьева, главного и вообще всю свою работу только из-за того, что в пять часов утра она неожиданно поняла, что ей нравится Егор Шубин. — И голос, между прочим, совершенно определенно ваш. Его ни с чьим другим не спутаешь...

— Но в вашей статье не было упоминания о кассете!

— Леонтьев сказал, что пленка — это никакой не документ и ссылаться на нее нельзя. Но она... как бы совершенно убедила нас в том, что документы подлинные.

Шубин смотрел на нее и молчал.

— Что? — спросила она. — Что вы смотрите так, как будто я только что открыла закон всемирного тяготения? И может быть, вы все-таки довезете меня до Архангельского переулка?

— Да, — сказал он, — довезу. У вас есть копии документов? — спросил он, помолчав. — И этой пленки?

— Есть, — сказала она решительно. — Я вам сейчас покажу.

Они давно уже ползли по тихому, засыпанному снегом Архангельскому переулку.

— Вот здесь во двор. — Лидия ненавидела и презирала себя за собственную готовность поведать врагу разом все военные тайны, но она уже приняла решение и знала, что не изменит его. — Приткнитесь где-нибудь тут...

— А почему у вас такая... совсем не женская машина? — спросил он, как будто больше ничего на свете его в данный момент не волновало.

— А какая женская? — запальчиво спросила Лидия. — «Девятки» с «десятками» я не люблю, на «рено» моих гоно-раров не хватит, даже если сто лет ничего не есть и не пить, и «Нива» на московских дорогах — самое то, что нужно.

— Она вам подходит, — сказал он и улыбнулся. — Хотя еще вчера я думал, что вам очень подошла бы «БМВ». Или какая-нибудь «субару». Но «Нива» вам и вправду больше подходит.

Он думал о том, какая машина ей больше подходит?! Он не мог о ней думать. Он хотел ее задушить. Он прохиндей и жулик и профессионально умеет заговаривать зубы.

И стрелять, и драться, и двигаться легко, бесшумно и стремительно. Двигаться так удастся лишь паре кинозвезд мирового класса, которые, наверное, пытаются изображать именно таких, как Егор Шубин.

— Вот мой дом, — заторопилась она. Ей было неловко. — Здесь еще моя прабабушка жила. Потом бабушка, а теперь я. Мама живет в другой квартире. Ей отец оставил, когда ушел. Но тоже недалеко, на Чистых прудах...

Она объясняла и объясняла, хотя ему скорее всего не было никакого дела до того, где именно живет ее мама, и, случайно подняв голову, увидела, как по ее шторам с внутренней стороны прошел свет.

Прошел и исчез.

Поперхнувшись каким-то словом, она схватила Шубина за рукав дубленки. Он оглянулся с удивлением и замер — у нее было насмерть перепуганное лицо.

— Что? — спросил он быстро.

— Там кто-то есть. — Пальцы, впившиеся в его запястье, были ледяными. — В моей квартире кто-то есть.

Она говорила придушенным шепотом, и он, сразу поверив, толкнул ее в тень, за угол.

— Откуда вы взяли?

— Т-там только что был свет, — прошептала она, чувствуя, что у нее начали стучать зубы. — Я видела свет. Он прошел по шторам.

— Какой этаж?

— Третий. Два угловых окна. Видите?

В окнах было темно, шторы закрывали их по-ночному глухо. Они смотрели довольно долго.

Свет опять возник, как будто человек в квартире понял, что никакой опасности нет, и снова включил фонарь. Круглое желтое пятно, высветившее темный рисунок на шторах, как переводная картинка, возникло сначала справа, а потом плавно переместилось левее.

Лидия зажмурилась.

Значит, ей не показалось. Значит, в эту минуту кто-то незнакомый грабит ее квартиру?! Копаются в ее вещах! Открывает ее шкафы! Ходит по ее полу!

— Зачем он светит в окна? — спросил рядом Шубин. Спросил как-то так, что она не услышала ни звука, но почему-то поняла.

— У этого окна мой письменный стол. Он, наверное, в столе копается... Нужно вызвать милицию! Сейчас же!

Он перехватил ее руку, потянувшуюся за телефоном.

— Я сам, — сказал он все тем же непонятным образом. — Где ваш пистолет?

— В... в машине. В бардачке.

Неуловимое, какое-то смутное движение, и он вытащил у нее из кармана ключи.

— Стойте здесь, не шевелитесь и не входите в подъезд, пока я за вами не спущусь. Номер квартиры?

— Восемьдесят два.

Она не поняла, как и куда он пропал, оставив в ее руках свою короткую дубленку. Не слышала, чтобы открывалась и закрывалась дверь ее машины. Не видела, как открылась подъездная дверь, которая имела обыкновение истерически скрипеть и всхлипывать, когда к ней прикасались.

Был Егор Шубин — и растворился.

А может, он все-таки киллер? Человек не может так двигаться, так исчезать, так говорить, не произнося ни звука, тем более если считается, что этот человек просто канцелярская крыса высокого уровня.

Господи, зачем он оставил ее одну на улице, в темноте, холоде и страхе, когда у нее дома... грабитель?! Вызвали бы милицию, как все нормальные люди. Мили-

ция бы приехала, разобралась, и не нужно было бы трястись от страха, прижиматься к ледяной водосточной трубе и гадать, киллер Егор Шубин или все-таки не киллер?

Свет в окнах больше не появлялся, со стороны спящего дома не доносилось ни звука, и Лидия вдруг подумала, что если грабитель окажется проворнее Шубина, то выскочит из подъезда прямо на нее. Что ей тогда делать? Как спастись? Пистолет Шубин у нее забрал, да и стрелять в темноте во дворе собственного дома она ни за что не решилась бы.

Навалилась паника, скользкая и удушающая, как целлофановая пленка.

Господи, ей ничуть не было страшно в той отвратительной норе, которая вела от черной лестницы на первом этаже школы-интерната к подвалу, где взрослые и дети мучили Димку. Там она была сильна, проворна и осторожна, как учил отец. А сейчас она готова была бежать с воплями куда угодно, лишь бы не трястись за обледенелой трубой и не смея отвести взгляд от собственных темных окон.

— Там никого нет, — сказал ей в ухо Егор Шубин. Она подпрыгнула, поскользнулась, вцепилась в трубу, не удержалась и съехала прямо под ноги изумленному Шубину. В трубе оглушительно загрохотало — очевидно, сдвинулись с места ледяные наросты, оставшиеся от недавней оттепели, — и прямо Лидии на ноги обрушились куски льда, снег, какие-то палки, застрявшие в трубе.

— Да что вы подкрадываетесь?! — Шипя от боли и только что пережитого страха, она поднялась и стала яростно отряхивать джинсы. — Ей-богу, вы смерти моей хотите! Второе покушение за одни сутки, черт бы вас побрал!

— Там никого нет. — Шубин и бровью не повел. — Пусто.

— Куда же делись жулики? — спросила Лидия с некоторой даже обидой. — Только не рассказывайте, что мне все померещилось после бессонной ночи.

— Человек был один. Я слышал, как он уходил, но догнать не смог. Он ушел через чердак и крышу.

Или мы его все же спугнули, или к тому времени, как мы приехали, он уже заканчивал работу. Дверь на чердак заперта. У него были ключи.

— Господи, какие сложности, — протянула Лидия. — А у меня и брать-то нечего, кроме компьютера, которому в базарный день цена триста долларов. А вы уверены, что он ушел?

— Уверен. — Шубин отдал ей ключи от машины. — Когда я вошел в подъезд, он уже возился с дверью на чердак. В вашу квартиру я не заходил, так что давайте посмотрим, что там...

Дверь в ее квартиру была заперта.

— Он еще и дверь запер? — храбро удивилась Лидия. — Какой аккуратный жулик...

— Ключи дайте, — попросил Шубин. Ей казалось, что он отлично видит, как она трусит. — Замок верхний или нижний?

— Нижний, — буркнула Лидия.

— Свет?

— Справа, низко, прямо под рукой...

Он бесшумно повернул ключ, шагнул вперед. Яркий свет больно ударил по глазам. Лидия зажмурилась.

Шубин стремительно вошел в квартиру и пропал, как только что у подъезда. Пока Лидия соображала, он материализовался снова.

— Все в порядке.

Лидия огляделась. Потом пошла в комнату прямо в ботинках, чего не делала почти никогда. Потом во вторую.

Все действительно было в порядке.

В полном и образцовом порядке, как она оставила перед тем, как вчера утром ушла отсюда на работу.

И это было самое страшное.

— Я... — проговорила она и посмотрела на Шубина умоляюще, — я не понимаю ничего... А где... же... А почему же... ничего... не украли?

— Вы... посмотрите повнимательнее, — посоветовал он. — Деньги? Какие-нибудь украшения?

— Я не знаю, что в вашем понимании означает «деньги», — пробормотала Лидия и полезла в гардероб. — У меня денег не так чтобы очень...

Пакетик из-под молока, в который были завернуты четыреста с трудом накопленных долларов, оказался на месте.

— Что это такое? — спросил Шубин, увидев пакетик. В голосе у него было искреннее и неподдельное любопытство. — Нафталин?

— Это деньги, о которых вы так беспокоились, — сказала Лидия сухо. — Все на месте.

Он заглянул в пакетик, как будто не поверил, что там деньги.

— Ну что? — спросила Лидия и спрятала пакетик в карман. — Убедились?

— Золото? Кольца? Прабабушкины серьги?

Она побежала в спальню, кинув по дороге расстроенный взгляд на письменный стол. Уж лучше бы все украли! Господи, как это просто и не страшно, когда обыкновенные грабители крадут твои четыреста долларов в пакетике из-под молока!

От двери в спальню она снова оглянулась на письменный стол. И замерла.

— Что? — моментально спросил насторожившийся Шубин.

Медленно, как во сне, она подошла к столу и некоторое время просто смотрела. Потом зачем-то переложила какие-то бумаги и последовательно открыла и закрыла все три ящика. Потом опять посмотрела.

Все было ясно, как Божий день, но почему-то она не решалась сказать это вслух. Это было слишком невероятно и страшно и означало, что происходит что-то совсем уж скверное.

— Нет папки с теми документами, — сказала она и опять выдвинула и задвинула ящик. Потом посмотрела на Шубина несчастными и испуганными глазами. — И кассеты нет.

Наверное, за этим и приходили.

172 — Наверное, — согласился Шубин.

Они помолчали, не глядя друг на друга, как будто им было стыдно.

— Господи, что же мне делать? — вдруг сказала Лидия и боком села на стул. — Выходит, что у каких-то неизвестных есть ключ от моей квартиры и они могут вот так запросто прийти ко мне домой?..

— Вам просто несказанно повезло, что всю ночь вы катались, а потом палили из своей пушки в мирном поселке Красково. — Шубин хмуро посмотрел на нее. — Неизвестно, как срочно нужно было изъять эти бумаги. Потому что если очень срочно, то до завтра бы ждать не стали.

— Почему не стали? — тупо спросила Лидия.

— Потому что началась большая игра, — сказал Шубин, и какое-то воспоминание тенью мелькнуло в ее голове. Мелькнуло и пропало. Он подошел к Лидии и присел перед ней на корточки. И зачем-то снял очки.

Напрасно она думала, что очки делают его неприступным и пугающим. Без очков он оказался гораздо более страшным, чем в очках. У него были немыслимые глаза. Очень темные, без блеска и совсем без жизни. Глаза фараона, умершего четыре тысячи лет назад и знавшего о жизни что-то такое, что так никому и не удалось узнать за пролетевшие с тех пор сорок столетий.

Он близко смотрел на нее, и она, затаившись и не смея дышать, не отводила взгляд.

Коротким движением он надел очки, и она перевела дыхание, как будто он отпустил ее.

— Вы бы собрались, — посоветовал он негромко. — Ну, не знаю... Зубную щетку, расческу, фен и что там еще... И поедем. Не будем же мы до утра так сидеть.

— Куда поедем? — изумилась Лидия и потянула с шеи шарф. Внезапно ей стало жарко.

— В полшестого утра никто не придет к вам менять замок, — сказал он раздраженно. — Одну в открытой квартире я вас не оставляю. Ночевать здесь нам обоим нет никакого резона, в моей квартире гораздо удобнее и безопаснее.

— Безопаснее? — переспросила Лидия, на которую нашло некоторое затмение.

Шубин промолчал.

— Да, — сказала она растерянно и потерла лоб. — Бумаги. Бумаги же пропали... Кому они могут быть нужны? Кому, кроме вас? А, Егор?

Он все молчал, а она продолжала так же растерянно:

— Кроме того, это же копии. Оригиналы у Леонтьева в сейфе. Зачем красть копии, когда есть оригиналы?!

— Незачем, — согласился Егор и поднялся. — Поехали, Лидия Юрьевна. Утро скоро.

Он был совершенно уверен, что никаких бумаг у Леонтьева нет и, возможно, никогда не было.

— Ты что? — спросил с порога хриплый чужой голос. — Не ложился совсем?

Не поворачиваясь, Егор закинул за шею руки и потянулся всем телом так, что кресло самопроизвольно поехало к стене. Потом потер уставший затылок и улыбнулся.

— А? — повторил чужой голос. — Не ложился?

— А ты чего встал? — спросил Егор, продолжая улыбаться. — Лежать совсем не можешь?

— Не могу, — признался Димка. — Такое впечатление, что меня били не пять часов, а всю прошлую жизнь.

— Все правильно, — сказал Егор и наконец повернулся. — Все совершенно правильно. Классический пример утреннего состояния. Называется «после битья». Могу тебя обрадовать — дальше будет только хуже.

— Куда уж хуже-то... — пробормотал брат. Он все мялся на пороге кабинета, не решаясь войти, и Егор наконец оглянулся.

Димка, с замотанным бинтами животом и лицом, как будто искусанным сотней пчел, с наклепленным под глазом толстым больничным пластырем, весь, от шеи до лодыжек, желто-фиолетовый, в мятых трусах и клетчатом пледе, накинутом на плечи, выглядел даже хуже, чем Егор предполагал.

— Хорош, — сообщил ему Егор. — Входи давай.

Димка зашел, прикрыл за собой дверь и осторожно пристроился на край кресла.

— Как дед? — спросил он фальшиво.

— Ничего, — ответил Егор. Ему очень хотелось сказать брату, что дед чувствовал бы себя намного лучше, если бы любимый внук не крал у бандитов денег и не собирался на них улететь в Америку, но ничего этого Егор не сказал.

У него не было времени на пустые разговоры, а в том, что разговор выйдет пустым, Егор был совершенно уверен. В конце концов, Димка такой же Шубин, как и он сам, а значит, у него есть мозги и характер. За последние сутки они узнали друг о друге столько, сколько не узнали бы за всю жизнь, если бы не случилось этой ночи, крысиной норы и всего остального.

Может, он и правильно сделал, что упер эти деньги, и хорошо, что его поймали и так долго били, а то ведь черт знает, чем бы закончилось его стремление доказывать окружающим самостоятельность и независимость. Теперь Димка будет долго мусолить чувство вины и робко гордиться тем, что у него есть брат, который ничего не боится, и упиваться жалостью к себе, и терзаться муками совести, и осторожно, словно пробуя босой ногой холодную воду, пытаться приладить к себе совершенно новое чувство благодарности и защищенности.

«Вы меня лучше не трогайте. У меня есть старший брат, вот он придет и всем вам покажет».

Детский сад с барабаном.

«Когда *мне* было двадцать, я уже вовсю воевал. Я воевал, пил спирт, от которого цепенело горло и в узел скручивался желудок, и курил анашу — ее все курили, — и раз в неделю провожал в Ташкент очередной борт с гробами. Сколько их было, этих бортов? Десятки? Сотни? Если провожали своих, то надирались потом так, что мочили всех, кто попадался под автомат, — женщин так женщин, пацанов так пацанов.

Война.

Я не сошел с ума, мне не понадобилось десять лет на реабилитацию, я не спился и не стал наемным убийцей. Хотя иногда я до сих пор жалею, что мне так и не удалось сойти с ума...»

— А что ты делал? — спросил Димка, вытягивая худую шею и стараясь заглянуть в разложенные на столе бумаги. — Почему не спал?

— Дим... — Егор нашарил под столом тапки и встал. — Я тебе нотаций читать не буду пока, ладно?

— Ладно, — нерешительно сказал Димка, глядя на Егора снизу вверх. — А почему? Ты бы лучше прочитал, и дело с концом...

— Нет. Это дело требует подготовки и осмысления, а у меня сейчас мало времени.

— У тебя всегда мало времени, — подумав, сказал Димка. — Разве у тебя когда-нибудь было... много времени?

— На! — сказал Егор и бросил ему газету. — Почитай.

— Это?! — изумился Димка.

— Это! — передразнил Егор. — И вообще уже пора перестать налегать на журнал «Кул» и «СПИД инфо». Самое время перейти к регулярному чтению нормативных актов.

— Ка... каких... актов? — Димка ошарашенно переводил взгляд с Егора на газету и обратно.

— А любых, — сказал Егор. — Ты почитай, вникни, и давай все беседы на недельку отложим. И оделся бы, что ли. Смотри, вся шея синяя!

Он вышел из кабинета, неизвестно чему улыбаясь, прикрыл за собой дверь и отправился на кухню.

Деда не было. Он умчался в булочную за свежим хлебом, и это было просто замечательно — с одной стороны, подтверждало, что ночные приключения завершились безо всякого ущерба для его здоровья, а с другой — давало Егору возможность еще хоть полчаса побыть в тишине.

Раздумывая, он заварил кофе, достал сок и высокий стакан. Потом подумал и достал еще один и поставил две чашки — для себя и для своего брата.

— Димка, ты глотать можешь? — крикнул он в сторону кабинета и опять улыбнулся. У него было странное настроение.

Через некоторое время дверь приоткрылась и оттуда спросили:

— А что?

— Кофе готов, — сообщил Егор. — Надевай штаны, и давай попьем.

— Егор, но это же какая-то... лажа, — сказал Димка, появляясь на пороге и держа газету на отлете, как будто она была испачкана. — Что это за лажа, Егор?

— Это нормальный процесс выдавливания меня из структуры. — Егор пожал плечами. — Я стал занимать слишком много места. Садись.

Он налил дымящегося кофе в две большие кружки, сел и вытянул ноги. Димка продолжал стоять.

— Димыч, — сказал Егор терпеливо, — мне нужно разобраться во всем этом, а времени мало. Я хочу, чтобы меня пока никто не дергал. Мы все обсудим, только потом. Между прочим, твое недостойное поведение мы обсудим тоже. А пока возьми на себя деда. Отвлеки его чем-нибудь. Ну, не знаю... Начинай болеть, стонать, каяться...

Димка осторожно засмеялся разбитым ртом:

— А тебе ничего не будет за то, что вчера было? Ну, неприятностей каких-нибудь... не будет?

Он боится, что его отволокут в тюрьму, понял Егор. Так боится, что даже не может спросить об этом прямо. Ведь он вор.

Наверное, в педагогических целях следовало Димку припугнуть. Чтобы, так сказать, закрепить пройденное. Наверное, стоило даже устроить какой-нибудь вызов к суровому следователю или что-то в этом духе.

Но у Егора не было времени. Кроме того, он очень надеялся на то, что Димка такой же Шубин, как и он сам, и ему вряд ли придется одно и то же повторять дважды. Сам Егор запоминал все с первого раза.

— Нет. Не будет никаких неприятностей. Заяц сегодня с утра должен был позвонить и решить все вопросы. Будем считать, что мы просто развлекались.

— Прости меня, — после паузы сказал Димка. Егор ничего не ответил.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь, и братья переглянулись.

— Кто там? — Димка смотрел настороженно. — Дед вернулся?

— Там Лидия Шевелева, талантливая журналистка, разоблачающая подлецов и жуликов, и по совместительству снайпер экстра-класса, — пояснил Егор с удовольствием. — Она нас вчера на Маросейке подобрала и свезла в поселок Красково, где ты самолета на Нью-Йорк дожидался.

Димка посмотрел с подозрением. Иногда у Егора было странное чувство юмора, но сейчас он явно не шутил.

— Штаны бы тебе не помешали, — сказал брат без улыбки. — Может, наденешь?

Димка проворно, насколько позволяли его ранения, метнулся в коридор, а Егор достал третью чашку. Черт возьми, как много нужно чашек, когда у человека есть братья и полужнакомые девушки остаются ночевать, потому что в их квартиру забираются какие-то темные личности.

— Егор Степанович, — осторожно позвала Лидия откуда-то. — Где вы?

— Я здесь, — отозвался Егор. — А вы где?

Она забрела вовсе в другую сторону — в коридор, ведущий к сауне и тренажерному залу.

— У вас в школе было спортивное ориентирование? — Егор помахал ей рукой.

— Доброе утро, — сказала она. — Почему вы меня не разбудили?

Она выглядела усталой и казалась старше. На шее отчетливо, как будто нарисованные чернилами, проступили синяки. Егору внезапно стало жарко.

— Что вы смотрите? — спросила она, перехватив его взгляд, и осторожно потрогала шею. — Сейчас я водолазку надену...

Она вернулась через пять минут в черной водолазке, закрывавшей шею. Егор был ей благодарен. Ему очень не хотелось, чтобы Димка увидел синяки. Вряд ли бы он догадался, что синяки имеют к Егору самое непосредственное отношение, но лучше бы брат их совсем не видел.

— Что вы надумали? — спросила Лидия и понюхала вкусный пар, поднимающийся из кружки. — Вы ведь думали обо всем этом?

— Конечно, — сказал Егор. — Мне нужно посмотреть эти бумаги. Бумаги или копии, все равно. Обязательно нужно.

— Я могу вам пересказать своими словами, — предложила Лидия и отхлебнула кофе.

— Своими словами вы уже изложили в газете, — сказал Егор, усмехнувшись, — и мне это совсем не подходит.

— Почему?

— Потому что я не понимаю, откуда они взялись. Если это чистая подделка, тогда дело можно закрывать. Я выиграл. Если нет...

— Что значит — закрывать? — Лидия поставила кружку. — Что значит — чистая подделка?

— Лидия Юрьевна, — начал Егор терпеливо, — могут быть два варианта развития событий. Первый. Эти документы — чистая лажа, как выражается мой брат. В этом случае мне нужно только найти их и доказать, что это лажа. Это очень просто. Существуют всякие экспертизы и так далее. Я объясняю своему шефу, что это лажа, шеф принимает это к сведению, и я начинаю заниматься освоением новой специальности и заодно поисками того, кто меня подставил. Вариант второй. Эти документы — подлинные.

— Что значит — подлинные? Вы же с пеной у рта вопите, что помыслы ваши чисты, как у буддийского монаха, а сами вы ни в чем не виноваты?

— Лидия Юрьевна. — Егор налил себе еще кофе. — Вы просто удивительно тупы для журналистки, которая взялась разоблачать врагов народа. Я подписываю в день иногда по десять договоров. Естественно, если они идут от тех, кому я стопроцентно доверяю, я не вчитываюсь в каждое слово. Конечно, я их смотрю. В общем и целом...

— А я думала, что вы профессионал, — протянула Лидия, — в общем и целом...

— Послушайте, вы, профессионал! — Он поднялся и навис над ней, опершись руками о стол. В санти-

метре от ее носа был его свитер, пахнувший точно так же, как пальто, свежо и дорого. — Вы заварили всю эту кашу...

— Нет, — перебила Лидия, на всякий случай вжавшись в стену как можно глубже. — *Вы* заварили всю эту кашу. Я всего лишь слепое орудие. — Она криво усмехнулась. — Хотя я еще до конца не решила, верить вам или все-таки не верить.

— Как хотите, — сказал Егор любезно. — Как вам будет угодно. Однако сегодня в пять утра бумаги из вашей квартиры пропали. Практически на глазах у изумленной публики.

Лидия помрачнела.

Да. Не было никакого резона красть у нее бумаги, если они представляли опасность лишь для Егора Шубина.

Он убрал со стола ладони, перестал нависать над ней и сел на место.

— Что значит — подлинные? — помолчав, спросила Лидия.

Он искоса взглянул на нее.

— Представьте себе, что есть договор, который я читаю не слишком внимательно, потому что это самый обычный договор, каких через меня проходят сотни. Я подписываю его, как подписывал вчера и позавчера, отдаю человеку, который его принес, и забываю о нем. Этот человек, выждав время, аккуратно меняет в договоре название фирмы и какие-нибудь цифры и даты и преподносит вам.

— Как меняет? — не поняла Лидия. — Как можно изменить что-то в подписанном и завизированном договоре?

— Да как угодно! — сказал Шубин с досадой. — На этот счет есть масса технологий. Название, например, можно заклеить специальной полоской, а сверху впечатать другое. А потом снять полоску вместе с новым названием. Если в лупу не смотреть, эту полоску ни за что не заметишь, она ни по цвету, ни по фактуре не отличается от бумаги и не оставляет следов. Можно с помощью какой-нибудь сложной химии... например, чтобы нижнее название проявлялось на бумаге, только полежав несколько часов на свету, а верхнее без следа устранялось... я не знаю... обычным ластиком.

Лидия смотрела на него во все глаза.

— Вы что? — спросила она с подозрением. — Шпион?

— Я адвокат без работы, — сказал он холодно. — И это все элементарные вещи, Лидия Юрьевна. Так вот. В этом случае ситуация гораздо сложнее. Доказать, что я их не подписывал, невозможно именно потому, что я их подписывал. И тогда мне остается...

— Что? — спросила Лидия.

— Мне остается только найти человека, который принес этот договор. Это проще, чем в первом случае, потому что подделать бумаги может кто угодно, а людей, чьи договоры я подписываю не глядя, не так уж много. — Он улыбнулся. — Десятка полтора, я думаю...

— Полтора! — фыркнула Лидия. — Полтора десятка человек вы будете проверять как раз до весны. Да и непонятно, как именно их можно проверить...

— Как раз понятно, Лидия Юрьевна. — Егор допил свой кофе и задумчиво поболтал туркой, как будто оценивая, хватит ему на вторую чашку или лучше сварить еще. — Название «Континенталь» выбрано не зря. Это длинное и глупое слово, не несущее никакой смысловой нагрузки. Кроме одного. По числу букв оно должно совпадать с тем, что было написано сверху. Понимаете? Одно слово можно заклеить, замазать, видоизменить и так далее. Но расстояние между словами ни заклеить, ни изменить нельзя. Мне нужно название, в точности совпадающее с этим по длине, а их совсем немного. Гораздо меньше, чем полтора десятка.

Тимофей Кольцов задумчиво брился перед зеркалом, когда в ванную вошла Катерина.

— Привет, — зевая, сказала она и привалилась щекой к Тимофеевой спине.

— Привет, — сказал он и перестал бриться. — Ты чего так рано?

— Я — как ты, — сонно объявила Катерина. — Если ты начинаешь работать в восемь, почему я должна начинать работать в десять?

— Потому что ты — моя жена, — сказал он, осторожно поворачиваясь, чтобы обнять ее. — Ты моя жена

и можешь вообще больше никогда не работать. Хочешь, я тебя с сегодняшнего дня уволю?

— Попрошу без феодальных замашек^н. — Она потерлась о него снизу вверх, зачем-то поцеловала в ладонь и открыла воду в необъятных размеров ванну. Потом скинула на пол халат, переступила через него и с видом герцогини, принимающей утреннее омовение, шагнула в пенящуюся воду. Тимофей смотрел на нее затаив дыхание.

Воды было еще мало, она белым ключом кипела вокруг ее розовых коленей, маленьких ладошек, которыми она водила по пенным горам, и — Тимофей на секунду прикрыл глаза — вокруг груди, которая всегда так хорошо помещалась в Тимофеевых ладонях, как будто это было ее главным предназначением. Вода то заливала, то снова открывала соблазнительные выпуклые соски.

Тимофей почувствовал, что взмок.

— Катька, я тебя брошу, — сказал он через силу. — Так невозможно жить. Я просто сатанею, когда вижу твои...

— Мои что? — Она подняла из пены ногу и покрутила ступней из стороны в сторону. — Мои ноги? Мои руки? А... Я догадалась! Мои глаза!

— Глаза! — усмехнулся Тимофей. — Глаза, конечно. И руки, и ноги, и груди, и...

— Стоп! — приказала Катерина и засмеялась. — Ты вроде на работу собирался? И даже брился, когда я вошла.

— Это точно, — согласился Тимофей. — Брился.

Ему было очень весело. В присутствии Катерины у него всегда становилось замечательное настроение.

Она с интересом следила за ним из ванны. Он думал всего секунду, потом тоже скинул халат и полез к ней, отчего вода сразу поднялась чуть не до краев.

— Тимка! — завизжала Катерина. Он ее придавил. — Слезь с меня немедленно!

— Ни за что, — сказал Тимофей. — Я тиран, а ты — моя личная собственность и должна терпеть все мои выкрутасы. Не будешь в другой раз шастать голой в моем присутствии.

Она хохотала и брыкалась, вода лилась на пол, белоснежная легкая пена застилала Тимофею глаза,

он лапал под водой скользкую и горячую Катерину и дышал с трудом — так она его возбуждала.

Господи, как он жил без Катерины? Разве он жил без Катерины? Какая унылая и безрадостная штука — жизнь без Катерины.

— Тим, — обратилась она, когда спустя полчаса они вылезли из ванны, — так что там за дела с юридической службой? Мне Абдрашидзе сказал что-то такое, совсем невнятное. И Приходченко, по-моему, темнит.

— Да они не знают ничего. — Тимофей застегивал джинсы. В качестве домашней одежды он признавал только джинсы, в халате доходил от спальни до ванной и наоборот. — Прошляпили все, что могли прошляпить, а теперь темнят.

— Статью я видела, — сообщила Катерина задумчиво. — Ты что будешь, йогурт или омлет?

— Омлет и йогурт, — сказал Тимофей. Есть ему совсем не хотелось, но он любил смотреть, как она готовит ему по утрам. В этом было что-то совершенно особенное. Как в фильмах про любовь.

— Расскажи мне, — попросила она, взбалтывая омлет в керамической мисочке. — Я ничего не поняла. Шубин воровал у тебя?

— Выходит, что так, — ответил Тимофей не слишком охотно. Он уже принял решение, и не имело смысла обсуждать это еще раз. — Выходит, что воровал.

— Ты уверен?

Он вздохнул. Отвязаться от Катерины, когда она не желала, чтобы от нее отвязывались, не было никакой возможности.

«Ты истинная жена своего мужа», — говорил о ней тесть Дмитрий Степанович.

— Дудников скажет, уверен я или не уверен. Он этим делом занимается.

Дудников был шефом службы безопасности.

— Знаю я, как Дудников занимается, — пробормотала Катерина недовольно. — Ему самое главное компромата набрать побольше. Он у тебя наследник товарища Бери. Ты не знаешь, они не родственники?

— Кать, я что, должен сам заниматься расследованием таких дел? Или ты на себя возьмешь? — спросил Тимофей довольно холодно. — Дудников мне наберет факты, а я потом решу, что с этими фактами делать. И так, видишь, все валится — и Долголенко этот гребаный, и Шубин, и журналисты...

— Я не верю, что он такой... непрофессиональный жулик, — сказала Катерина твердо. — Может, он и делал какие-то дела в обход тебя, но не так топорно, как написано в статье. Это я тебе точно говорю, Тимыч. Я его не знаю совсем, может, он, конечно, подлец первостатейный, но он точно не дурак.

— Был бы дурак, я бы его не держал так долго, — пробормотал Тимофей. — И кого на его место брать, не знаю.

— Подожди, — посоветовала Катерина осторожно. — Не бери никого. Не ровен час увольнять придется.

Тимофей неожиданно улыбнулся, поймал Катерину за халат, притянул к себе и поцеловал вкусные, пахнущие кофе губы.

— А вот тут ты не права, дорогая, — объявил он, близко глядя ей в глаза. Потом перевел взгляд на ее губы, словно примериваясь, и поцеловал снова. — Возьму. Завтра же возьму. И не кого-нибудь, а того, за кого больше всех просить будут.

— Кто будет просить? — не поняла Катерина.

— Не знаю, — сказал Тимофей Ильич. — Посмотрим.

Лидия задумчиво и методично включала и выключала настольную лампу. Желтый свет загорался и гас. Когда он загорался, лежащие перед ней бумаги казались серыми, а когда гас — бледно-голубыми.

— Ты что? — спросила Нинулька. — В раздумьях?

— Пожалуй, да, — согласилась Лидия. — Пожалуй, в раздумьях.

— Ты знаешь, вчера к Леонтьеву приезжал твой герой, — понизив голос, доверительно сообщила Нинулька. —

184 Ну этот, про которого ты написала. Скандал был жут-

кий. Леонтьев его еле выставил. Он буянил, требовал, чтобы ему показали документы. Ты его не видела?

— Нет, — сказала Лидия.

— Странно, — удивилась Нинулька. — Его все видели. Где ж ты была?

— В туалете. — Лидия сказала чистую правду. Странно, что Тамара Петровна ничего не разболтала про инцидент на лестнице. Просто кремьень, а не Тамара Петровна.

Нинулька нашла в столе заварку и насыпала в чашку.

— Хочешь?

Лидия отрицательно покачала головой.

— Ты что такая мрачная? Боишься?

— Боюсь, — созналась Лидия. — Оказывается, в разоблачительных статьях нет никакого кайфа.

— Смотря в каких, — весело сказала Нинулька. — Я тебя уверяю, что Доренко от своих разоблачений испытывает просто жгучий кайф.

— Его кайф выражается в конкретном денежном эквиваленте, — буркнула Лидия. — А мой только в страхе за собственную шкуру.

— Ну, поэтому он Доренко, а ты — Шевелева, — сказала Нинулька философски. — Не бойся. Леонтьев тебя на съедение не отдаст.

На самом деле это был главный вопрос.

Она до сих пор не могла понять, какую роль во всем этом играет Игорь Леонтьев. Вариантов, как выражается в таких случаях Егор Шубин, может быть только два: или Леонтьев подставил ее и, следовательно, он с самого начала знал, что документы фальшивые, или не знал и, следовательно, его тоже кто-то подставил.

Кто же? Главный? Или кто-то еще выше главного?

Нинулька отпила из чашки с надписью «Я люблю Нью-Йорк».

— Ты бы с Игорем поговорила, если боишься этого Шубина, — посоветовала она, подумав. — Ведь это он давал разрешение на статью. Значит, они с главным что-то там проверяли...

— Нин, — сказала Лидия и посмотрела на дверь, из-за которой доносился привычный, успокоительный и мирный редакционный шум, который сейчас действовал Лидии на нервы, — копии бумаг были у меня дома. Вчера кто-то забрался ко мне в квартиру и все копии вытащил.

— Да ты что!.. — ахнула Нинулька.

— Я боюсь идти к Леонтьеву, — призналась Лидия. — Потому что если у него документов тоже нет — все. Я пропала. Понимаешь?

— Понимаю, — протянула Нинулька. — А как это вышло, что их украли?

— Обыкновенно. Как все крадут. Влезли в квартиру и украли. Я приехала — бумаг нет.

— А у кого был ключ от твоей квартиры? — тут же спросила Нинулька. — Ты знаешь?

Почему-то Лидия об этом не подумала.

Ключ, ключ...

Ключ был у матери, но она забрала его, когда потеряла свой. Потом вернула, когда сделала дубликат. У Леонтьева никогда не было ключа от ее квартиры. И ни у кого не было. Она никогда не давала любовникам ключи от своей квартиры. Мой дом — моя крепость. Мужчины приходят и уходят, а дом остается.

— Нин, — внезапно вспомнив, сказала Лидия испуганно, — я недавно ключи потеряла. И даже к матери ездила за запасными.

Это было... дня три назад. Или пять. Да, точно, пять дней назад.

— Поздравляю, — сказала Нинулька. — Ключи у тебя вытащили.

— Если вытащили, — Лидия перестала включать и выключать лампу и потерла лоб, — значит, пять дней назад кому-то было известно, что эти бумаги... фальшивка.

Нинулька со стуком поставила кружку на стол.

— Лидия, — она старательно потерла пальцем какое-то незаметное для Лидии пятно на столе, — иди-ка ты прямо сейчас к Леонтьеву. Он знает, что у тебя бумаги пропали?

Лидия покачала головой.

— Ну вот. Расскажешь, что бумаги пропали и что на той неделе ты потеряла ключи. Мне кажется, что все это нужно рассказать ему как можно скорее.

Но Леонтьева не было на месте. Лидия прислушивалась к тишине в его кабинете со смесью страха и облегчения.

А что, если он знал, что бумаги ненастоящие? Что, если он с самого начала знал, чем должна кончиться вся комбинация, и даже планировал ее? Как ей быть? Спасать ее некому, и отец всегда говорил, что, когда опасность действительно реальна, спастись нужно самой. Никто не станет тащить тебя из-под перекрестного огня.

— Да он не приходил с утра! — сказал Лидии Павел Владимирович Гефин. Как всегда, он куда-то спешил, в руках у него была огромная, полная бумаг папка.

Что он там таскает в этих папках, подумала Лидия с неожиданным раздражением.

— Уехал в Кремль, там сегодня какой-то важный брифинг. — Павел Владимирович всегда был осведомленнее всех. Наверное, только Тамара Петровна могла перещеголять его в вопросах осведомленности. И еще он был отличный журналист. Профессиональный, выдержанный, проверяющий все до последней точки. Лидия его терпеть не могла.

— А ты соскучилась? — напоследок поддел Павел Владимирович. Это означало, что ей не стоит забывать о том, что он знает о ее романе и знает, как все печально закончилось.

— Не успела, — проворковала Лидия сладко и взяла Павла Владимировича под руку. От сладости собственного голоса у нее даже зубы заболели. — Мы утром только расстались, и он так спешил, что забыл у меня свои презервативы. Вы не передадите, если увидите, Павел Владимирович? А то я сейчас уезжаю...

Гефин посмотрел на нее страшными глазами, что-то нечленораздельно замычал, выдернул руку и пошел по коридору, несколько сбившись со своего привычного размеренного шага. Его округлая спина и розовая глянцева́я лысина выражали целую гамму чувств — от негодования до омерзения.

«Ну и пусть, — решила Лидия. — Терять мне все равно нечего. Если Леонтьев все знал, значит, завтра, ну от силы послезавтра, меня уволят, и даже Станислав Зайницкий ничем не сможет мне помочь.

Таких ошибок не прощают и не забывают никогда».

Внезапно ей стало холодно и тошно.

— Стас, — окликнула она пролетавшего мимо Смирнова. — Дай сигарету.

Смирнов затормозил и вернулся.

— Скучаешь? — спросил он, торопливо роясь в карманах. — Тяжело ты, бремя славы?

— Какой еще славы! — отмахнулась Лидия. Он протянул ей сигарету, она прикурила, и он сказал:

— На тебя сегодня все газеты ссылаются. Ты что, не слышала? А вчера в программе «Время» сказали и тоже на нас сослались, что это, мол, наши данные. И утром по «Русскому радио» в обзоре печати...

— Да ты что... — пробормотала Лидия таким тоном, как будто он сказал, что ее фотографии вместе с домашним телефоном напечатал журнал «Плейбой».

— А ты ничего не видела и не слышала? — спросил Смирнов недоверчиво.

Она не могла ничего видеть и слышать потому, что вчера вечером ездила с Егором Шубиным выручать его брата. А сегодня утром на кухне у Егора Шубина, где она пила кофе и ела теплую булку, которую принес дед Егора Шубина, не работали ни приемник, ни телевизор.

— Это называется резонанс, — пояснил Смирнов, следя за выражением ее лица. — Ты не знала, что скандальные материалы всегда вызывают... резонанс?

— Стас, отстань от меня, — попросила Лидия жалобно. Ей нужно было подумать. И позвонить. Позвонить как-то так, чтобы ее никто не слышал. И так совершенно напрасно она рассказала Нинульке, что у нее украли документы.

Лидия решительно потушила сигарету и почти бегом бросилась в свою комнату. Нинулька ушла на выпуск —

дили. Лидия взглянула на часы. Два часа. Сейчас народ начнет подтягиваться.

Она торопливо набрала номер, который знала наизусть.

— Игорь, — позвала она, когда ответили, — это Лидия. Ты будешь сегодня?

— Вообще-то нет, — промямлил Леонтьев. — Не соби-
рался. Я в Кремле. А что случилось?

— Ничего, — сказала Лидия решительно. — Просто я
хотела с тобой поговорить по поводу той моей статьи.

— А что со мной говорить? — спросил Леонтьев, отчего-
то приходя в раздражение. — Статья не одна на свете, тебе
что, больше делать нечего? Обзор по бюджету у тебя готов?

Елки-палки, как она могла забыть! К пятнице она долж-
на сдать громадную статью о бюджете будущего года. Статья
была сложная не только из-за темы, но и из-за обилия мате-
риала, на который обязательно нужно было ссылаться. А
Лидия еще не бралась.

— Почти готова, Игорь, — уверила она. — Значит, ты не
приедешь?

— А где ты вчера была? — спросил он неожиданно. — Я
тебе звонил...

— Зачем? — спросила она неосторожно. Кровь прилила
к голове, щеки стали красными.

— Просто так. — Лидии показалось, что он усмехнулся. —
Не пугайся, я вовсе не собираюсь контролировать, как ты про-
водишь время.

— Я у матери была, — сказала она жалким голосом.

— Ты же к ней по субботам ездешь.

Это было так на него не похоже, что она насторожилась.
Даже когда он с ней спал, он не знал, когда она ездит к
матери, по каким дням у нее бассейн и какого цвета у нее
машина.

— Она позвонила, — сказала Лидия, старательно подби-
рая слова, — и мне пришлось ехать...

— Ну пока, — неожиданно попрощался Леонтьев, как
будто она моментально перестала его интересовать.

Лидия задумчиво постучала себя по лбу трубкой,
в которой гудел отбой.

Значит, он не придет... Он в Кремле и сегодня не придет.

Она положила трубку на аппарат и выскочила в коридор. Сбежала два пролета по лестнице и постучала в тесную дежурку.

— Здравствуйте, — сказала она. — Дайте ключи от триста двадцатой. Начальник только что позвонил из Кремля, попросил бумаги ему на факс кинуть.

— Как фамилия? — спросил мрачный охранник, открывая засаленную книгу.

— Матвеева, — не моргнув глазом сказала Лидия. Матвеева была фамилия Тамары Петровны, но охранник этого не знал. Он знал, что в редакции есть Шевелева, Матвеева, Леонтьев, а может, Леонтьева, и на все остальное ему было наплевать.

Охранник записал в книгу ее новую фамилию, открыл фанерный шкафчик и снял с гвоздика ключи.

— Не забудьте вернуть, перед тем как домой уйдете, — сказал он внушительно.

— Спасибо, — пробормотала Лидия, не ожидавшая, что все получится так легко.

Осталось только быстро снять копии, закрыть кабинет и вернуть ключ. Она была уверена, что справится.

— Лид, привет, — сказал ей кто-то из журналистов, куривших на лестнице, когда она пролетала мимо, — ты у нас теперь знаменитость?

— Ну конечно, — храбро сказала она, не притормаживая. — А ты как думал?

В коридоре тоже толкались какие-то люди.

Всегда так. Когда кто-нибудь нужен, никого нет. А когда раз в жизни соберешься тайно забраться в кабинет к начальнику — все почему-то оказываются в непосредственной близости от этого самого кабинета.

Лидии пришлось три раза пройти мимо, делая вид, что леонтьевская дверь ее вовсе не интересует и она просто торопится куда-то по важным редакционным делам. Воронин пристал с какими-то вопросами, но она быстро от него отделалась.

Времени у нее не было. Как в любой приличной редакции, рабочий день у них начинался ближе к трем, и значит, скоро в коридорах будет не протолкнуться. Все приедут с заданий, засядут за компьютеры, будут шататься из комнаты в комнату с очередными сенсациями.

«Господи, ну помоги же мне хоть чуть-чуть!..»

Проходя мимо двери в четвертый раз, она оглянулась по сторонам и обнаружила, что в данную секунду в коридоре никого нет. Со стороны лестничной клетки неслись отдаленные голоса, из открытой двери в приемную главного доносились бас Тамары Петровны и телефонные трели, голос Смирнова за фанерной перегородкой невнятно прорабатывал кого-то за задержку материала.

Да. Сейчас.

Еще раз оглянувшись по сторонам и нащупав в кармане скользкий ключ с круглым колечком, Лидия приблизилась к двери и на всякий случай еще раз постучала. Никого. Тогда она, выворачивая подкладку, выдернула из кармана ключ, вставила его в замочную скважину и повернула.

Дверь не открывалась. Голос Смирнова стал приближаться. Очевидно, он шел в ее сторону.

«Спокойно. Попробуй еще раз».

Ей стало жарко.

Она вытащила ключ, не слыша ничего, кроме приближающегося голоса Смирнова и ударов собственного сердца, которое билось почему-то в ушах, и вставила снова. И повернула.

Дверь открылась легко и бесшумно. Лидия шагнула внутрь и закрыла ее за собой в ту самую секунду, когда из-за угла вышел Смирнов. Она слышала, как он все еще доругивает кого-то.

Она перевела дыхание, осторожно повернула ключ, тихонько вытащила и положила себе в карман. И прижалась лбом к холодной белой поверхности.

Теперь осталось не так уж много — найти бумаги, сделать копии, выйти из кабинета так, чтобы ее никто не заметил, и вернуть ключи охраннику.

В кабинете было полутемно. Леонтьев, уезжая вчера вечером, конечно, жалюзи поднимать не стал. Пахло скверно — застоявшимся сигаретным дымом, вьевшимся в полы и стены, и лежалой бумагой. На столе — неровные кучи бумаг. Бумаги на подоконнике, на журнальном столике, на кресле.

«Я буду искать этот жалкий договор до завтра. Утром Леонтьев обнаружит меня здесь в паутине и в бычках, с безумным взором и ворохом бумаг в кулаке. Отлично».

Она осторожно подошла к столу и стала просматривать папки. Интересно, почему она решила, что *те бумаги* будут просто так лежать у Леонтьева на столе? Почему она была так уверена, что он не возит их с собой или не держит в сейфе? Или не хранит дома?

Папок было много, и она присела на край его кресла. Кресло скрипнуло, и она вздрогнула, как вздрагивает любой слабонервный преступник от случайного шороха.

Еще нужно посмотреть в столе. Наверное, в первую очередь нужно посмотреть в столе. Вряд ли важные бумаги просто так валяются сверху.

Она выдвинула ящик, набитый так, что он с трудом ходил в пазах. Елки-палки, она отродясь не подозревала, что Леонтьев такой барахольщик! Сидеть было неудобно, и она наклонилась, почти съехав со стула.

По коридору за закрытой дверью кто-то быстро прошел, заставив ее замереть.

«Не смей так трусить! Раньше надо было трусить, а теперь нужно спасти свою шкуру, и если Шубин знает, что для этого необходимо сделать, значит, ты должна ему помочь. Спасая себя, он заодно спасет и тебя. Может быть...»

И тут грянул телефонный звонок.

Он ударил прямо ей в ухо, как набат, как колокол, как воздушная тревога. Все. Ее поймали. Ее поймали на месте преступления, и пощады не будет. Сердце остановилось.

Телефон продолжал звонить.

Ничего не происходило.

Лидия из-под стола затравленно смотрела на телефон.

В телефонных недрах что-то щелкнуло, звонки прекратились, зашуршала пленка автоответчика. Только и всего. Телефон позвонил, автоответчик записал. Ничего не случилось.

Лидия перевела дыхание.

Нужно быстрее закончить — или все пропало.

Она стала выгружать бумаги прямо на пол, но нужные документы все не находились. Да где же они, черт их возьми!..

Их не было ни во втором, ни в третьем ящиках. И на столе их не было тоже. Прошло полчаса. Лидия задвинула последний ящик и огляделась в полном отчаянии.

Ключей от сейфа у нее нет. Прорываться сквозь заросли бумаг на подоконнике и на креслах нет времени, а бумаг слишком много.

Она проиграла. Она ввязалась в сложную партию и проиграла на втором ходу. Даже не на пятом.

Дура. Идиотка.

Она пнула ногой стол и тут же замерла от раздавшегося резкого звука.

Так, все. Нужно уходить.

Лидия осторожно поднялась с кресла, стараясь, чтобы оно не скрипнуло, сверху посмотрела на ящик и задвинула его поглубже, чтобы оставить все как было. Ящик перекосило, и пришлось нагнуться, взяться за него двумя руками и хорошенько встряхнуть. Крошечная кассета вынырнула из бумажных глубин и, как по горке, съехала к передней стенке.

Она узнала ее. Это была та самая кассета, которую она нашла в собственном почтовом ящике после того, как получила документы. Кассета с записью разговора Егора Шубина с каким-то неизвестным. Разговора, в котором шла речь о пресловутой фирме «Континенталь».

Взять или не взять?

Бумаги — другое дело. Никто и никогда не узнал бы, что она снимала с них копии. Она оставила бы все в прежнем виде. Кассету она переписать не может. Она может ее только украсть. Не найдя кассету, Леонтьев поймет,

что в кабинете у него кто-то был, и вычислить, кто именно, будет очень просто.

Взять или не взять?

Шаги в коридоре. Быстрые и решительные. Лидия узнала бы их даже через сто лет.

— Игорь? — В приглушенном голосе Смирнова удивление. — А мне с утра сказали, что ты где-то на стороне, то ли в Думе, то ли в Совете Федерации.

— Президент не приехал, и нас выпроводили. — Леонтьев возился с замком. Лидия закрыла глаза. Ящик оттягивал ей руки.

Все. Доигралась. Сейчас он войдет, и...

Эта мысль как будто вернула ей самообладание. Она проворно и бесшумно задвинула ящик, в последний момент выхватив из него кассету. Кассета показалась невесомой, как будто ненастоящей.

Ключ повернулся второй раз.

Деваться некуда. Кабинетик крошечный, и нет никаких смежных помещений, ни комнаты отдыха, никакого другого закутка.

«Господи, помоги мне!..»

Она метнулась в сторону, перескочила через корзину для бумаг и юркнула под стол для переговоров. И задвинула себя креслом.

Распахнулась дверь, вспыхнул свет.

Корзина для бумаг, которую она задела в своем кенгурином прыжке, покачивалась из стороны в сторону.

«Господи, Господи, смилуйся надо мной...»

Скрипнула дверь шкафа, в который Леонтьев вешал свое пальто. Прямо у нее под носом прошли лакированные ботинки. Правый был чем-то выпачкан. Лидия зажмурилась.

Прошуршало по ковровину кресло, перематывая пленку, запиликал автоответчик.

— Игорь, — раздался сочный бас, — позвони Маришке, у нее какие-то новости относительно РИА. То ли назначения, то ли увольнения. Пока.

Леонтьев пробормотал что-то невнятное.

— Милый! — Голос нежный и чистый, как горный ручей. — Ты уехал и даже не попрощался. Я на работе. Как мне тебя найти? У тебя мобильный не отвечает.

— Игоречек, это мама. Папе вчера прописали децинон, может, ты купишь? В нашей аптеке нет. Звонила Маша, сказала, что в субботу вы заедете. Может, и лекарство завез бы?

— Децинон, — повторил Леонтьев. Зашуршала бумага. Очевидно, он записывал название.

В дверь постучали. Лидия вздрогнула так, что чуть не стукнулась головой о крышку стола, и что есть силы сжала кулаки.

— Игорь! — Голос Тамары Петровны. — Как хорошо, что ты приехал. Зайди прямо сейчас к Сергею. — Так звали главного. — Что у тебя с мобильным? Я тебе полдня звонила.

— Батарейки сели, — ответил Леонтьев недовольно. — Сейчас иду.

Лидия замерла. Он выдвинул ящик, вытащил какую-то папку, прямо перед ее носом похлопал себя по карманам, проверяя, есть ли у него сигареты. Потом поднялся, опять прошуршало кресло, прошли мимо лакированные ботинки, открылась и закрылась дверь.

Ушел.

Теперь самое главное — быстро. Быстро и аккуратно.

Лидия выбралась из-под стола, пихнула на место кресло, лихорадочно одернула задравшуюся брючину, кинулась к двери, цепляя каблуками ковровин, и приникла ухом к белому пластику.

Вроде все тихо. Она осторожно нажала ручку и посмотрела в образовавшуюся крошечную щелку.

— Шевелеву не видели?! — закричал откуда-то Смирнов. — Ребята, куда делась Шевелева?

Он не в коридоре, скорее всего на лестнице. Лидия проворно, как уличная кошка из подъезда, выскользнула в пустой коридор и опрометью бросилась в другую сторону.

— Да вот она носится!

— Где?

— Лидия, где ты?!

— Я здесь, — сказала она совершенно хладнокровно. — Чего ты орешь? Если по поводу бюджетной статьи, так мы уже с Леонтьевым все обсудили!

— Когда же вы успели? — спросил Смирнов язвительно. Он не любил, когда журналисты принимали какие-то решения без консультации с ним.

— По телефону, Стасик! — ласково сказала Лидия, стараясь ровно дышать. — Послезавтра статья будет, и, клянусь, ты будешь первым, кому я ее покажу.

— Ты чего бледная такая? Заболела?

— Голова заболела. — Она не знала, что по ее лицу все видно. — Я, наверное, поеду скоро. Можно?

Стас моментально растаял, чувствуя себя начальником.

— Езжай, конечно, — разрешил он. — Леонтьева я предупрежу.

— А он что, приехал? — спросила Лидия с фальшивым удивлением.

— Только что! — Стас уже удалялся от нее. — Езжай, Лидия, не заражай народ.

Она вернулась в свою комнату, чувствуя в переднем кармане брюк крошечную кассету. Повернувшись спиной к двери, она проворно вынула ее и сунула в сумку.

Теперь нужно поговорить с Шубиным.

Только как?!

Телефона она не знает. В жилой комплекс, где он квартирует, ее, конечно, не пустят. Номера квартиры она тоже не знает. Вчера было слишком поздно, и она слишком устала, чтобы обратить на это внимание. Даже этаж помнит смутно. То ли четвертый, то ли пятый. А охраняют там на славу.

Ругая себя за то, что оказалась такой тупой и не сообразила, что ей понадобится телефон, она надела дубленку и пошла к лифту.

— Уходишь? — спросил попавшийся ей навстречу Саша Воронин.

— Голова болит, — пожаловалась она несчастным голосом.

Человек, который следил за ней с тех пор, как увидел ее входящей в пустой кабинет Леонтьева, до-

ждался, пока закроются двери лифта. Потом он бросил сигарету, которую неспешно потягивал, и вышел наперерез Воронину.

— Шевелева совсем ушла? — спросил он озабоченно.

Воронин пожал плечами:

— Сказала, что голова болит. Она у нас теперь знаменитость, ей все можно...

Человек кивнул сочувственно.

Что она могла искать в пустом кабинете Леонтьева? И почему вообще ей пришло в голову что-то искать там?

Догадалась, ведь она всегда была умна? И о чем именно она догадалась? Сразу обо всем она догадаться не могла.

Он быстро пошел по коридору. Все оборачивается не слишком хорошо. Нужно предупредить. Предупредить и поторопить.

Если она такая приткая, значит, ее срок нужно приблизить. Он мог сожалеть о ней, пока она была безопасна. Сейчас ему не было ее жалко. Она представляла угрозу его собственной безопасности.

Влезла в чужую игру — пусть получит. И немедленно.

Лидия сидела на кухне и грела о чашку холодные руки. Голова и вправду болела так, что хотелось отвинтить ее и приставить себе другую, которая бы не так болела.

Выброс адреналина в кровь, стрессовое состояние, сильный всплеск эмоций. Черт знает что...

Ей было ознобно и неуютно. Дом перестал быть крепостью. Мало ли кому взбредет в голову навестить ее! Замок ей поменяли очень быстро. Пришел полупьяный дедок — слесарь в синем комбинезоне, с фибровым чемоданчиком и дрелью, вырезал старый замок и врезал новый. Получил «на водку» и отбыл, благодаря и кланяясь.

Но что замок, если кто-то решит снова поискать что-нибудь интересное у нее в квартире!

Она скосила глаза в пульсирующих от боли орбитах и посмотрела на часы. Скоро шесть. Интересно, Шубин уже нашел настоящее название фирмы или так до сих пор и ищет? Наверное, ей придется к нему ехать. И назы-

вать себя, и просить дежурного связаться, и надеяться на то, что он окажется дома и пустит ее. А если там только его дед, который, конечно же, уже узнал, кто такая Лидия Шевелева, и возненавидел ее лютой ненавистью?

Кто стоит за всей этой пьесой, которую она разыграла с таким блеском? Кто-то из личных врагов Егора Шубина? Кто-то из конкурентов Тимофея Кольцова, кто надеется таким способом выбить у него почву из-под ног? Кто решил использовать для этого ее, Лидию Шевелеву? Леонтьев, бывший любовник и блестящий журналист? И почему ее?! Потому что дура? Или потому, что дура с амбициями?!

Зазвонил телефон. Лидия вздрогнула, в голове что-то лопнуло и разлетелось в разные стороны. Чашка стукнула о стол. Заложило уши.

Она наблюдала за своей рукой, которая потянулась к трубке так, как будто это была чья-то чужая рука и она не могла ее остановить.

— Да! — прохрипела Лидия в трубку. — Да...

— У тебя грипп, — констатировала в трубке мать. — Так я и знала.

— Мама? — переспросила Лидия, не веря себе. — Мама, это ты?!

— Ты меня заразила, — сказала мать голосом Веры Комиссаржевской в роли Катерины по пьесе Островского «Гроза». — Ты меня заразила перед самой поездкой. Я спрашиваю себя, не сделала ли ты это специально, просто чтобы доказать мне, что мое место вовсе не среди тех, кто так хорошо меня понимает...

— Мама, о чем ты? — спросила Лидия. — Мам, опомнись! Я тебя заразила?! Я не больна! Я... я задумалась просто...

— На твоей работе мне сказали, что ты заболела. — В голосе матери уже звучали слезы. — Вчера я весь вечер провела у телефона, пытаюсь дозвониться. Скажи, ты выключила телефон, да? Ты специально выключила телефон, чтобы я как следует поволновалась. Правда? Ну скажи, правда? А тогда, когда ты приехала ко мне, ты уже знала, что у тебя грипп, и приехала специально, чтобы заразить меня?

— Мам, ты с ума сошла, — с досадой сказала Лидия то, чего не говорила никогда. — Ну что ты выдумала?

— Я не выдумала! — вскрикнула в трубке мать, строго следуя законам жанра. — Ты не хочешь меня понять, совсем не хочешь. В глубине души ты мечтаешь, чтобы я провела остаток жизни так же убого и серо, как все годы, что я прожила с твоим отцом...

— Отца уже два года нет, мама, — сказала Лидия холодно. — И твоя поездка на форум нетрадиционного искусства не имеет в нему никакого отношения. Слышишь?

Мать молчала, лишь коротко дышала, как затравленная охотниками лань, и тут позвонили в дверь.

Лидия выронила трубку.

— Лида! — закричала мать из трубки, качавшейся на шнуре под столом. — Что там у тебя с телефоном? Алло! Алло! Ты слышишь?!

Она ничего не слышала.

Никто не мог звонить к ней в дверь. Соседи предупредили бы по телефону, что им что-то от нее нужно. С улицы в подъезд просто так не зайдешь — домофон. Новый, только недавно поставленный. Гостей она не ждет.

Снова звонок!

— Мама, подожди, — пролепетала она в трубку, поймав ее под столом. — Кто-то в дверь звонит. Я открою.

Может, притвориться, что никого нет дома? Позвонят-позвонят, да и уйдут?

А если не уйдут? Решат, что ее нет, и станут ломать новый замок, ключи от которого у нее еще не успели украсть!

Не зажигая света, понимая, что терять ей нечего, кроме жизни, которая ничего не стоит и которую не спасет ни один замок, она подошла к двери и посмотрела в глазок.

На площадке стоял Егор Шубин.

Она зачем-то подержалась за лоб, помедлила секунду, чтобы успокоить вновь взыгравший адреналин, и распахнула дверь.

— Я знал, что вы дома, — сказал Шубин равнодушно. — Можно войти?

— Как вы сюда попали? — спросила Лидия, стоя у него на пути. — Двадцать минут назад домофон был в полном порядке.

— Он и сейчас в порядке, — уверил Шубин, вешая дубленку. — Я, конечно, уже второй день безработный, но я же не полный кретин. Цифры 3, 5 и 9 на вашем домофоне блестят, как начищенные. Все остальные грязные и ржавые. Как вы думаете, что это означает?

Лидия еще секунду стояла, во все глаза глядя на него, потом вспомнила про мать и бросилась в кухню.

— Мам, ты слушаешь?

— Кто к тебе пришел? — спросила мать как ни в чем не бывало. — Начальник?

— Нет, — сказала Лидия, — не начальник. Мам, я тебе перезвоню попозже, ладно?

— Ради чужого человека ты обрываешь разговор с матерью?!

— Мам, я не могу сейчас разговаривать...

— Но почему? Что изменилось? Разве человек, который пришел к тебе, важнее, чем я? Почему с ним ты можешь разговаривать, а со мной нет?!

В открытую дверь Лидия видела Шубина, который снимал ботинки.

— Мама, я тебе все потом объясню. У меня очень важный разговор.

Шубин возник на пороге кухни. Он был в синих джинсах и бежевом свитере, с красным от мороза лицом.

— Я подожду, — сказал он одними губами. — Договаривайте спокойно.

Но разве она могла договаривать в его присутствии!

— Мама...

— Мне очень неприятно об этом спрашивать, но я вынуждена это сделать. Я так понимаю, что ты со мной не едешь?

— Нет, — призналась Лидия, села в кресло и нагнулась к коленям. Она часто так делала маленькая, когда волновалась. — У меня сейчас... проблемы на работе.

— У тебя всегда проблемы на работе, — констатировала мать. — У тебя проблемы на работе, проблемы с любовниками, проблемы со всеми, только со мной у тебя нет никаких проблем, а те, которые есть, ты не хочешь замечать!

— Кофе будете? — спросила Лидия у Шубина, зажав микрофон ладонью. Он кивнул. — Я только что сварила. Наливайте. Чашки на полке справа.

Он нашел чашку, налил кофе и быстро ополоснул под краном руки. Поискал, чем бы вытереть, и вытер прямо о свои безупречные джинсы. Этот жест почему-то до глубины души поразил Лидию.

— Ну хочешь, я поговорю с твоим начальником и попрошу, чтобы он отпустил тебя на неделю?

— Нет, мам, лучше не надо...

— Конечно! — сказала мать с торжеством в голосе. — Конечно, не надо. Потому что если я поговорю, он тебя отпустит и тогда придется ехать со мной, — а тебе ведь это так неприятно!

Она опять коротко задышала, подготавливая себя к слезам.

— Это просто непорядочно, Лидия! Ты разрушаешь собственную карму, выстраивая отношения с матерью таким чудовищным образом. Это непорядочно не только по отношению ко мне, но и к твоим будущим детям, которые вынуждены будут расплачиваться за искривления в твоей карме...

— Мам, у меня еще нет детей, — простонала Лидия. — Я не могу сейчас это обсуждать, ко мне пришли... с работы...

Шубин деликатно смотрел в сторону, не обращая на нее никакого внимания, однако в комнату не уходил. Чтоб он провалился, этот Шубин! Принесло еще на ее голову!

— Может быть, я должна нанять переводчика? — осведомилась мать. — Раз моя собственная дочь ни в чем не хочет мне помогать, значит, я должна нанять человека со стороны, который в силу должностных обязанностей, а не по долгу сердца...

— Трудно приходится? — тихо спросил Шубин и неожиданно улыбнулся. В улыбке было сочувствие и, пожалуй, понимание.

— Ужасно, — ответила Лидия. — Самое главное, что сделать ничего невозможно. Если я повешу трубку, она моментально перезвонит. Если не отвечу — вызовет «скорую» и начнет умирать.

Шубин кивнул.

— Ты не понимаешь, что разрушаешь то единственное, что составляет связь между поколениями и что называется «голосом крови»...

— Мама! — Лидия решила, что дальше продолжать в том же духе невозможно. — Я не могу поехать с тобой в Германию, и изменить ничего нельзя. Я должна сейчас оставаться на работе. Произошел скандал, связанный с моей статьей, и пока он не разрешится, я никуда не могу уехать из Москвы, понимаешь? Если я уеду, меня уволят.

— А твой любовник? — тут же спросила мать. — Разве он тебе не может помочь?

— Мама, он давно уже не мой любовник! — в бешенстве крикнула Лидия и швырнула трубку.

Воцарилось молчание. Не глядя на Шубина, Лидия потерла горящие щеки и сказала:

— Ужас какой-то.

— Кто давно уже не ваш любовник? — спросил Шубин таким тоном, как будто спрашивал не он, а кто-то другой. — Вы сказали: «Он давно уже не мой любовник».

— Леонтьев, — ответила Лидия с неожиданной злобой и отняла руки от щек. — Игорь Леонтьев мой бывший любовник. Вам-то что за дело до этого? Или вашу карму я тоже разрушаю?

У него вдруг странно изменилось лицо, стало злым и растерянным, как будто ее признание было последней каплей, переполнившей неведомую чашу. И даже очки не могли этого скрыть.

— Да пропадите вы пропадом вместе с вашим любовником! — заорал он совершенно неожиданно. — Это что, ваш совместный проект? Вы и ваш любовник решили разоблачить меня общими усилиями?! Почему, черт бы вас побрал, вы мне сразу об этом не сказали?!

— О чем?! — тоже заорала Лидия и выскочила из кресла. — Какое вам дело до того, кто именно мой бывший любовник? Вы кто? Что вы о себе воображаете?! Какого рожна вам от меня нужно?!

— Рожна? — переспросил он и сдернул очки. — Рожна?!!

В один шаг он приблизился к ней вплотную, так что она схватилась за его свитер, чтобы не упасть. Его железные пальцы впились в ее плечи, он хорошенько тряхнул ее, как будто ему было противно к ней прикасаться.

— Вы... вы... — Так и не найдя слов, он снова потряс ее, делая больно.

— Отпустите! — прошипела Лидия, как злобная кошка, которую поймали за хвост, когда она угощалась хозяйской сметаной. — Отпустите сейчас же, мне больно!

Почему-то *на этот раз* ей совсем не было страшно. Не то что тогда, на лестнице. Как будто она знала, что он не причинит ей никакого вреда. Или на самом деле знала?

— Я бы вас отпустил, — произнес он с отвращением, — если бы мог.

И поцеловал ее.

Она запищала, вырываясь и мотая головой, но Шубин лишь чуть сильнее прижал ее к себе.

Соппротивление бесполезно. Вы окружены.

У него были твердые и почему-то холодные губы, агрессивные и опытные. И жесткие щеки с отросшей за день щетиной. И очень темные глаза египетского фараона, безжизненные, как ночная Сахара. Лидия поскорее закрыла глаза, чтобы не видеть их так близко.

От него хорошо пахло — одеколоном, машиной, морозом, который еще не выветрился из волос. И он весь под ее ладонями был живой, теплый и сильный, как хорошо ухоженный, но все же дикий зверь, который дает себя погладить, но при случае вполне может оттяпать руку.

Она пошевелилась и перестала думать о том, что делает. В конце концов, какая разница!..

Он нравился ей ужасно. Нравился с того самого момента, когда она выскочила из кустов, а он сказал...

Лидия провела рукой по его груди, по бежевому свитеру, потом по сильной шее, чувствуя, как под шершавой кожей колотится пульс, потом за ухом, запустила пальцы в густые темные волосы на затылке и легонько сжала. Он шумно вздохнул, прижал ее сильнее, чуть не отрывая от пола, взял ее за подбородок, за хрупкие косточки и снова поцеловал, не давая увернуться.

— Да что это такое!.. — в отчаянии пробормотала она, когда он от нее оторвался.

— Рожна... — повторил Шубин, тяжело дыша, — рожна...

Она засмеялась и поцеловала его. Очень осторожно, как будто пробуя на вкус. Потом еще раз. Ей нравился его запах и ощущение от его губ, и было совершенно наплевать на то, что он о ней подумает, хотя в обычной жизни это всегда ее очень заботило. Но поцелуи с Шубиным лежали за гранью обычной жизни.

— Остановись, — велел он, когда она положила ладони ему на грудь и поцеловала в шею. — Сейчас же.

— Ты первый начал, — промурлыкала она, совершенно не стесняясь того, что он ее останавливает, а она не хочет останавливаться. — Сам виноват.

Он поймал ее руки и сильно сжал пальцы. Кольца впились в кожу, делая больно.

— Ты что? — спросила она и выдернула руку. — Мне больно.

— Мне тоже! — сказал он со злостью. — Мне тоже больно.

Он оторвал ее от себя и толкнул в кресло, из которого она выскочила, когда заорала на него.

— Не прикасайся ко мне. Подожди.

Шубин обошел стол и уселся с другой стороны. Потом наклонился и потер лицо. Посмотрел в потолок, закинув голову, и надел очки. Лидия следила за ним со странной смесью раздражения и восторга.

— Послушай, — сказала она и откашлялась, — может, ты не понял, но я совершеннолетняя. Так что за развращение малолетних тебя не привлекут.

— Ты меня успокоила, — пробормотал он, поднялся и налил воды в чайник.

— Если ты сейчас начнешь извиняться, — сказала Лидия неприятным голосом, — я в тебя чем-нибудь кину.

— Слушай меня внимательно. — Егор Шубин присел перед ней на корточки и снова взял ее за подбородок, так что ей волей-неволей пришлось смотреть ему в глаза. — Я думать ни о чем не могу, только о том, как бы мне тебя...

— Трахнуть, — подсказала Лидия. Почему-то ей стало очень весело. Так весело, как никогда в жизни.

— Да, — согласился он и улыбнулся.

— И что тебя останавливает? — спросила она и покраснела, как перезревший помидор.

Господи, да что с ней такое?! Она просто сошла с ума. Только что, на собственной кухне. Она сошла с ума от поцелуев Егора Шубина. Нужно срочно позвонить по 03 или, на худой конец, по 911.

— Лидия, — сказал он медленно, как будто она и впрямь ничего не соображала, а он должен был во что бы то ни стало растолковать ей какую-то сложность, — у меня нет и никогда не было времени ни на какие романы. Женщины, с которыми я спал, были просто женщинами, с которыми я спал. Мне было наплевать на них, а им было наплевать на меня. Ты — из другой категории. Я женюсь на тебе, если останусь жив. Поняла? И мне совершенно все равно, хочешь ты этого или не хочешь. Я просто на тебе женюсь. Но спать с тобой сейчас я не буду. Потому что если... случится что-нибудь, ты будешь убиваться по мне, а мне бы этого не хотелось.

— Убиваться? — повторила она непослушными, как будто чужими губами, потом протянула руку и потрогала его лицо.

Он еще некоторое время внимательно порассматривал ее, сидя перед ней на корточках. Поднялся, вылил из чашек остывший кофе и стал мыть их под краном.

Говорить было нечего, как будто они уже все сказали друг другу.

— Ты... понял, какие названия могли заменить слово «Континенталь»? — спросила Лидия. Ей нужно было спросить его о чем-нибудь. Просто спросить, чтобы перестать думать о том, что именно он сказал.

— Есть несколько вариантов, — ответил он буднично. — У нас есть компания «Инвест-транс». Если считать все подряд, и дефис тоже, то все подходит. Есть ОАО «Янтарный». Тоже подходит. Есть «Кристаллвест» и еще «Балтэкотранс». Самое интересное, что все они работают в интересах разных департаментов. — Он сухо улыбнулся. — «Янтарный» принадлежит хозяйственной службе. «Балтэкотранс» — это промышленная группа. «Инвест» — это банкиры. «Кристалл» — это порт и рыболовная флотилия. Четыре главы департамента. И замы, которых я тоже почти никогда не проверял. Верных восемь человек. За исключением Барышева, которому нет никакого резона меня спихивать. Я ему полезен.

— Кто такой Барышев? — спросила Лидия тоном жены, которой муж рассказывает о том, что его опять обошли с повышением.

— Глава хозяйственной службы. Он с Тимофеем уже лет двадцать. Личный друг, соратник, верный ленинец и так далее.

— Ты знаешь, — сказала Лидия, обращаясь к его спине. Он варил кофе и к ней не поворачивался. Она подозревала, что он не может ее видеть, — я сегодня забралась в кабинет к Леонтьеву, пока он был в отсутствии, и меня там чуть не застукали.

— Ты что? — спросил он и повернулся. — Совсем с ума сошла?

— Я хотела посмотреть бумаги, которые у меня утащили. Ты утром сказал, что это важно. Я была уверена, что они лежат у Игоря в кабинете. Я взяла ключ у охранника и залезла в кабинет. Бумаг не нашла, зато нашла кассету, которую мне в ящик подбросили, помнишь, я говорила?

Он кивнул. Из-за очков было совершенно невозможно разобрать, о чем он думает.

— Леонтьев вернулся, как раз когда я там ковырялась. — От воспоминаний ей вдруг стало холодно и

снова застучало в висках, как тогда, под столом. — Я забралась под стол и сидела там, пока его к главному не позвали. Потом вышла и уехала домой.

— Все? — спросил он. — Больше ничего не произошло?

— Кассета у меня в сумке, — сказала она. — Достать? Послушаешь?

— Ты как мой брат, — сказал Шубин мрачно. — Такая же идиотка.

— Я не идиотка, — возразила Лидия не слишком уверенно. — Ну что? Будешь слушать?

Не дожидаясь ответа, она выскочила из кухни, нашла под письменным столом свою сумку и осторожно, как будто она могла взорваться, выудила крошечную кассетку «Сони».

— Вот! — Она помахала ею перед носом у Шубина, как вражеским штандартом, захваченным в битве. — Сейчас включу.

Отчаянно суется, она выхватила из автоответчика кассету и, несколько раз промахнувшись, наконец вставила на ее место добытую в леонтьевском кабинете. Шубин молчал, опершись спиной о край стола.

Лидия передвинула регулятор громкости на максимум. «Панасоник» засипел, потом на мгновение умолк и проговорил невнятно:

«У меня плохие новости. Боюсь, что придется поторопиться, иначе вся сделка сорвется. Почему вы настаиваете на том, что груз может быть отправлен только в январе?»

Голос Шубина, гораздо более отчетливый, чем голос его собеседника:

«Мы понимаем, что создаем вам определенные неудобства, но наше решение окончательно, и, боюсь, мы не сможем его изменить».

«И что это означает? Что вы отказываетесь от сделки и расторгаете все договоренности? Вы знаете, как плохо это может кончиться, особенно если подробности сделки станут известны Большому Боссу. И прежде всего как плохо это может кончиться лично для вас».

«Это означает то, что означает. — Голос у Шубина был холодный и твердый, как гранитная скала в Северном море. — Но спасибо, что предупредили».

«Декабрьская отгрузка прошла точно по графику, с нашей стороны сделано все возможное, а вы никуда не торопитесь и не хотите идти навстречу».

«Наше нежелание обусловлено только интересами дела».

«Общего дела, Егор Степанович! — Теперь в голосе собеседника Шубина слышна явная досада. — «Континенталь» — это очень хорошие деньги, и почти безо всяких усилий с вашей стороны. От вас только и требуется вовремя пропустить несколько договоров, а вы все резину тянете!»

«Вы меня шантажируете? Или просто угрожаете?»

«Я не шантажирую и не угрожаю, я только прошу вас поторопиться, чтобы сырье ушло в пункт назначения до конца января».

Снова сипение ветхого «Панасоника», какое-то отдаленное телефонное шуршание. Запись кончилась.

Лидия старательно пялилась в раковину, посреди которой одиноко стояли кофейные чашки — одна в другой. Чашки были темно-синие с золотой каймой по верхнему краю. Это еще бабушка когда-то привезла из Питера. Отличные, очень красивые чашки.

Черт бы побрал эти чашки.

Лидия даже представить себе не могла, что запись, которую она совершенно равнодушно выслушала, достав кассету из почтового ящика, и потом еще раз в компании Леонтьева, когда она привезла ее на работу, произведет на нее такое удручающее впечатление. Слушать ее в присутствии Егора Шубина было невыносимо.

Она не могла заставить себя посмотреть на него. Ей было так стыдно, как будто он только что, на ее глазах, совершил что-то непристойное и отвратительное.

— Хочешь кофе? — спросила она наконец фальшиво. — Я сварю...

Не отвечая, он перемотал пленку и включил ее снова.

Лидия поднялась и вышла в коридор. Слушать это еще раз было выше ее сил.

Она вернулась, когда голоса отзвучали и в кухне воцарилась тишина, такая глухая и вязкая, что ей показалось, будто вместе с голосами из кухни исчез и сам Егор Шубин. Однако надежды ее были тщетны. Шубин стоял над «Панасоником» и рассматривал его в глубокой задумчивости.

— Второго голоса я не узнаю, — сказал он, оглянувшись на Лидию. — Нужно еще раз послушать...

— Забирай ее домой и слушай там хоть до завтра. — Лидия обошла его, открыла шкаф, достала банку с кофе, открыла и уронила на стол. Банка покатилась, кофе посыпался неровной коричневой дорожкой. — Ах, черт возьми!

— Слушай, — сказал он с раздражением, — это обычный монтаж. Даже не очень качественный. Ты что? И вправду тупая? Там, — он показал на автоответчик, — я говорю совершенно дежурные фразы, которые я говорю по сто раз в день. Я не называю никаких дат, не упоминаю никаких названий...

— Ты только во всем соглашаешься с человеком, который их называет и упоминает, — перебила Лидия, собирая кофе в подставленную ковшиком ладонь.

— Лидия, — сказал он холодно, — ты можешь мне верить, можешь не верить, это не имеет никакого значения, потому что *мне совершенно точно известно*, что я не воровал, не продавал и не покупал. В этом мое большое преимущество. Я точно знаю, что все это чья-то игра.

Он помолчал, словно ожидая ответа, потом вытащил из «Панасоника» кассету, оделся и ушел.

Гриша Распутин лежал на диване, рассматривал потолок, на котором извивались неведь откуда взявшиеся тени, и вяло думал. Думать ему совсем не хотелось, но он заставлял себя, уверенный, что в конце концов что-нибудь да придумается.

Положение у него было сложное.

Деньги кончились еще три дня назад, и где их можно срочно взять, Гриша не представлял себе совершенно. Как правило, он не обременял себя скучными мыслями о том, где, когда и у кого он возьмет деньги в следую-

щий раз. Деньги в Гришиной жизни имели свойство появляться именно в тот момент и именно в том количестве, какое было необходимо. Всегда подворачивалась случайная работа, или гонорар за давно позабытую статью, или Ольга подкидывала что-то «на бедность».

Однако сейчас ничего такого приятного и неожиданного не вырисовывалась. Ольга со своим идиотом мужем уехала в Лондон и все еще не вернулась, хотя должна была прилететь две недели назад. У мужа там оказались какие-то срочные дела, в Москву он не торопился, ублажал дорогую супругу, возил ее в Шотландию, к морю, на какие-то невиданные английские курорты. Она несколько раз звонила, расслабленно мурлыкала, но, как понял Гриша, возвращаться не собиралась, несмотря на то что все время уверяла любимого, как надоел муж и какой он полный кретин.

На работе тоже в последнее время все шло не так гладко, как обычно. Гриша Распутин давно привык к мысли о том, что он гений и гордость редакции, что заработать он может где угодно и сколько угодно, поэтому особенно никогда не напрягался, позволяя себе много такого, чего не мог позволить обычный — не гениальный — журналист.

Всю прошлую неделю он почти не приходил на работу. Настроение было паршивым и зыбким, как только что замерзший лед на глубокой и грязной луже. Днями он спал, а ночами шатался по клубам или сидел в интернетовских порнографических файлах. Кокаин употреблял умеренно, почти не пил, в исследование глубин собственного подсознания не погружался и к сегодняшнему дню наконец отчетливо осознал, что со всего размаха угодил в жуткую ловушку. Угодил уже давно и долго не подозревал об этом, продолжая весело скакать и прыгать сереньким козликом, от которого в ближайшее время должны остаться рожки да ножки. Если бы он сразу понял, что это ловушка, он, может, попытался бы освободиться, перепрыгнуть через нее или, на худой конец, выползти на брюхе, но он не понял. А сейчас уже поздно.

Поздно, поздно, поздно.

Вода размеренно капала в раковину, сводила его с ума.

Если бы у него были хоть какие-нибудь деньги, он бы уехал. Честное слово, он завтра же купил бы билет на самолет — и прости-прощай Москва со всеми ее уродствами, соблазнами и грязью.

Город-сказка, город-мечта!..

Чтоб он провалился в одночасье, исчез с лица планеты, как исчезла какая-то там Атлантида. В школе Гриша учился давно и плохо и про Атлантиду почти ничего не помнил. Помнил только, что она была, а потом ее не стало.

Вот бы и Москва так! Гриша проснулся бы завтра утром и почувствовал какие-то странные изменения, которые произошли за ночь. Изменился бы сам воздух вокруг него, все пространство приняло бы другие очертания. Изумленный и трепещущий, он выглянул бы в окно и вместо серого, засыпанного грязным снегом и воняющего автомобильным перегаром убогого микрорайона увидел райский сад: голубое небо, зеленую траву, розовые цветущие деревья, речушку, до дна просвеченную солнцем, плотный речной песок в волнистых складках и важных пескарей, греющих толстые спины. Прямо из окна Гриша шагнул бы туда и почувствовал, как солнце щекотно греет уставшую кожу, как легчает в голове, как на душе становится тепло и просторно, как кровь в его жилах из черной превращается в красную, как появляется желание жить. Ведь было же у него когда-то такое желание!

Отец брал его на рыбалку, и это было потрясающее, ни с чем не сравнимое счастье. Солнце вставало над озером, как будто из молока, и сразу начинало греть уши и шею, и камыш из серого становился зеленым, как на картинке, и старинный город как будто сам по себе возникал из исчезающего тумана. Возникал не только на берегу, но и — отражением — в черной и чистой воде, и одуревшая от счастья рыба начинала плескаться прямо под бортом старой лодки, которая так сладко пахла смолой и березовым дымом. И впереди был длинный, огромный, счастливый день с отцом на озере, и больше всего на свете Гриша хотел, чтобы он никогда не кончался. Как будто в это время и в

этом месте была сосредоточена вся радость бытия, все счастье, которое только есть в мире.

Отец очень быстро умер — пьяный упал в сугроб, пролежал до утра, и через неделю его похоронили. Мать боролась с жизнью, боролась изо всех сил и одолевала ее, но больше у нее не было сил ни на что.

Гриша вырос, и старинный русский город с белостенным кремлем и старухами в черных платках, которые истово кланялись и крестились на каждый купол, показался ему пустым и серым, как будто с вынутым сердцем. Настоящая жизнь могла быть только в Москве, и нужно было немедленно отправляться и покорять ее.

Как далеко он ушел от того морозного дня и маленького вокзала, где московский поезд стоял всего три минуты, и от матери в ее нейлоновой нелепой шубенке и неизменной шапке, напоминавшей стог. Почему-то все женщины в городе носили такие шапки, пока не превращались в старух. Превратившись в старух, они начинали носить черные платки. У Гриши был бедный фанерный чемоданчик, на дне которого болтался репринтный Солженицын — символ свободымыслия и присутствия собственных взглядов на жизнь. Одет Гриша был в овчинный тулуп, который он сам именовал «дубленка», и самопальные джинсы, сваренные в цинковом корыте.

Его соседями в поезде оказались какие-то московские студенты, ездившие на Урал кататься на лыжах. Это был совсем другой мир, заманчивый и недоступный, как свет звезд, так тогда показалось семнадцатилетнему Грише, который ехал покорять столицу. Они пили пиво, судили обо всем с каких-то неведомых позиций, рассуждали о фильмах и режиссерах, которых Гриша знать не знал. В одно мгновение они напоили Гришу. Как сквозь воду он слышал их голоса, гитару, хохот и девичий визг. Он не помнил, как поезд пришел в Москву и куда делись студенты, ему было плохо, его качало и рвало, и он еле-еле добрался до дальних московских родственников, которые соглашались принять его до тех пор, пока он не устроится в общежитие.

С того дня начался угар его московской жизни и продолжался до сих пор. До этой самой минуты, когда он, Гриша Распутин, пожелал так отчетливо, чтобы Москва сгинула куда-нибудь, провалилась в преисподнюю, и чем скорее, тем лучше.

Так и непонятно было, покори́л он Москву или все же не покори́л. Вроде бы она поддавалась, принимала его в себя, открывалась перед ним.

Он поступил в университет, научился пить пиво, кататься на лыжах и нюхать кокаин. Он даже научился говорить без своего провинциального акцента, который он ненавидел так остро, что несколько лет в московских компаниях предпочитал молчать — только бы никто не понял, что он говорит не так, как окружающие.

Он стал журналистом и завсегдатаем модных клубов. Однажды его даже снимали в какой-то продвинутой программе на НТВ, где шла речь о новой формации пишущих и сочиняющих. Перед записью Гриша трясся как осиновый лист, но очень быстро понял, что холеный, снисходительный и блестящий ведущий о новой формации пишущих и сочиняющих знает еще меньше, чем Гриша, то есть — ха! — совсем ничего, что он сам точно такой же, как Гриша, вчерашний провинциал, уверенный, что чем сложнее фразы и чем больше слов о концептуализме, новых формах и поисках виртуального «я», тем меньше останется места плохо образованному парнишке из Кирово-Чепецка, каким он был на самом деле, и тем больше — блестящему аналитику современности, каким он хотел себя видеть.

Программа вышла в эфир глубокой ночью — кто же станет смотреть про виртуальное «я» и новые формации днем! — и особой славы Грише не принесла, но тусовка заметила, оценила и окончательно признала своим.

А потом начались проблемы.

Поначалу его грызла мысль, что он исправно пьет пиво и запивает его водкой и старательно записывает все, что приходит ему в голову, по пьяни или с похмелья, но в Веничку Ерофеева все никак не превращается. Почему-то Гриша Распутин в отличие от Венички так

и не становился идеологом целого поколения, а Грише этого очень хотелось. Кроме того, он был совершенно уверен, что он гений.

От кокаина ему полегчало. Превращение в Веничку стало казаться не таким актуальным и необходимым для дальнейшей жизни. Его статьи хвалили и цитировали, пожилой издатель-англичанин, с которым Гриша познакомился на очередной церемонии вручения Букеровской премии, равнодушно и любезно посоветовал ему написать книгу, и Гриша стал было писать, но это дело требовало усилий, а Грише лень было их прилагать. Однако идея была замечательная, особенно потому, что он всем теперь рассказывал, что лондонское издательство заказало ему монументальный труд и в самом ближайшем времени он станет известен не только в Москве, но и за границей.

Как хорошо было бы, если бы он утром проснулся, а Москвы нет, и ловушки нет, и не нужно думать, как из нее выбраться и холодеть от мысли о том, что выбраться из нее невозможно!..

Гриша поднялся с дивана, торопливо отыскал в кармане джинсов, брошенных вчера за диван, маленький белый пакетик, осторожно, стараясь не порвать, открыл и высыпал прямо на стол тонкую кокаиновую дорожку. Дрожа от нетерпения, он втянул кокаин в себя и закрыл глаза, предвкушая облегчение и радость, которые наступали почти сразу. Вечером нужно будет прикупить чего-нибудь более существенного, чем этот порошок для малолеток.

Смыкавшиеся стены расступились, открылась долгожданная лазейка, и стало ясно, что надеется он не зря — окружающая мерзость непременно пропадет куда-нибудь, стоит ему только как следует захотеть.

Все стало совсем не так плохо, как было пять минут назад, и уверенность в собственных силах вернулась. В конце концов, Гриша Распутин не кто-нибудь, Гриша Распутин — гений.

На память пришла Лидия Шевелева, темноволосая и быстроглазая, раздражавшая воображение, как острая приправа — нёбо. Гриша завалился обратно на диван

и стал вспоминать ее низкий голос, высокую маленькую грудь, ее свежий рот и яркие краски лица.

Она будет принадлежать ему. Он гений, и простые смертные сделают все, что он пожелает, и не просто сделают, а почтут за счастье удовлетворить его малейший каприз. Мысль о Лидии Шевелевой, удовлетворяющей его капризы, возбуждала почти невыносимо.

Она будет принадлежать ему завтра же! Кто знает, что там будет дальше? Вдруг он так и не узнает, какова она в постели, как горят от страсти ее темные глаза, как двигаются ее руки и ноги! Он должен это узнать, ведь времени осталось так мало! Время уходит, как вода в сухой песок, уходит и почти не оставляет следов...

Он крепко спал, когда бесшумно открылась входная дверь и в квартиру быстро вошел человек. Он вошел уверенно и спокойно, как к себе домой, и зажег свет, и осмотрелся, и даже улыбнулся, увидев спящего на диване Гришу Распутина. Он собирался провести в этой квартире немало времени и неторопливо изучал обстановку.

Потом он аккуратно поставил на стол спортивную сумку. Взвизгнула «молния», и, потревоженный резким звуком, Гриша на секунду открыл глаза. Человек спокойно доставал из сумки то, что ему было нужно для работы. Гриша проворчал что-то, махнул рукой и снова закрыл глаза.

Закончив приготовления, человек присел на краешек дивана, взял безжизненную Гришину руку, закатал рукав дорогой измятой рубахи и сделал укол. Гриша даже не шевельнулся.

Человек спрятал шприц, застегнул сумку и уселся в кресло. У него впереди было много дел, но главное он уже сделал.

В дверь постучали, и голос деда произнес негромко:

— Егор, можно к тебе?

— Нет, — сказал Егор. — Ко мне нельзя. А что?

Дверь приоткрылась, и дед появился на пороге.

— Я все-таки войду, — сказал он извиняющимся

тоном.

— Ты уже вошел. — Егор вынул из автоответчика кассету и сунул в карман. Если дед явился для того, чтобы Егор немедленно посвятил его во все детали, он сразу же скажет, что никаких деталей нет и быть не может. Он просто думает.

— Егор, скажи мне, Лидия Шевелева — это и есть та девушка, которая у нас вчера ночевала?

— Подслушивал! — вскрикнул Егор тоном оскорбленного родителя, заставшего чадо за чем-то непристойным.

— И не думал даже, — ответил дед небрежно, — мне Дима рассказал.

— Спусти с Димы штаны и надери ему задницу, — посоветовал Егор. — Вы можете хоть три дня не лезть ко мне с советами, вопросами, восклицаниями и поучениями?

— Егор! — Дед, сел на стул у двери и гордо выпрямил худую спину. — Я никогда не лез к тебе с советами и поучениями. Я просто хочу помочь.

— Мне не надо помогать, — сказал Егор очень серьезно. — Если это возможно, я очень прошу вас мне не мешать. Понимаешь? Мне ничего не нужно, только время и пространство для маневра. Я тебе клянусь, что ты ничем не сможешь мне помочь. Мне никто не сможет помочь, кроме меня самого. А ты мне мешаешь...

— Старики назойливы, — сказал дед, подумав. — Они назойливы, и им очень хочется быть полезными. Нам важно думать, что вы без нас не обойдетесь.

— Мы без вас не обойдемся, — уверил Егор. — Видишь, мы даже жить стали одной большой дружной семьей, как ты мечтал всю жизнь. А все почему? А все потому, что ты нам велел и мы послушались.

— Я тут, конечно, совершенно ни при чем, — сказал дед торопливо, — но я страшно рад, что все так сложилось и что Дима теперь знает, как может обернуться ребячество и глупость.

— Дед, вот ты бы и занялся им, а? — Егор положил руки на совершенно чистый и пустой стол. Вчера он сгреб и втиснул в нижний ящик книжного шкафа все бумаги. Он больше не мог их видеть. — Сходил бы к нему в институт, узнал, что там происходит. Может, его отчислили дав-

но и нам нужно его восстанавливать? Мне некогда сейчас этим заниматься.

Дед помолчал.

— Егор. Конечно, мне уже девятый десяток, но я еще не впал в маразм, — сказал он сухо. — Не нужно придумывать, чем бы меня занять. У меня полно дел, я даже не знаю, как с ними справиться. Но я должен быть в курсе того, что происходит.

Егор смотрел на него, изо всех сил выпрямившегося на стуле, и не знал, что ответить.

Если он не найдет выход из положения, дед умрет. Он обязательно умрет, и виноват в этом будет он сам, Егор. Димка останется совсем один, а он еще слишком мал и глуп, чтобы бороться в одиночку. Теперь это странно даже представить, но еще три дня назад Димкина судьба не волновала Егора совершенно. Ему было наплевать на Димку.

И Лидия останется одна. Со своей полоумной мамашей, белой «Нивой», пушкой под сиденьем и коньячным голосом. И человеком, который ходит где-то рядом, уверенный в том, что его большая игра почти сыграна и скоро Лидия станет ему мешать. Особенно если обнаружится, что она утащила кассету.

Под беспокойным и внимательным дедовым взглядом Егор снял очки и потер глаза.

Почему в этой гребаной жизни все наваливается сразу?! Почему человек не может отвечать только и исключительно за себя?! Зачем ему люди, которые в одно мгновение становятся нужными и важными настолько, что ответственность и желание защищать пересиливают все остальное?! Насколько все было бы проще, если бы он был один и если бы он мог принимать решения, не думая ни о каких последствиях!

Он должен найти выход из положения и сделать это быстро. Найти, и все тут. Иначе дело кончится плохо.

— Дед, мне нечего тебе рассказать. У меня есть кое-какие соображения, но я еще не знаю, насколько они справедливы.

— А с кем ты утром так долго говорил по телефону?

— С Колей Барышевым. В прошлом году он у нас был однажды. Может, ты его даже помнишь.

— Нет, — сказал дед. — Не помню.

— Он обещал кое-что для меня выяснить, и я жду от него новостей. Сам поехать на работу я не могу. Меня не велено пускать. — Он усмехнулся. — Так что одна надежда на Колю.

— А... эта девушка? Дима сказал мне, что она помогала вам, когда... Что она была с вами, когда...

— Она была с нами при штурме Зимнего, — закончил за него Егор. — Дед, она просто очень молодая и не слишком опытная. Ее кто-то использовал в личных целях, и она легко дала себя использовать. У нее куча амбиций, как у всех молодых, и ей страсть как хотелось кого-нибудь разоблачить.

Егор секунду подумал и добавил:

— Я на ней женюсь, когда разберусь во всем этом деле.

Дед едва не свалился со стула.

— Что ты сделаешь, когда... разберешься?

— Женюсь на ней, — сказал Егор уверенно.

Мысль о том, что он женится на Лидии Шевелевой, доставляла ему удовольствие. Он женится на ней, поселит ее в своей квартире и больше не разрешит заниматься всякой ерундой вроде разоблачения разных адвокатов.

Когда все закончится, он поедет с ней на море и будет втирать крем от загара в ее оливковую теплую гладкую кожу, и слушать низкий голос, похожий на французский коньяк, и каждый день будет узнавать о ней что-нибудь новое — ведь он совсем ее не знает! — и все это новое будет доставлять ему радость и удовольствие.

И каждую ночь и каждый день он будет заниматься с ней любовью. До полного изнеможения. До абсолютного насыщения. До потери памяти.

— Егор, — начал дед, — я понимаю, что у тебя сейчас не самое лучшее время в жизни, но все-таки это странно. Или ты шутишь?

— Дед, я серьезен, как никогда! — объявил Егор торжественно. — Да не пугайся ты, она еще не согласилась.

— А ты ей сообщил о своих намерениях? — спросил дед упавшим голосом.

Егор уже был не рад, что затеял этот разговор. Бедный дед.

— Егор! — В дверях кабинета возник Димка, и оба они, и дед, и брат, разом к нему повернулись. У него было такое странное выражение лица, что Егор быстро спросил:

— Что случилось?

Димка помедлил, как будто не решаясь, и потом выпалил:

— Приехала Маргарита. Она хочет забрать меня домой. Ты что, звонил ей, Егор?

Лидия печатала бюджетный обзор, то и дело сбиваясь с делового и сдержанного тона на какой-то повествовательно-жалкий. Для обзора он совершенно не годился, и Лидия ожесточенно стирала написанное и принималась писать заново.

Черт бы побрал этот обзор. Черт бы побрал все на свете.

Кажется, однажды она уже так думала, только забыла почему.

Весь вечер и всю ночь она старательно заталкивала в глубины памяти Егора Шубина и его идиотскую идею жениться на ней, когда «все будет в порядке». Самое ужасное, что ее смущала вовсе не идея — дикая до невозможности, — а мысль о том, что если «все не будет в порядке», он не хочет, чтобы она по нему убивалась.

Что значит — убивалась?

Что имеется в виду, хотелось бы знать?

Что могущественный, всесильный и ужасный Тимофей Кольцов прикончит проштрафившегося Егора Шубина, если тот не представит доказательств непричастности к скандалу? Но это какое-то средневековое варварство, бандитские разборки, а не цивилизованный бизнес очень высокого уровня. Или цивилизованный бизнес отличается от нецивилизованного только количеством задействованных в нем стволов и денег?

Вчитавшись в только что написанный текст и обнаружив в нем слово «стволы», Лидия завывала от ненависти к себе и что есть силы стукнула кулаком по столу. Грязные кофейные чашки подпрыгнули, и разномастные ручки покатались в разные стороны.

Что делать, к кому бежать, кого умолять о милосердии и пощаде? Она заварила всю эту кашу, она должна расхлебывать ее. Именно она, а не Егор Шубин, для которого все может кончиться пулей в затылок только потому, что Лидии Шевелевой захотелось скандала, а Игорь Леонтьев по неизвестной причине поддержал ее!

Какую роль играет во всем этом Леонтьев? Он тоже глупая и предсказуемая жертва или ловкий и хитрый участник игры? Как узнать? У кого спросить?

«Отец научил меня стрелять, но лучше бы он научил меня думать.

Должны быть какие-то детали, которые выведут меня прямо на готовые ответы — кто, почему и зачем это сделал. Кто-то, кто хорошо знал меня и был уверен, что ухвачусь за этот материал двумя руками, что у меня даже тени сомнения не возникнет в том, что Егор Шубин может быть жертвой, а не преступником. Кто-то, кто был совершенно уверен в том, что я никогда с ним не встречусь хотя бы потому, что мы принадлежим к совершенно разным мирам, а люди его уровня редко встречаются с праздными писаками, которые возводят на них всякую напраслину. Кто-то, кто, естественно, не мог предположить, что он будет голосовать на Маросейке, а я как раз буду проезжать мимо и остановлюсь, и потом буду спасать его брата, и повезу его в Склиф, и буду спать у него в квартире, потому что в мою собственную заберется некто неизвестный, чтобы украсть у меня документы».

И еще кассета, которую она вытащила у Леонтьева.

Шубин, пожалуй, прав — он не говорит там ничего такого, что хоть как-то подтверждало бы его вину. Почему тогда, в первый раз, она приняла эту запись как неопровержимое доказательство того, что он виноват?

«Вы мне угрожаете? Или просто шантажируете?»

Что-то вдруг прошло у нее в голове, прошло и остановилось, как будто ожидая, что она взглянет внимательнее. Взглянет — и все поймет.

Лидия растерянno потеряла шею, на которой еще оставались синяки.

«Наше нежелание обусловлено только интересами дела». Он сказал не так. Он сказал:

«Наше нежелание общаться с прессой на данном этапе обусловлено только интересами дела». Она помнила *тот* разговор почти дословно.

Схватившись руками за голову, она несколько раз с силой стукнулась лбом о стол.

Дура, кретинка!

Нужно было лучше слушать, а не кривляться и не выбегать из кухни, когда Шубин принес ей эту кассету, а она заперлась в ванной, только чтобы не думать и не переживать!

Нужно ехать. Нужно ехать как можно быстрее. Очень быстро. Прямо сейчас. Где ключи от машины, кошелек и телефон? Господи, ну почему она вечно все теряет и забывает и никогда не может действовать быстро!

— Лида.

Лидия вздрогнула и оглянулась, выронив ключи, которые упали под стол с обиженным звоном.

В дверях стоял Игорь Леонтьев и смотрел на нее внимательно и холодно. Холодно и оценивающе. Оценивающе и пристально. Как будто что-то знал. Как будто знал *все*.

— Привет, — сказала она задыхаясь, — что такое?

Он помолчал, а потом пожал плечами.

— Ничего, — сказал он, рассматривая ее. — Ты что, спешишь?

— Да, — быстро соврала она. — Я договорилась об интервью с председателем думского Комитета по бюджету и сейчас еду. А что?

— Придется все отменить, — сказал он негромко, и у нее упало сердце. Упало прямо на пол, покатилося и замерло, неспособное даже дрожать от страха.

— Почему? — выговорила она с трудом.

— Гришки опять нет, — скривившись, сказал Леонтьев. — Бросай бюджет, нужно писать текучку. Пошли, я покажу.

— Жора! — Маргарита кокетливо прихорашивалась перед зеркалом и не прекратила своего занятия, даже когда Егор приблизился. — Привет! А где папуля?

— Привет, — сказал Егор. — Зачем ты приехала?

— За Димой, — сообщила Маргарита радостно. — Ты мне сказал, что он у тебя, помнишь?

— Помню, — пробормотал Егор сквозь зубы. — Ну и что?

Маргарита рассматривала в зеркале губы, проверяя, ровно ли лежит помада, и поэтому ответила не сразу.

— Ну вот. — Очевидно, помада лежала как-то неудовлетворительно, потому что, покопавшись в элегантной сумочке от Гуччи, она достала золотой футлярчик с помадой и с осторожной любовью тронула губы. — Мальчику здесь не место, Жора. У тебя своя жизнь, к тебе, наверное, женщины приезжают, и друзья допоздна сидят... У мальчика есть собственный дом, и я хочу, чтобы он поехал со мной. А где папуля?

— Здесь папуля. — Дед вышел из кабинета и стоял в отдалении.

— Привет, дорогой! — пропела Маргарита тоном героини «мыльной оперы» и пошла к деду, раскинув руки, как бы приготапливаясь, чтобы броситься ему на шею. — Как я по тебе скучала, папулька!

Маргаритина мать развелась с Маргаритиным отцом, когда Маргарите было месяцев восемь. Ее захватило «большое и светлое чувство», как она потом объясняла подростковой Маргарите. Дед из жизни собственной дочери был полностью и навсегда исключен, потому что «наш советский суд» даже мысли не имел о том, что у ребенка, по идее, должны быть два родителя и отец тоже имеет некоторые права. Дед сгоряча пытался бороться, потом махнул рукой и бороться перестал. Маргарита появилась в его жизни восемнадцати лет от роду и с младенцем на руках. Дед назвал младенца Егором и стал его растить, понимая, что Маргарита растить его не сможет. Периодически в ее жизни тоже возникали «большие и светлые чувства», и тогда деда снова исключали из жизни, но снова призывали на помощь, когда «чувство» умирало, не выдержав испытания «прозой жизни». Егору было десять, когда дед забрал его к себе насовсем.

Маргарита отца презирала, считала его хлипким интеллигентишкой, а когда Егор неожиданно стал

богатым, начала ревновать. Отец был намного ближе к деньгам Егора, чем она, и это не давало ей покоя. Уж она-то как следует сумела бы ими распорядиться, не то что ее полоумный папашка, которому на голову свалилось эдакое счастье.

Егор содержал и Маргариту, понимая, что это просто попытка откупиться от матери, которую он никогда не любил и до которой ему не было никакого дела.

— Может быть, чаю? — спросил дед холодным светским тоном, и Егор улыбнулся про себя.

«Деду стыдно за Маргариту, — понял он. — И еще он боится, что я, заплавав от облегчения, отдам ей Димку в вечное владение.

— Ну конечно, с удовольствием! — Маргарита кружевным платочком стерла с дедовой щеки алую помаду и огляделась. — Как у тебя хорошо, Жора! Как мило, как уютно, как богато! Господи, неужели мне так и не суждено пожить хоть немного в такой роскоши!

— Нет, — сказал Егор. — Не суждено.

— Жорка! — Решив, что обижаться сейчас невыгодно, Маргарита кокетливо погрозила Егору пальцем. — Где Димулька? Он мне открыл и куда-то пропал. Пусть он вещи собирает, у нас времени мало. Жорик, а мы с тобой пока чайку попьем.

— Может, на кухню пойдем? — упавшим голосом спросил дед, насмерть перепуганный тем, что Маргарита так окончательно все решила и даже велит Димке собирать вещи. — Там удобнее говорить, чем в коридоре...

— У тебя картина новая? — У Маргариты было сто-процентное зрение, особенно когда дело касалось каких-нибудь дорогих безделушек. Она оглянулась на Егора и приблизилась к картине. — Боже мой, какая прелесть! Кто это, Егор?

— Гейнсборо, — назвал Егор первую пришедшую на ум фамилию. Маргарита пришла в неистовый восторг.

— Жорка, — плачущим голосом сказала она, — ну так просто невозможно жить! Ты меня всегда чем-нибудь расстраиваешь! А теперь еще и Гейнсборо купил!

— Купил, — признался Егор. — Пошли на кухню.

Она пошла, как бы очень неохотно и несколько раз оглядываясь по дороге, и даже как будто упиралась, кокетливо и шутливо.

— Ну позови же Димульку! — приказала она, когда Егор усадил ее за стол. — Что он там так копается!

— Ты с лимоном будешь? — перебил дед торопливо.

— Да. Жор, позови Димульку!

— А чего меня звать-то? — мрачно спросили из-за двери, и в кухню вдвинулся Димка. — Я здесь давно.

— Господи, какой ты... странный, — протянула Маргарита, только сейчас заметив его раны. — Ты собрался? Погостил — и хватит, дорогой. У тебя дом есть, а здесь у людей своя жизнь... Я спешу, поэтому мы сейчас чайку попьем и поедем.

Димка кинул взгляд на Егора, ногой подвинул к себе стул, сел на пороге и сгорбился, как большая собака, которую долго били палкой, а потом бросили умирать.

Егор посмотрел на него и усмехнулся.

Он был рад, нет, он был совершенно счастлив, что у него есть брат, и что самое трудное для них уже позади, и что ему так легко решить сейчас все проблемы, которые кажутся Димке чудовищными и неразрешимыми.

— У тебя есть сигареты? — спросил он у Димки, и, очевидно, дед услышал что-то в его тоне, потому что вдруг повернулся от плиты и пристально на него взглянул.

— Есть, — ответил Димка неуверенно и тоже посмотрел ему в глаза.

— Ты куришь?! — вскричала Маргарита с неестественным ужасом в голосе. — Господи, Димка, ты куришь?!

— Дай одну, — попросил Егор.

Димка медленно, преодолевая застарелую боль в боку, полез в карман, извлек мятую дешевую пачку и аккуратно положил на стол.

Умирающая собака слабо шевельнула хвостом.

Егор закурил, затянулся и посмотрел на сигарету с отвращением.

— Гадость какая, — сказал он.

Все молчали, смотрели на него и ждали.

— Ритуль... — И он снова эффектно затянулся. — Я страшно рад тебя видеть, хотя на будущее хочу попросить: ты предупреждай о своих визитах заранее, ладно?

— Но, Жорка, — заговорила Маргарита растерянно, — я просто хотела побыстрее... Ты сказал, что Димка у тебя, и я решила, что его нужно забрать...

— Я, блин, не чемодан, — неожиданно резко сказал Димка, — меня нельзя забрать. Или сдать. Слышишь?

— Я твоя мать, — объявила Маргарита дрожащим голосом. — Я твоя мать и имею полное право...

— Ритуль, — перебил Егор, — Димка поедет с тобой, только если сам этого захочет. Я бы на его месте не поехал. Все мы отлично знаем, как... невыносимо жить с тобой рядом. А здесь дед, я... И места много. И в институт ближе. И все такое. Так что я бы не поехал. И прав ты никаких не имеешь. Будь я нормальный мужик, а не агрегат для делания денег, я бы давно у тебя Димку забрал и сам бы его растил. Или дед бы растил. Но я не нормальный мужик, поэтому говорить об этом уже поздно. И все, точка. Считай, что мы все обсудили, все твои слезы, сопли и вопли пережили и теперь спокойно пьем чай.

— Жора!.. — начала Маргарита и тяжело задышала. Глаза у нее, как у первой классной актрисы по команде режиссера, налились слезами, набухли безупречно накрашенные губы, и она стала похожа на обиженную девочку из песочницы, а не на женщину к шестидесяти годам.

— Стоп! — приказал Егор. — Даже не начинай. Я тебя выставлю, Ритуля. Сейчас у меня нет никакой возможности выслушивать твои концерты. Дед, наливай всем по рюмке чаю, и немедленно начинаем обсуждать картину Гейнсборо, которую написал мой бывший одноклассник Паша Кузнецов. Дед, помнишь Пашу Кузнецова?

Димка засопел от облегчения, зашевелился на стуле и даже сделал попытку положить ногу на ногу. Не смог, встал, взял с подставки чайник, налил в чашки кипятку, чувствуя себя хозяином дома, застеснялся и спрятался за Егора.

— Помню Пашу, — сказал дед чуть дрожащим голосом. — Он и в школе неплохо рисовал. А когда ты его видел?

Маргарита смотрела на всех по очереди. Слезы высохли, и только губы кривились презрительно и жалко.

Она ничего не понимала. Совсем ничего. Димка был обузой, тяжелой и никому не нужной ношей, ошибкой, которую она допустила «по рассеянности», как она потом объяснила отцу. Когда Егор стал богатым, Маргарита моментально сообразила, что с Димкиной помощью из Егора можно выкачивать намного больше денег.

«Мальчик растет. Мальчику нужны джинсы, куртки, теннисные ракетки, компьютер и еще много чего.

Неужели ты откажешь собственному брату?!»

Егор давал столько, сколько она просила. И еще, если она просила еще. И сверх того, если она просила сверх того.

«Он просто купил себе мать и брата», — подвыпив, рассказывала Маргарита знакомым. И утирала вполне натуральные слезы.

Она не могла позволить себе потерять Димку. Она давно привыкла к шальным деньгам, которые тратила только и исключительно на себя. Джинсы и куртки по секрету от Егора Димке покупал дед. Если Димка станет жить с братом, значит, денег будет намного меньше. В несколько раз меньше. Во много раз меньше.

Маргарита готова была завывать, как волчица.

Сейчас ей, как никогда, нужны были деньги.

— Дима! — Она перевела умоляющий взгляд на младшего сына. — Что происходит?! Ты не хочешь вернуться домой?

— Не-а, — сказал Димка из-за Егора. — Не хочу. Прости.

— А Пашка знаменитым стал, — сообщил Егор деду. — На той неделе в Манеже выставка открылась. И говорят, Глазунов на него наехал. А это первый признак: раз Глазунов ругает, значит, хороший художник.

— Ну, не стоит быть таким категоричным, — сказал дед и уселся в свое любимое кресло. И нацепил очки. И

226 сложил руки. И посмотрел зорко. — Я ничего не по-

нимаю в живописи, но реализм Глазунова мне ближе, чем самый яркий авангард.

— Ты просто консерватор. — Егор отхлебнул чай. — И Глазунов твой никакой не художник, а просто очень ловкий предприниматель, который начал зарабатывать денежки еще тогда, когда их никто не умел зарабатывать! А они вдвоем с Церетели сообразили, как это можно сделать и за решетку не сесть. За расхищение социалистической собственности.

— Господи, — простонала Маргарита, как подстреленная царевна-лебедь, — отнять у матери сына и рассуждать о каких-то художниках!..

— Мам, мне двадцать лет, — сказал Димка, — я буду тебе звонить, если хочешь.

Ей вовсе не нужны были его звонки. Ей нужны были деньги. Целые кучи денег, которые Егор выдавал на его содержание.

— Есть свежий мармелад и пряники тульские, — объявил дед. — Кто-нибудь хочет? Дима?

— Давай пряники тульские, — решил Димка. У него открылся чудовищный аппетит после того, как он перестал принимать болеутоляющее. И еще он всегда страшно хотел есть, когда нервничал. Сейчас он перенервничал просто неприлично.

— Звонит кто-то, — сказал Егор. — Спроси кто, Димка!

Едва за ним закрылась дверь и шаги удалились по коридору, он быстро сказал Маргарите:

— Ритуль, если не хочешь неприятностей, закрой рот и уезжай. Я тебе серьезно говорю. С голоду ты не умрешь, если ты этого боишься. Если я найду работу, я буду тебе платить, чтобы ты к нам не лезла.

— Что значит — найдешь работу? — спросила опешившая Маргарита. — Какую работу? У тебя что, нет работы?

— Егор, — сказал Димка, появляясь на пороге. На физиономии у него была идиотская улыбка, какой улыбаются подростки в присутствии красивых и взрослых женщин. —

Это к тебе...

Оттеснив его плечом, на пороге возникла Лидия Шевелева. В глазах у нее было безумие, а обычно смуглое лицо приобрело зеленоватый оттенок.

— Здравсти, — пробормотала она, обращаясь ко всем сразу.

— Что случилось? — спросил Егор, не донеся чашку до рта. Он вдруг очень испугался.

— На той кассете перемонтированная запись нашего с вами телефонного разговора! — выпалила она, сбившись от волнения на более привычное «вы». — Я вам звонила по поводу интервью с Кольцовым, а вы не давали мне разрешения. Помните?

— Помню, конечно. — Чашка стукнула о блюдо. Дед снял очки. Димка перестал улыбаться идиотской улыбкой.

— Ну вот. Это *тот* наш разговор. Я помню его почти дословно.

Она вошла в кухню, села на ближайший стул и потянула с шеи шарф.

— Кто это, Жора? — спросила Маргарита, брезгливо ее рассматривая.

— Все дело в том, — сказала Лидия, глядя Егору в глаза, — что я тогда записала разговор и отдала кассету Игорю Леонтьеву, чтобы он не подумал, что я что-то там такое сочиняю. — Она взяла со стола его чашку и жадно попила из нее. — Понимаете? Запись была у Леонтьева. Он отдал ее кому-то, кто смонтировал, и не нужно было никаких подслушивающих устройств.

Все молчали и смотрели на нее.

— Вы должны найти человека, который нанял Леонтьева, — сказала Лидия. — Только и всего.

— Да черт побери, я не понимаю, почему это вас так переполошило! — Шубин в сильнейшем раздражении ходил из угла в угол своего громадного кабинета. Лидия следила за ним глазами. — С самого начала было ясно, что ваш драгоценный Леонтьев замешан во все это дело. Мне было не очень понятно, замешаны ли вы, но ваши начальники точно знали, что делают! Это ясно идиоту!

— Ну, значит, я идиотка. — Лидия пожала плечами. — Мне это было не ясно.

— Вы просто до сих пор влюблены в этого вашего козла начальника и поэтому даже мысли не допускаете о том, что он мог вас продать! Продать за деньги! Ему это было очень удобно, потому что он отлично знал, что вас привлекают всякие разоблачения. Он получил денежки, а вы — проблемы на всю оставшуюся жизнь! Вы ведь дали в газете непроверенную информацию. Дали? Дали! Кому вы теперь нужны?

— Послушайте, — сказала Лидия дрожащим голосом. Ей было обидно, что она оказалась такой идиоткой. — Вам-то что за дело? Почему моя судьба так вас заботит? Вы лучше о себе думайте!

— Я думаю! — сказал он с досадой. — Я только и делаю, что думаю о себе.

Они замолчали.

— Звонил Барышев, — сказал Шубин, сел в кресло и вытянул ноги. — Информация неутешительная. Батяня сильно не в духе, даже слышать про меня не может, хотя Коля пытался замолвить слово. Мне нужно как-то попасть в свой кабинет, а я не могу придумать, как именно.

— Зачем?

— Я должен просмотреть все договоры за десятое ноября. Те договоры, которые упомянуты в твоей статье, были за десятое ноября?

— За десятое и тринадцатое. А что?

— Я должен посмотреть, чьих договоров за десятое и тринадцатое нет в моем сейфе. И я буду все знать.

— Подожди, Егор, — попросила Лидия. — Ты думаешь, что у тебя их кто-то выкрал из сейфа?

— Ну конечно, — сказал он уверенно. — Забрал. Я их подписал, первый экземпляр, естественно, остался у меня, второй экземпляр — у того, кто все это затеял. Оставлять их в моем сейфе было нельзя, так же как и в твоей квартире. Нет бумаг — нет доказательств. Значит, их забрали. Я должен просмотреть все договоры и понять, каких именно нет. Но я не могу придумать, как это сделать.

— А попросить никого нельзя?

Он даже засмеялся.

— Я могу попросить только Зайца. Он, конечно, придет и повяжет всю охрану, и перебьет все камеры наблюдения, но на следующий день нас с ним точно в Москве-реке утопят. С батяней такие вещи не проходят. А больше мне просить некого. Все остальные — потенциальные враги.

— Здорово, — сказала Лидия. — Просто изумительно! Как, наверное, приятно так жить. Все вокруг потенциальные враги, кроме одного проверенного головореза. Сколько времени у тебя осталось?

— Полно! — Егор пожал плечами. — Четыре дня. Можно сказать, вся жизнь впереди.

— А кто эта дама? — спросила Лидия и посмотрела в сторону. — Ну та, на кухне?

— Это моя мамаша, — сказал Егор. — И Димкина тоже. Пришла хлопотать о повышении пенсий и пособий.

— А ты?

— А я отказал. Димка станет жить со мной. Хватит, набаловался. Пенсии и пособия будут выдаваться в прежнем объеме, но ни о каких прибавках не может быть и речи. Тем более я теперь безработный.

— Ну да. Безработный. — Лидия рассматривала свои ногти. — И все-таки что ты собираешься делать? Влезть в свой офис через окно в сортире?

— Можно и через окно, — согласился Егор, — но для начала я хочу у тебя спросить, где ты тогда потеряла ключи от дома?

Это было так неожиданно, что Лидия перестала рассматривать ногти и уставилась на Егора.

— Я понимаю, что ты понятия не имеешь, где ты была и что делала, — продолжал он невозмутимо. — Но вспомни хоть что-нибудь. Может, тебя кто-то толкнул на улице, а потом поддержал под локоть, или подвозил, или подносил, или что-то в этом духе...

— Зачем это тебе? — спросила она. — А?

— Слушай, ну какая же ты тупая! — сказал он радостно. — Во всей этой схеме есть еще один или

даже два человека. Кроме организатора и шестерки — Леонтьева. Кто-то переклеил кассету. Кто-то забрался к тебе в квартиру. И этого человека — или двоих — нужно найти, раз уж нет возможности влезть в офис через окно в сортире и повязать охрану. Ну что?

— Подожди, я подумаю... — Лидия поднялась и подошла к окну. — Я подумаю... Подумаю я...

У нее была изумительная спина — прямые плечи, узкая талия, выпуклая попка. Подойти бы, обнять и прижать к себе все это, вместе с мрачными мыслями, нереализованными амбициями, неразрешимыми проблемами, гордостью, ревностью, злобой и болью. Со всем, что в ней есть и еще только будет когда-нибудь.

Оказывается, любовь — это так просто.

Совсем просто. Гораздо проще, чем в умных книжках. Зачем вокруг нее столько всего насочиняли, наворотили столько сложностей, напридумывали столько проблем?

Нет никаких проблем.

Приходит время, и ты встречаешь человека, который был кем-то неизвестным и всесильным тебе предназначен. Ты ничего про него еще не знаешь, про этого человека, но совершенно твердо уверен, что никакое знание ничего и никогда не изменит.

Все. Конечная остановка. Поезд дальше не идет.

Всю оставшуюся жизнь тебе будет важен и интересен только этот человек. Только рядом с ним будет надежно и не страшно. Только ему будут нужны твои проблемы, заботы и победы. И по сравнению с этим ничто не имеет значения.

Егор улыбнулся.

— Черт его знает, — проговорила Лидия задумчиво. — Не помню. Куда-то ездила на интервью. Вот черт побери! Даже не помню куда. Приехала, писала какую-то чушь. Ушла поздно, это точно помню, потому что устала, и к матери мне ужасно не хотелось ехать, а запасные ключи были только у нее. С Гришкой болтали, он меня до первого этажа проводил. Благодарил за то, что я за него материал сделала. Говорил, что больше никогда не будет, и так далее...

— Какой Гришка? — спросил Егор с пробудившимся интересом.

Лидия отмахнулась.

— Наш журналист, Гриша Распутин. Он... такой мастер художественного слова. Самородок.

— И что, этот самородок тебя провожал?

— И провожал, и обнимал, и целовал, — перечислила Лидия с досадой. — Это все совершенно не важно... — И осеклась. — Ты что? Думаешь, что это... он был в моей квартире?

— Давай еще раз! — приказал Егор. — Где ты его встретила, зачем он тебя обнимал, почему провожал?

— Да нипочему! — сказала Лидия, сердясь от дурного предчувствия. — Он меня встретил в коридоре, когда я уже собиралась уходить, и стал благодарить за то, что я его выручила. Сигарету предложил. Сказал, что знает, что мне подвернулся очень интересный материал. Это про тебя, значит.

— Я понял, — сказал Егор.

— Ну вот. Мы покурили, он вызвал лифт, поехал со мной вниз, довел до двери, и все.

— Где ты носишь ключи?

— От машины — в сумке, от дома — в кармане. Так удобнее.

— А шубу, в которой карман с ключами, он тебе подавал?

— Вроде он, — согласилась Лидия. — Ну да. Он. Странно было бы, если бы я одевалась, а он рядом стоял и не помогал.

— Очень странно, — согласился Егор. — Лидия, ты знаешь, где он живет?

— У меня в компьютере есть адрес. — Волнуясь, она сжала ладони в кулаки. — Ты думаешь, это он вытащил у меня ключи и потом был в моей квартире? И он подсунул мне в ящик кассету? О Господи!.. — Она зажала рот рукой и посмотрела на Егора так, как будто он только что признался в том, что на днях зарезал десять ни в чем не повинных человек. В глазах у нее был ужас. — О Господи...

— Что? — спросил Егор. Подошел и взял ее за руки. И притянул к себе, преодолевая ее сопротивление. И прижал очень крепко. — Что?

— Гришка, — начала Лидия, как будто собираясь с духом, — еще до газеты... Еще в университете...

— Ну что, что?!

— Он начинал в «Останкино». Звукорежиссером, — говорила Лидия с трудом. — Он как-то хвастаясь, что однажды записывал Пугачеву или еще кого-то... Господи, Егор, это он. Это точно он. Что же нам теперь делать? А? Что делать-то, Егор?

Она все-таки вывернулась у него из-под руки и посмотрела ему в лицо. Выражения она не могла разобрать — мешали слезы, которые взялись неизвестно откуда и застилали глаза.

— Не плачь, — сказал Шубин. — Что-нибудь придумаем.

— И Игорь, — бормотала Лидия, и губы у нее тряслись. — И Гришка. У нас с ним всю жизнь такие замечательные отношения были... Всю жизнь... Я его выручала сто раз, и он меня подстраховывал... Он, конечно, наркоман, но все-таки... Как же так, Егор? Ну ладно Леонтьев... Говорят, вы, мужики, бывших любовниц не жалуете. А Гришке я что плохого сделала? А? Он же со мной дружил!

— Ничего плохого ты ему не сделала. — Егор запустил руку ей под волосы и погладил шелковый затылок. Он чувствовал, как трудно ей понять, что близкие люди оказались вовсе не такими, какими она их себе представляла. — В том-то весь и фокус и вся прелесть этой жизни. Я давно это понял. Самые милые и славные в итоге оказываются сволочами. Беззащитные — зубастыми. Честные — обманщиками. А те, которых ненавидишь, на самом деле единственные, которым можно доверять.

— Теперь ты пойдешь и засунешь его голову за батарею? — спросила Лидия и кулаком вытерла слезы. — И он тебе скажет, что делать и кто виноват?

— Сначала я отвезу тебя домой, — сказал Егор. — Посмотрю адрес, а потом уже решу, куда именно я должен засунуть его голову.

— Везти меня не надо, — сказала Лидия. — Я на машине.

Слезы все лились и почему-то не останавливались.

— Ничего не будет с твоей машиной. — Егор тыльной стороной ладони вытер ей щеки. — Я тебя отвезу, и мы решим, что делать дальше. Не раскисай. Еще ничего не кончилось.

Всхлипывая, она потащилась за ним через всю квартиру, мечтая только об одном — заползти куда-нибудь и поплакать над всеобщим человеческим свинством. Выглянул шубинский дед, но, увидев, что Лидия плачет, а внук сердито обувается, скрылся, ни о чем не спросив.

— Мне сумки нужно из машины забрать, — проговорила она в затылок Шубину, когда он вывел ее из квартиры. — Я с утра на рынок заезжала и в магазин. У меня дома совсем пусто. В смысле еды.

— Заберем, — согласился Егор. — Из твоей машины заберем, в мою переложим. Все будет хорошо.

Не было никакой надежды на то, что все будет хорошо, но у Лидии не осталось сил думать о том, как все будет плохо.

Машина Егора Шубина — огромная, бежево-молочная, сверкающая чистыми боками и стеклами — стояла на тротуаре, почти за домом.

— Где твоя? — Егор нажал кнопку на брелоке, джип сверкнул фарами, как будто поздоровался.

— С другой стороны, — сказала Лидия вяло. — Может, на моей поедем? Твоя больно... шикарная.

— Мне потом еще в пару мест нужно будет съездить. — Он не смотрел на нее. — Мне на своей удобнее. А на твоей меня арестуют за угон.

— А-а... — протянула Лидия.

Кряхтя, как бабулька, пытающаяся влезть в автобус, она забралась в джип. Как это было, когда она совсем не знала Егора Шубина, и караулила его около офиса, чтобы заручиться его поддержкой на случай интервью с Кольцовым, и нервно курила, и потом лезла в этот же сверкающий, огромный и страшный, джип, а он смотрел на нее с

видом английского принца, которому по дипломатической необходимости пришлось общаться с вождем зулусов.

Егор объехал дом и притормозил возле Лидиной машины.

— Может, я все-таки сама доеду?

— Лидия, не дури! — приказал он. — Я не хочу с тобой возиться. Или я тебя везу, или ты остаешься у меня. Третьего варианта нет.

— Вот привязался, — пробормотала она. — Я, конечно, расстроилась, но не настолько. Я вполне нормально доеду. Я всегда нормально доезжаю. Даже пьяная.

— Какая? — переспросил Егор.

— Такая, — ответила она. — Открывай багажник и перекладывай мои сумки, раз уж тебе до смерти охота со мной валандаться.

Это она правильно заметила, подумал Егор, и ему неожиданно стало весело. Ему действительно охота с ней валандаться.

Она выбралась из его машины, добрела до своей и открыла заднюю дверь.

— Давай, — сказала она. — Выгружай.

Егор вытащил из ее машины рюкзак и желтую сумку, набитую какими-то свертками.

— Это все еда? — спросил он с веселым удивлением. — Ты одна слопаешь две сумки еды?

— Не одна, а с мамой! — огрызнулась Лидия. — И тут не только еда, но и всякие порошки, бытовая химия и все такое. У меня такие закупки бывают редко, раз в месяц примерно. Тебе хорошо, у тебя все домработница покупает. А у меня-то нет никакой домработницы. Я сама себе домработница.

Перехватив обе сумки одной рукой, Егор вставил ключ и открыл заднюю дверь своей машины. И распахнул ее.

Лидия коротко и хрипло вскрикнула и отшатнулась. Отшвырнув рюкзак и желтую сумку, Шубин поймал ее, испугавшись, что она закричит по-настоящему, и с силой прижал ее лицо к своей дубленке.

— Тише, — проговорил он. — Тише, тише...

Свободной рукой он толкнул дверь. Она захлопнулась с негромким приятным звуком.

Он быстро и внимательно посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было, только в отдалении шли какие-то люди, но они не могли ничего видеть.

Они не могли увидеть скрючившийся труп в багажнике молочно-бежевого «рено».

«Утром я ездил к Барышеву. Вернувшись, в гараж машину заводить не стал. С тех пор прошло часа четыре. Вот черт!»

Лидия высвободила голову, нагнулась, пошатнувшись, зачерпнула в руку грязного снега и вытерла им лицо. Потом зачерпнула еще и жадно съела. У нее сильно застучали зубы, когда она заговорила:

— Он мертвый, да? Ну конечно, он мертвый. Кто-то его убил. Это ты его убил, Егор? Убил и положил в багажник. В багажник.

— Лидия.

— Не говори со мной! — вскрикнула она и шагнула назад. — Ты его знаешь, да? Это же Гришка! Это Гришка Распутин. Ты его убил и собираешься убить меня. Где ты собираешься меня убить? У меня дома? По дороге домой? Ты задушишь меня? Пристрелишь? Переедешь своей тачкой?

Размахнувшись, Егор коротко и больно хлестнул ее по щеке. Голова у нее откинулась и дернулась, как неживая.

Лидия захрипела, давась словами, и безумие вдруг стало уходить из ее глаз, уступая место страху. Огромному, не выразимому никакими словами, черному и липкому страху.

— Егор?

— Я никогда не открываю багажник, — сказал он сквозь зубы. — Понимаешь? Этой машине уже два года, и я *ни разу* не открывал багажник. Он мне не нужен. Я ничего в нем не вожу. Я мог бы ездить с этим трупом хрен знает сколько времени. До первой проверки. Например, послезавтра по какому-нибудь анонимному звонку меня бы остановили, нашли бы труп, и все. Все проблемы решены. Я в КПЗ, и все счастливы и довольны. Я убил журналиста, который помогал тебе разоблачать меня.

— Логичнее было бы, если бы ты убил меня.

Егор холодно посмотрел на нее.

— Тебя я скорее всего тоже должен убить. Например, завтра. Тогда на мне будет два трупа. Твой и этого типа. Как его? Гришки Распутина.

— Кто его убил, Егор? — спросила Лидия шепотом. — Кому он был нужен, самонадеянный глупый мальчишка? И что мы теперь будем делать?

— Ты — ничего, — сказал Шубин твердо. — Сейчас я отведу тебя к себе домой. Где твой мобильный телефон?

Лидия молча показала ему портфель.

— Значит, ты его сейчас выключишь и не включишь до тех пор, пока я тебе не скажу. Ты ни под каким предлогом не выйдешь из моей квартиры. Я предупрежу Димку, деда и охрану. Ты будешь сидеть там и ждать меня. Поняла?

— Нет, — сказала она. Зубы по-прежнему стучали, поэтому она говорила медленно. — Я не поняла. А ты что собираешься делать?

— Я отвезу его, — он кивнул на багажник, — к нему домой. Ты дашь мне ключи от своей квартиры, я посмотрю в твоём компьютере его адрес и отвезу его. Может быть, его найдут не слишком быстро. Если повезет, я найду убийцу быстрее.

— Я с тобой.

Он снова пристально посмотрел на нее.

— Что ты сказала?

— Я с тобой. — Она сунула руки в карманы и изо всех сил стиснула. — Ты никуда не поедешь. Или поедешь со мной. Понял?

— Лидия! — Шубин взял ее за плечи, как тогда, на кухне, когда сказал ей, что женится на ней. Если останется жив. — Ты ничем не сможешь мне помочь. Ты мне будешь только мешать. Я прошу тебя, не мешай мне. Кроме того, теперь я по-настоящему опасен, понимаешь?

— Да, — сказала она. — Понимаю.

— Дай мне ключи от твоей квартиры. — Он протянул руку ладонью вверх, и она покорно, как под гипнозом, положила на нее связку. — Пошли. Я отведу тебя.

— А... он? — спросила она про несчастного Гришку, который, скрючившись, лежал в багажнике, отделенный от них только тоненьким слоем металла. Почему-то она никак не могла отделаться от мысли, что ему очень холодно и неудобно лежать в багажнике.

Шубин ничего не ответил. Отвечать было нечего.

Часа полтора Егор просидел в машине, выжидая время, пока пройдет народ, возвращавшийся с работы. По-хорошему бы стоило дождаться ночи, но у него не было времени. Он совершенно не был уверен в том, что его еще не объявили в федеральный розыск, поэтому сидеть несколько лишних часов под окнами квартиры убитого журналиста, да еще с трупом в багажнике, он не мог.

Прежде всего он вышел из машины и аккуратно и методично вывернул в подъезде все лампочки. Все до единой, с первого по девятый этаж.

Иногда он прерывал свое занятие, если слышал какое-то движение на лестнице, и потом возобновлял снова.

Как всегда в такие минуты, он ни о чем не думал и ничего не боялся. Он весь — от волос и до ботинок — превращался в зрение и слух. Он контролировал ситуацию даже не на уровне глаз и ушей, а на каком-то гораздо более примитивном. Он узнавал об опасности еще до того, как она появлялась.

«Ты, твою мать, колдун, Шуба!» — говорил ему командир разведроты.

Потом он нашел электрический щиток, внимательно его изучил и остановил лифт, подгадав момент, когда в нем никто не ехал.

Поковырявшись несколько секунд, он открыл дверь в Гришкину квартиру, зашел, не зажигая света, осмотрелся и тихо вышел.

Потом он вытащил из багажника тело, поднялся на четвертый этаж, бесшумно вошел в квартиру и прикрыл за собой дверь. Уложил Гришку на диван, закрыл замок и несколько минут постоял, глубоко и редко дыша.

Он своими руками прикончит козла, который все это затеял. И пусть потом все будет как будет.

Но того козла он найдет и прикончит, даже если это сам Тимофей Кольцов.

Времени было мало. Кроме того, он знал, что у него слишком заметная машина, чтобы ее можно было просто так бросить во дворе незнакомого дома. Обязательно кто-нибудь обратит внимание, и тогда у него не останется даже тех жалких часов, которые он пытался выгадать.

Держа в зубах портативный фонарь, Егор Шубин начал планомерный осмотр Гришкиной квартиры. По всем правилам науки криминалистики. Ни о чем не забывая, ничего не путая, никуда не спеша. У него была такая черта — он умел полностью сосредоточиться на деле, которым был занят. Он умел отключать ту часть мозга, которая отвечала за эмоции. Он умел не чувствовать и не думать. Это не раз спасало ему жизнь.

Он проверил одежду, шкафы, стены, книжные полки и кофейные чашки. Он методично и неторопливо перерыл письменный стол, вынимая и просматривая каждую бумажку. Он вынул и разложил на столе все содержимое Гришкиного портфеля, который обнаружился под вешалкой в крошечной прихожей. Там были газеты, две записные книжки — маленькая телефонная и большой ежедневник, — выключенный мобильный телефон, черная вязаная шапка, несколько файловых папок с начатыми и брошенными текстами и целая куча дискет.

Вынув дискеты, Шубин оглянулся по сторонам, поскольку компьютера до сих пор не обнаружил, а присутствие дискет явно указывало на его наличие.

Компьютер — крошечный дорогуший лэп-топ последней модели — обнаружился в кухне, где самородок Гришка, очевидно, писал свои гениальные статьи. Замшевый чемодан, в который был упакован компьютер, был задвинут почти что за помойное ведро, и это как бы сказало Егору все, чего он еще не успел понять про жизнь и смерть журналиста Григория Распутина.

Он был безалаберный, неприкаянный, уверенный в своей неповторимости мальчишка, не умеющий справиться со своей минимальной известностью и такими же крошечными, по понятиям Егора Шубина, деньгами. Этот лэптоп за помойкой, и кокаиновые следы на заширканном полированном столе, и дорогая одежда, наваленная кучами на стульях, и кухонное унылое запустение, и даже оторванная с одной стороны ручка портфеля рассказали то, чего Егор никогда не узнал бы даже от самых близких Гришкиных друзей.

— ...твою мать! — пробормотал он, не разжимая зубов. Четкий световой круг дернулся, выхватывая из темноты стены и мебель.

Оказывается, эмоции трудно было отключить полностью, а раньше у него никогда не было с этим проблем. Возраст, что ли, или просто давнее отсутствие практики в условиях, приближенных к боевым? Почему ему так жаль этого нелепого парня, который лежит, уткнувшись мертвым лицом в диванную обивку? Почему он думает о том, что все могло бы быть по-другому, будь у него под боком мать или старший брат, который в случае чего хорошенько дал бы по морде, а потом наставил на путь истинный?

Почему, почему...

Понятно почему.

Потому что у него теперь есть Димка, за которого он отвечает, и у которого тоже, как у всех молодых, мозги немножко набекрень, и который тоже ни черта не умеет справиться с жизнью.

«Я должен добраться до заказчика раньше, чем он доберется до меня. У меня есть семья, которая не простит меня, если я их брошу.

Ни один из них — ни Лидия, ни Димка, ни дед — не справится без меня».

Он улыбнулся. Свет опять дернулся и остановился.

Наверное, это очень самонадеянно — думать, что без тебя никто ничего не сможет. Наверное. Но он думал так,

и это доставляло ему радость, даже в неприбранной

унылой квартире, где, уткнувшись лицом в обивку, лежал на диване труп глупого мальчишки Гришки Распутина.

Ни тайников, ни сейфов в стенах и полах не обнаружилось. Впрочем, Егор не слишком на это рассчитывал. Он повесил на плечо лэп-топ, прихватил оставленные на столе записные книжки, несколько минут прислушивался под дверью и бесшумно вышел из квартиры. Щелкнул язычок замка. Он поправил на плече ремень и стал неторопливо спускаться по темной лестнице.

Навстречу попались старухи, ругавшие темноту и неработающий лифт. На Егора они не обратили никакого внимания.

Он сел в машину, закинул лэп-топ на заднее сиденье и завел мотор, испытывая острое, ни с чем не сравнимое облегчение от привычного уюта салона, от знакомого урчания двигателя, как будто после долгого и опасного дела он наконец вернулся домой, где тепло, безопасно и можно расслабиться...

«Расслабляться нельзя. Чем бы ни кончилась вся эта история, расслабляться нельзя. Ты так до сих пор ничего и не придумал. У тебя нет никаких идей, кроме нескольких ничем не подкрепленных соображений, а сегодня тебе в багажник подбросили труп, и если бы не сумки Лидии Шевелевой, хрен бы ты его обнаружил, а когда обнаружил, было бы поздно.

Соберись и думай. У тебя есть верных полчаса, которые ты будешь ехать до дома».

Он тронул машину с места, перебрался через ледяные стоячие моря и озера, развернулся возле каких-то помойных ящиков и выехал на Волгоградский проспект.

Он проехал, наверное, метров триста, когда его остановил милицейский патруль.

— Он с нами совершенно не разговаривает! — Дед Егора Шубина поправил на столе газеты и журналы, которые и без того лежали выверенной идеальной стопкой. Лидия не отрываясь смотрела на его руки. Они были крас-

ные, в цыпках и надутых синих венах, как будто шубинский дед с утра до ночи чистил картошку.

— Дед, перестань ты, — пробасил шубинский брат и посмотрел на Лидию. Излишняя деликатность не входила в число его достоинств, однако он понимал, что к братниной гостье следует относиться осторожно. — Он у нас ни с кем не разговаривает!

И Димка улыбнулся смущенной улыбкой. Лидия внимательно на него взглянула.

Как будто Егор Шубин был ранимый подросток в переходном возрасте, а Димка — его нежный отец. Как будто Димка признавал за ним своеволие и упрямство и все-таки оправдывал его. Как будто Димка знал наперечет все его слабости, любил их и призывал чужого человека просто не обращать на них внимания.

«Он у нас ни с кем не разговаривает!»

— Да, — сказал шубинский дед. — Ему сейчас трудно. Но он справится.

— Вы думаете? — спросила Лидия.

Ей очень хотелось услышать от кого-нибудь историю о том, что Егор Шубин бывал и не в таких передрыгах, что это все ерунда по сравнению с тем, что он пережил пятнадцать лет назад, что в армии он чуть было не погиб и его за что-нибудь наградили орденом. Такая история была бы сейчас совсем нелишней.

— Ну конечно! — воскликнул дед с ненатуральной бодростью. — Дима, может быть, ты хочешь поужинать? А вы, Лидия Юрьевна?

«Прошло уже четыре с половиной часа с тех пор, как он уехал. Черт возьми, что он там делает так долго? Почему не звонит? Доехал до Гришкиной квартиры или не доехал? Что происходит в *моей собственной* жизни? Что происходит все эти четыре часа, что я сижу в квартире, больше похожей на итальянское палаццо, пью кофе, молчу и думаю, думаю, думаю... Кто звонит мне домой, как там у меня на работе? Они ведь наверняка давно и безнадежно меня потеряли — дома меня нет, а мобильный телефон я выключила потому, что мне так приказал пропавший Егор Шубин.

Егор Шубин, который уехал и увез в багажнике убитого Гришку.

Гришка... Как он лежал, скрючившись, будто от холода, и у него были совершенно синие пальцы. Вот, оказывается, какие пальцы бывают у мертвых...»

Она рванулась из этих мыслей, зная, что они теперь долго не дадут ей спокойно жить, рванулась, задыхаясь в их вязкой трясине, и вырвалась наружу. Звонил телефон.

— Дима... — попросил дед, как будто у него вдруг кончились силы.

— Алло! — сказал Димка напряженным басом.

Лидия смотрела на него как человек, который ждет сообщения о конце света.

Димка послушал и сказал смущенно:

— Привет... — Потом зажал микрофон ладонью и сообщил: — Это Лиза.

Лидия перевела дыхание, шубинский дед поднялся с места и зачем-то ушел в угол громадной кухни.

— Будем ужинать? — спросил он оттуда. — Знаете, когда сердце не на месте, самое правильное — это поужинать.

Лидия улыбнулась. Димка еще послушал, потом встал и ушел с трубкой.

— Я даже не знаю, радоваться мне или горевать, — доверительно сообщил дед Лидии. — Они так плохо жили все это время. У них все слишком разное — возраст, пристрастия, отношение к жизни. Но Диме понадобилась помощь, и Егор даже на секунду не задумался... Наверное, стоит пережить самые неприятные неприятности, чтобы понять и простить друг друга. Как вы считаете?

— Я не знаю, — сказала Лидия холодно. Ей было стыдно и казалось, что этот чудный старик говорит все это специально, чтобы ей стало совсем стыдно. — Для меня это слишком сложно.

— Я понимаю, — согласился дед Егора Шубина. — Вы обвиняете себя в том, что случилось у Егора на работе. Это понятно, но не правильно.

— Как не правильно? — изумилась Лидия.

— Да так. — Дед вооружился плоской деревянной лопаточкой, как показалось Лидии, вовсе не для того, чтобы что-нибудь немедленно помешать, а для того, чтобы чувствовать себя увереннее. — Если бы эту статью написали не вы, ее написал бы кто-нибудь другой, только и всего. Кажется, это называется «запрещенный прием». Или «недобросовестная конкуренция»? Ну, не важно. Важно, что вы убедились в том, что не правы, и пытаетесь нам помочь, а это совсем немало...

— Вы просто хотите меня утешить и не знаете как, — сказала Лидия злобно. — Меня совершенно незачем утешать, я и так все понимаю. Я героиня вовсе не положительная. Меня интересовали только слава и деньги, когда я писала эту статью. Меня совершенно не интересовал ваш внук. Мне было любопытно и весело. Еще бы! Испортить карьеру такому монстру, как Егор Шубин, это не каждому удастся! Особенно из нашего брата. Мы ведь только лаем, кусают-то другие...

— Вы говорите, как Дима, — прервал ее дед и полез в холодильник. — Вам нравится изображать из себя злодейку. Это тоже понятно и объяснимо. У нас есть свинные отбивные с грибами и розовая форель в фольге. Что вы предпочитаете?

Лидия захохотала, вылезла из-за стола, подошла и поцеловала деда в морщинистую щеку.

— Вам, наверное, не слишком повезло с дочерью, Василий Петрович, — сказала она серьезно, — но зато вам очень повезло с внуками. Обоими.

— Я знаю, — ответил он и приосанился. — Я всегда знал, что Егор не бросит Димку, а Димка опомнится, когда дело дойдет до беды. Форель или отбивные?

— Отбивные, — решила Лидия. — Давайте я накрою, Василий Петрович.

— А куда он уехал, вы не знаете? — спросил дед как бы между прочим. — Он вам не сказал?

— Сказал, что по делам, — ответила Лидия осторожно, — вы же слышали. Обещал, что ненадолго, и велел ждать.

— Велел... — повторил дед небрежно. — Он велит — мы выполняем. Он приказывает — мы ждем. Он сам справится. Мы не должны ему мешать. У него нет на нас времени.

— Добрый день старший сержант Морозов ваши документы пожалуйста.

Все это старший сержант Морозов выпалил единым духом и при этом смотрел на Егора с некоторым подозрением, как будто решал, когда тот начнет стрелять — сейчас или чуть погодя. Он даже оглянулся на свою сверкающую синими и красными фонарями машину, как бы ища у нее поддержки.

Егор неторопливо полез в бардачок и выудил увесистое портмоне с документами. Среди всего прочего там был и спецпропуск, по которому он въезжал на территорию империи Кольцова, почему-то оставленный ему при увольнении, и еще один пропуск, в Администрацию президента, и еще какой-то, кажется, эмвэдэшный, тоже очень значительный.

Старший сержант Морозов единым духом просмотрел все документы, обнаружил пропуска и приуныл. Егор внимательно наблюдал за ним. Все это напоминало сцену из фильма «Семнадцать мгновений весны». Не хватало только радистки Кэт, которая поправляла бы Егору запонки.

Еще раз оглянувшись на свою боевую машину и не найдя там ответов ни на какие вопросы, старший сержант Морозов обратил тоскующий взор на Шубина.

— Егор Степанович, — сказал он, заглянув в права. — Плановая проверка. Я понимаю, конечно, что у вас документы, но все-таки придется открыть багажник... С нами товарищ полковник, Егор Степанович, — сообщил он, понизив голос, — у нас рейд сегодня... — Он чуть не плакал, и Егор сказал поспешно:

— Никаких проблем, я все понимаю. Сейчас открою.

В его планы совершенно не входило привлекать к себе дополнительное внимание «товарища полковника».

Он заглушил мотор, выпрыгнул из машины и открыл заднюю дверь. Сержант посветил фонариком.

— Спасибо! — громко поблагодарил он с явным облегчением. Дело было сделано. Багажник открыва-

ли, фонарем светили, не испугались даже этой супермашины, каких во всем городе, наверное, штук двадцать, «товарищ полковник» из окна все видел, и при этом остались живы. Даже оружие никто не вынимал, шутка ли!

— Пожалуйста, — сказал Шубин довольно любезно, но все же несколько раздосадованно, как и подобает большому человеку, которого задержали по такому пустячному поводу.

— До свидания! — проорал старший сержант, и Егор отъехал. Выруливая на полосу, он еще раз посмотрел на гаишников в зеркало заднего вида, достал сигарету и закурил.

Момент был неприятный.

«Не опасный, — сказал себе Шубин. — Не опасный, но неприятный.

А я было решил, что дело сделано. Трупа нет, но наверняка в багажнике есть какие-то следы. Если бы целенаправленно искали, нашли бы обязательно.

Твою мать!..»

Он посмотрел на часы. Наверное, дома все сходят с ума, особенно Лидия. Ничего, потерпят еще немного. Звонить ему неоткуда — со всеми своими делами он забыл о том, что телефон нужно заряжать, и теперь он оттягивал карман, совершенно дохлый и бесполезный.

Шубин притормозил на светофоре. Сразу за мостом будет заправка и мойка. Наверное, имеет смысл заехать и попросить вычистить салон. Мало ли, когда его снова проверят. Может, через десять минут. Теперь все может быть.

Из-под светофора он вылетел первый и перестроился в левый ряд. Ездить ему было удобно — от его машины все шарахались в разные стороны, никто не подрезал, не обгонял, на рожон не лез.

Следующий светофор он проскочил на мигающий желтый и сразу зарулил на мойку. Там была очередь, но Егор решил ждать.

Своей очереди он ждал, наверное, с полчаса, потом снова ждал, пока расторопные тетечки в синих комбинезонах ползали по его машине с ведрами и пылесосами, потом ждал, пока ее мыли и полировали снаружи.

На набережной он попал в пробку, объехать которую не было никакой возможности, разве что по реке. Он курил одну сигарету за другой, тыкал все подряд кнопки приемника, слушал какую-то жуткую жуть про то, что «мне под кожу запустить дельфинов стаю», и почему-то нервничал все сильнее.

Добравшись наконец до дома, он загнал машину в гараж, опасаясь, как бы к утру в ней не появился еще один труп, и почти бегом бросился к лифту.

— Егор! — воскликнул выбежавший на шум открываемой двери дед. — Ты уже приехал!

— Да, — сказал Егор, — приехал. А что? Вы меня не ждали?

— Мы тебя ждем уже несколько часов, — сказал дед и зачем-то заглянул ему за спину.

Из другого коридора вышел Димка и прислонился плечом к косяку.

— А где она? — спросил он и тоже зачем-то заглянул Егору за спину.

Егор переводил взгляд с одного на другого. Они переглянулись, как парочка закадычных школьных друзей на педсовете.

— Она сказала, что ты просил ее встретиться с тобой, — сказал Димка быстро, — и уехала.

— Она поговорила по телефону, — подхватил дед. — Ну да. Кто-то позвонил ей, она сказала, что это ты и что у вас встреча.

— Во сколько это было? — спросил Егор. — Димка, где-то в том шкафу автомобильный зарядник для телефона, достань мне его. Во сколько?

— Ну... — Дед секунду подумал. — Минут двадцать назад.

— На! — Димка сунул устройство Егору в руку. — Хочешь, я с тобой поеду?

— Нет, — сказал Егор, — не надо. Я быстро вернусь.

И выскочил за дверь.

Дед и Димка снова переглянулись. Егор сунул голову в дверь и добавил:

— Если быстро не вернусь, в милицию звонить не надо. Поняли?

— Поняли, — ответили дед с Димкой разноголосым хором.

Егор прыгнул в лифт, который все еще стоял на месте, сунул в карман зарядник и поправил пистолет за ремнем джинсов.

Кто мог ей позвонить и куда она могла поехать после этого звонка? Где он сейчас найдет ее? Он не знает адреса ее матери и того придурка, Леонтьева, к которому она тоже вполне могла поехать.

Могла или не могла?

На чьей она стороне? Самое время спросить себя об этом.

— Опять уезжаете, Егор Степанович? — спросил удивленный охранник.

— Я скоро вернусь, — пробормотал Егор. Он сел в машину и первым делом включил телефон. И набрал ее номер.

«Абонент не отвечает или временно недоступен», — доверительно сообщила ему трубка, и Егор злобно сунул ее между сиденьями.

«Недоступен!.. Стал бы я звонить, если бы мой абонент был доступен!

Зачем она уехала, ведь я приказывал ей сидеть дома! Сидеть и ждать. До ее дома на машине, наверное, полторы минуты. Если она дома, значит, она дома уже минут восемнадцать».

Могло произойти все, что угодно.

Он может приехать и найти ее труп, уткнувшийся в цветную обивку дивана.

Сидя на лавочке, Лидия равнодушно смотрела в проем между домами. Было видно соседнюю улицу, по которой плотным потоком шли машины. Сидеть на лавочке в итальянской дубленке было холодно, но Лидия знала, что домой она ни за что не пойдет. Время от времени она вытаскивала из кармана нагревшийся телефон и негнушимися замерзшими пальцами набирала шубинский номер. Его телефон был выключен, но держать в руках теплую труб-

ку было приятно. Как будто спокойнее становилось. Но она быстро остывала, и тогда Лидия пихала ее обратно в карман.

Что ей теперь делать? Шубин пропал. Его телефон не отвечает. Домой она идти боится. Больше никуда идти нельзя — ей все объяснили вполне ясно и доходчиво. Она не может и не должна подвергать опасности окружающих. Они ни в чем не виноваты.

Во всем виновата она сама.

К ногам упал снежный ком, сорвавшийся с ветки, и Лидия сильно вздрогнула.

«Ты скоро станешь полной истеричкой, — сказала она себе. — Если успеешь, конечно».

Она задумчиво пошевелила ногой снег.

Вот и Новый год скоро. А там февраль, и — весна.

Весной все по-другому. Весной так весело, так радостно просыпаться, даже если ничего особенно радостного впереди и не ждет. Вечера становятся длинными, а дни — солнечными. В первый же солнечный весенний день Лидия нацепляла темные очки и чувствовала себя стильной красавицей. У нее была такая игра в весну, которую она, может быть, больше никогда не увидит.

Какая-то машина пролетела въезд во двор и с визгом затормозила на мокром, круто посоленном асфальте. Лидия лениво повернула голову. Машина сдала назад, колеса повернулись чуть не на девяносто градусов — Лидия отлично видела их под фонарем, — водитель дал газ, во все стороны брызнул снег, джип перевалил через сугроб, наваленный снегоочистителем, и Лидия узнала машину Егора Шубина.

Джип подлетел к лавочке, осел на задние колеса и еще не остановился до конца, когда распахнулась дверь и Шубин спросил у нее негромко:

— Что ты здесь делаешь?

— С-сизу, — сказала она, клацнув зубами от холода. — Что случилось? Где ты был так долго?

— Машину мыл, — ответил он равнодушно. — Может, сядешь? Холодно очень.

— Холодно — уезжай, — сказала она и отвернулась.

Его равнодушный тон оскорбил ее. Она замерзла на этой чертовой лавочке до того, что пальцы отказывались попадать в кнопки телефона, она чего только не передумала за это время, а он мыл машину и смеет говорить об этом таким оскорбительно равнодушным тоном!

— Не дури, — попросил он все так же равнодушно. — Я устал, мне нужно домой.

— Нужно — езжай, — повторила она и отвернулась. И с независимым видом сунула руки в карманы.

Он посидел еще несколько секунд — она смотрела в сторону, — потом захлопнул дверь, и джип стал медленно сползать с площадки.

Он уезжает, пронеслось в голове. Он действительно уезжает. Он сейчас уедет совсем.

Глаза моментально наполнились слезами. Задние фонари машины расплылись и странно приблизились. Заложило нос, и стало очень жалко себя. Лидия зажмурилась, слезы полились по холодным щекам. Их было что-то очень много, как будто они ждали в засаде, когда она наконец раскиснет.

Что она теперь станет делать?! Ей страшно идти домой, а больше никуда пойти она не может. Еще была какая-то надежда, пока она пыталась ему дозвониться, а он не отвечал, и она мечтала, чтобы он наконец ответил. Чтобы кончилась эта мука неопределенности! Мука кончилась, и что теперь ей делать?!

Негромкое и сытое урчание заморского двигателя как будто приблизилось, но она стойко смотрела в другую сторону, не разрешая себе поворачиваться.

Мигнули фонари. Джип задом взбирался на площадку. Широценная рифленая шина остановилась в сантиметре от ее ботинка. Распахнулась пассажирская дверь, Шубин выпрыгнул с другой стороны, подошел и за шиворот, как щенка, поднял Лидию с лавочки.

Очень неудобно и унизительно, головой вперед, он впахнул ее в салон, дернул за ноги, как будто зашвырнул их внутрь, с силой захлопнул дверь, в один шаг обошел джип и сел за руль.

— Дура! — сказал он. — Куда тебя понесло?! Ты что, не могла меня дождаться?! Зачем ты уехала, да еще нашим наврала, что встречаться со мной?! Что я должен был думать?!

— Откуда я знаю, что ты должен был думать! — закричала Лидия, и слезы хлынули, хотя она очень старалась их удержать, чтобы спасти хотя бы остатки гордости. Они лились почему-то прямо на губы, попадали в рот, и в горле сразу стало солоно и горько. — А я?! Ты уехал, еще светло было! Ты уехал с Гришкой в багажнике и пропал! Телефон у тебя не отвечал, а я все ждала, ждала и думала, что, может, я уже напрасно жду, что, может, тебя уже убили! Ты что, не мог позвонить?! Он, видите ли, мыл машину! А потом мне позвонили и сказали, чтобы я перестала валять дурака! Что меня все равно найдут, когда придет моя очередь! Что люди, которые меня прячут, ни в чем не виноваты, а я!.. А их могут убить из-за меня!

— Что ты сказала? — Шубин вдруг снял очки, притянул ее к себе за отвороты дубленки и поцеловал в губы.

Она сопротивлялась, выворачивалась и упиралась. Она отпихивала его локтем. Она даже попробовала его укусить, но он не отпускал ее.

Он был намного сильнее. Гораздо сильнее.

Она вовсе не собиралась с ним целоваться — еще не хватало! Он не должен ее лапать — что за номера! Она очень рассердилась на него — он обозвал ее душой!

Одной рукой она обняла его за шею, а другую засунула ему под свитер, в его тепло, в его чистый запах. Там, под свитером, двигалась гладкая кожа и колотилось сердце, очень близко, странно близко, у самой ладони. Она прижалась еще теснее. Рычаг переключения передач очень мешал ей, и она пнула его ногой.

Пошарив рукой, Шубин положил свои очки на щиток. Ему вдруг стало так жарко, что взмокла кожа между лопатками. Ее губы были нежными и все еще чуть-чуть солеными на вкус. И еще он чувствовал вкус коньяка.

Так не бывает. Так не может быть.

Он и не знал, что так бывает. Что так может быть.

Лидия что-то пробормотала, открыла глаза, блестящие и незрячие, и сказала хрипло:

— Шубин.

От этого голоса у него вдруг что-то зазвенело в голове.

Он должен контролировать ситуацию.

Он совершенно точно знал, что еще несколько минут, и он ни черта не сможет контролировать.

— Хватит, — сказала Лидия и снова закрыла глаза. — Я больше не могу.

И сунула нос за воротник его свитера. Тонкие пальцы стиснули кожу на его груди и медленно отпустили. Шубин резко вздохнул, так что Лидия едва удержала равновесие. Другой рукой она, торопясь, вытаскивала его свитер из джинсов и, вытащив, даже заскулила от восторга — ее ладони сошлись на гладких и длинных мышцах спины, теплых и сильных.

Еще немножко. Она разрешит себе еще совсем немножко...

Она провела губами по резко очерченной шершавой скуле, спустилась к ключице и потерлась о нее носом.

«Кажется, я собирался что-то там такое контролировать. Или не собирался? Или это не я собирался?»

Он держал в ладони ее затылок, откинув блестящие волосы, целовал шею и нежную кожу за ухом и совершенно точно знал, что немедленно умрет, если не получит ее всю, целиком и полностью.

— Шубин, — повторила она своим коньячным голосом. — Шубин.

Оторвала от себя его руки и отодвинулась в угол. Некоторое время они молчали, только таращились друг на друга, потом он торопливо заправил в джинсы задранный мятый свитер и запахнул дубленку, как будто ему стало холодно. Полой дубленки он смахнул на пол мобильный телефон и долго и бессмысленно изучал то место, где он был только что. Потом нагнулся и стал шарить под креслом.

Пока он шарил, Лидия пришла в себя.

Он разогнулся, сунул телефон на место, надел очки и покосился на нее.

— Куда мы поедем? — спросила она, и собственный голос показался ей хриплым и неприличным.

— Как куда? — У него тоже был хриплый и неприличный голос. — Домой.

— Мне нельзя к тебе. — Она сжала в кулачок руку. — Мне сказали по телефону, чтобы я вернулась к себе.

— А я сказал тебе, чтобы ты не смела включать телефон, пока я не скажу. И не по телефону, а лично.

— Мой телефон, — сказала Лидия. — Когда хочу, тогда и включаю.

— Моя квартира, — сказал Шубин. — С кем хочу, с тем и живу. В данный момент я хочу жить с тобой.

Лидия подавилась очередной тирадой и растерянно хрюкнула.

— Да не бойся ты! Я смогу тебя защитить, если потребуются. И Димку с дедом тоже.

— А себя? — спросила она, и дурацкие слезы опять поднялись, грозя затопить горло. — А себя ты защитить сможешь?

Он сбоку взглянул на нее.

— Я постараюсь, — сказал он осторожно. — Я уже стараюсь. А что? Ты думаешь, я плохо стараюсь?

Джип выбрался со двора в тесный Архангельский переулок и осторожно, как будто сам по себе, пробирался между рядами припаркованных машин.

— Где ты будешь мне рассказывать о том, что было у Гришки в квартире и почему ты так долго не приезжал? — неожиданно спросила она деловым тоном.

— А что?

— Просто мы через минуту уже приедем к тебе. Если не хочешь рассказывать дома, можем поиграть в дальнобойщиков.

— Что? — переспросил Шубин изумленно. — Во что мы можем поиграть?

— Ты что, не знаешь, как играют в дальнобойщиков? — спросила Лидия недоверчиво. — Это очень просто. Сначала нужно заехать в «Макдоналдс» и купить каких-нибудь пошлых гамбургеров и кока-колы. Потом нужно ехать

на МКАД. Обязательное условие — пока не выехали на МКАД, есть гамбургеры и пить кока-колу нельзя. Ну вот. По МКАД нужно ехать очень быстро, пить кока-колу и есть гамбургеры. И разговаривать. Можно два круга объехать, можно три. А можно всю ночь ездить. Как хочешь. И смотря на сколько хватит разговоров.

Шубин захохотал так неожиданно и так громко, что Лидия вздрогнула, прервала свои объяснения и посмотрела на него с некоторым осуждением.

— Ты что?

— Ничего, — ответил он и опять захохотал. — Лидия, ты даже представить себе не можешь, как здорово, что ты мне попалась!

— Как попалась? — не поняла она.

— Что ты попалась на моем тернистом жизненном пути и не дала мне сойти в могилу скучным старым ученым ослом.

— Теперь ты сойдешь в могилу молодым и веселым ученым ослом, — буркнула она и отвернулась.

— Не льсти себе, — сказал он, поворачивая к своему дому. — Ты тут ни при чем. Моя преждевременная кончина — вовсе не твоих рук дело. Тебе меня не схавать. Я крутой, тертый, умный, хитрый и злопамятный. Весь набор качеств, необходимых для большого бизнеса, у меня присутствует. Считаю, что ты просто ручка, которой написали статью, только и всего.

— Спасибо, — поблагодарила Лидия. Господи, он все время обижает ее и даже не замечает этого!..

— Пожалуйста, — сказал Шубин. — Не дуйся. Ну хочешь, считай, что ты не просто ручка, а ручка «Паркер».

— Отстань от меня со своей ручкой!

Он затормозил у гофрированных железных ворот, вытащил из кармана брелок с дистанционным управлением и нажал кнопку. Ворота не шелохнулись. Шубин выругался, высунул руку с брелоком в окно и снова нажал кнопку.

Потом еще и еще раз.

— Какого хрена я плачу деньги за всю эту муру, если она два раза из трех не работает! — Он снова

нажал и отпустил кнопку. От злости у него задергался под глазом какой-то отвратительный нерв. Нерв-предатель. Нерв-изменник. Он все время подводил Егора Шубина, начиная дергаться в самый неподходящий момент.

Лидия смотрела на него с интересом.

— Что это ты так... разошелся? — спросила она с легким презрением. — Поду-умаешь, ворота не открываются!

— Когда они в прошлый раз не открывались, меня здесь чуть не побили! — Он прижал к дергающемуся глазу ладонь. — И меня достала вся эта канитель!!! — внезапно заорал он, выпрыгнул из машины, снова смахнув на пол свой многострадальный мобильный телефон.

Лидия в лобовое стекло наблюдала, как Шубин в два шага приблизился к воротам, саданул кулаком по блестящей кнопке домофона, встроенного в железную дверь, и как только отзвенели нежные переливы колокольчиков внутри домофонного организма, начал орать.

Она улыбнулась. Он так нравился ей, что даже просто смотреть, как он орет, доставляло ей удовольствие. И ничего она его не боялась! Глупость какая — бояться Егора Шубина! И почему он казался ей похожим на замороженную лягушку или английского аристократа? Нормальный мужик, вспыльчивый, твердолобый и упрямый, как все нормальные мужики.

Устыдившись своего влюбленного девчачьего разглядывания, Лидия перегнулась через сиденье и стала шарить под креслом в поисках его мобильного телефона. Он закатился куда-то очень далеко, и ей пришлось вытащить его за шнур зарядника. Пыхтя, она распрямилась, взглянула в окно и замерла. Телефон болтался у нее в руке, как дохлая крыса на веревочке.

Шубин у железных гофрированных ворот был не один. Рядом с ним стояли двое.

В середине светового пятна, резко очерченного фарами на гофрированных металлических волнах, засунув руки в карманы джинсов, был один Шубин. Те стояли за гранью этого круга, под фонарем, казавшимся по кон-

трасту с ярким светом фар очень тусклым. Лидия не могла их разглядеть.

Что-то случилось.

Она дернула ремень, который, конечно, моментально заклинило в замке. Она дернула еще раз. Трясущиеся руки никак не справлялись.

Что-то случилось. Нужно спешить.

Замок негромко щелкнул, ремень с приятным жужжанием поехал вверх, освобождая Лидию.

Она с силой толкнула дверь и чуть не выпала наружу. Она ни о чем не думала, кроме того, что должна спасти Егора Шубина.

Каблук ботинка зацепился за подножку, Лидия не удержалась и с размаху шлепнулась на колени, в снег и жидкую грязь.

Шубин оглянулся. И те двое оглянулись тоже.

— Егор! — крикнула Лидия. Неужели в этом его супердоме нет никакой охраны, которая может помочь?!

Шубин сделал один гигантский шаг, оказался в середине лужи и вытащил Лидию.

— Ты что? — спросил он.

— Что случилось? — спросила она и услышала ужас в собственном голосе.

— Ах ты, глупая корова, — сказал все понявший Шубин. Нагнулся и стал отряхивать ее промокшие джинсы, по которым текла вода. — Это не наемные убийцы. Это моя мать с очередным кавалером. Ты же ее видела сегодня. Не узнала?

— Мать? — переспросила Лидия, трясась.

Шубин распрямился, посмотрел ей в лицо, неожиданно и некстати поцеловал и повел прочь из лужи. Распахнулась дверь, выскочил охранник.

— Егор Степанович?

— Загоните в гараж мою машину, — приказал Шубин. — Ключи в зажигании. Ритуля, это Лидия Шевелева, ты с ней, кажется, знакома. И я не понял, что за номера? Почему ты караулишь меня у подъезда? Мы же виделись сегодня.

— Жора, — начала Маргарита, и Лидия посмотрела на нее в полнейшем изумлении.

Что это еще за Жора? Какой Жора? Где Жора?

— Жора, мне нужно с тобой поговорить без свидетелей. У тебя в квартире я разговаривать не могу. Тебе придется выслушать меня прямо здесь. Я твоя мать и имею право на общение с сыном.

— Передачи принимаются по вторникам и четвергам, — пробормотал Шубин. — Приемные часы каждый день с семнадцати до девятнадцати.

Лидия переступила ногами в мокрых ботинках. Она никак не могла взять в толк, что здесь происходит.

За их спинами железные ворота медленно поползли вверх, открывая освещенный съезд в подземный гараж. Джип негромко и деликатно посигналил, просясь домой. Маргарита отступила к витой металлической решетке и даже несколько прижалась к ней, как героиня фильма ужасов, застигнутая врасплох посреди ночного города.

Лидия с тоской смотрела, как джип скатывается вниз. Ей тоже очень хотелось в какой-нибудь теплый и сухой подземный гараж. И чтоб залили бензином и вытерли тряпкой.

Мокрые ноги стыли, и от всего пережитого за этот день как-то неожиданно и чудовищно заболела голова.

— Жора, — продолжала наддавать Маргарита, — я не уйду, пока ты меня не выслушаешь.

— А где он? — негромко спросила Лидия у Шубина.

— Кто он? — не понял Шубин.

— Да Жора этот.

Почему-то все уставились на нее так, как будто только что заметили, что она здесь.

— А, — сказал Шубин. — Жора — это я.

— Убери ее, — посоветовала Маргарита с брезгливой материнской нежностью. — Отправь домой. Деточка, нам нужно поговорить. Вы мешаете. Идите домой. У Егора Степановича важные дела, разве вы не видите? Идите, идите домой, дорогая!

— Если речь о Димке, — не слушая, проговорил Шубин, — то все вопросы решены. Мы с тобой и так совместными усилиями чуть парня не угробили. Он останется со мной, Ритуля. Даже если он завтра начнет

вопить и проситься к тебе, любимой, я его не отпущу. Ему только кажется, что он взрослый. На самом деле — еще совершенный лопух. И я не понял, дальше-то что? Зачем ты сюда притащилась, да еще с кавалером?

«Кавалер», спортивный и моложавый мужчина не определимого на первый взгляд возраста, до сих пор не проронил ни звука. Стоял в некотором отдалении и наблюдал за всем происходящим со снисходительным и отчасти скучающим видом.

— Это не кавалер! — воскликнула Маргарита. — Это человек, за которого я выхожу замуж! Скажи, Жора, тебе доставляет удовольствие унижать меня при посторонних?

— При каких посторонних? — спросил Егор. — Если ты про Лидию, то это не посторонняя, а женщина, на которой я женюсь.

Сделалась некоторая пауза.

— Что? — переспросила Маргарита, в ее голосе явно слышалось затруднение. — Что ты делаешь?

— Женюсь, — повторил Егор. — Ритуль, давай скажем друг другу «совет да любовь» и пойдем по домам, а? Ну нет у меня сил продолжать. Ну пожалей ты меня хоть один раз в жизни!..

— Она что, беременная? — спросила Маргарита быстро и вцепилась в Лидию взглядом. — Ты уверен, что это твой ребенок? Ты знаешь, какие они теперь все ловкие, и чего только они не делают для того, чтобы захомутать богатых мужиков! Она делала анализы? Ты должен заставить ее сделать анализы!

— Дорогая, — вдруг пророкотал Маргаритин жених, — по-моему, это совершенно не твое дело.

— Не мое?! — взвизгнула Маргарита. — Не мое?! Мой сын привел в дом какую-то проститутку, которая догадалась сказать ему, что она беременна, и это не мое дело?! Ему сорок лет, и он еще ни разу не был женат, а теперь ни с того ни с сего собрался жениться только потому, что...

— Господи, за что мне все это? — спросил Шубин, обращаясь к темному небу.

Лидия тоже задрала голову и посмотрела. Звезд не было, низко летели рваные облака, подсвеченные снизу «огнями большого города». В просветах между ними открывались другие, более высокие и темные облака, и в этом была какая-то первобытная жуть, как обещание близких и неотвратимых катастроф. Почему-то всю жизнь Лидия боялась темного ночного неба.

— Пошли, а? — попросила она и потянула Егора за рукав. — Пожалуйста...

— Она уже говорит тебе, что ты должен делать! — злобно констатировала Маргарита. — Ты что, и вправду собираешься жить со случайной шлюхой...

— Что тебе надо? — спросил Шубин таким тоном, что Маргарита попятилась и на самом деле прижалась к решетке. — Денег? Сколько?

Вот оно в чем дело, вяло подумала Лидия. Вот он, источник высоких чувств и трагического вдохновения. Вот он, подземный ключ сложных и разнообразных эмоций.

Ей просто нужны деньги.

— Видите ли, в чем дело, — солидно начал красавец мужчина, — у меня свой небольшой бизнес. Довольно прибыльный и успешный. Я питаю самые искренние и теплые чувства к вашей матушке, — добрая улыбка в сторону Маргариты, — но мои финансовые обстоятельства не позволяют мне жениться, не обговорив вопроса о приданом. Надеюсь, что, как мужчина, вы вполне поймете меня.

— О чем? — переспросил Шубин. Лидия быстро на него взглянула. — О приданом?

— Небольшое приданое, — пояснил красавец мужчина безмятежно. — Которое вполне по силам вам и которое устроит меня.

Лидия осторожно сунула руку в карман его дубленки и сжала там его ладонь.

И вправду, Господи, за что ему все это? Может, уже достаточно для одного дня?

— Вы не торопитесь, — продолжал красавец мужчина отеческим тоном среди всеобщего молчания, — мы вполне можем встретиться не сегодня и не на ходу,

чтобы обсудить все условия. Милости прошу ко мне на дачу в Малаховку. Я отлично понимаю, что такие вопросы не решаются сгоряча. Просто Маргариточка уверяла меня, что мы должны все обсудить именно сегодня, и я решился вас беспокоить.

Егор медленно выдохнул. Красные круги перед глазами бледнели, расплывались и медленно исчезали. Он не ожидал, что Маргаритин жених приведет его в такое бешенство.

Маргарита комкала платочек и смотрела в асфальт.

Интересно, подумала Лидия, каково это — чувствовать себя бесприданницей? И затевать целую историю, чтобы выклянчить это приданое? И знать, что, если выклянчить не удастся, жених так же солидно и неторопливо попросается и уйдет, не оглянувшись и ни на миг не утратив душевного спокойствия?

— Значит, так, — сказал Егор. — Ритуля, если тебе действительно нужен... нужна эта скотина, я заплачу ему. Сколько вы хотите? Ну, судя по вашему виду, десяти будет вполне достаточно.

— Вполне, — согласился жених, несколько — впрочем, вполне умеренно — обиженный на «скотину».

— Десять тысяч долларов, — подытожил Шубин. — Отлично. Брачный контракт я составляю сам. Мне не хотелось бы покупать Ритуле квартиру, когда вы ее выставите. Все условия вашего совместного проживания, прописки, права наследования, распределение доходов будут оговорены в контракте. Если вас обоих что-то в нем не устроит, значит, сделка не состоится. Контракт будет готов в течение десяти дней и вступит в силу с момента его подписания и официальной регистрации брака. Через десять дней моя секретарша передаст вам готовый экземпляр. — От бешенства он позабыл, что безработный и у него нынче нет секретарши. — Все? Мы решили все вопросы? В Малаховку не надо ехать?

— Только одно, — благодушно сказал счастливый жених. — Надеюсь, что после свадьбы вы не уменьшите Маргариточкино содержание. Я хотел бы, чтобы это было упомянуто в контракте отдельным пунктом. А насчет квартиры вы зря волнуетесь, я человек порядочный.

— Забирай своего порядочного, — приказал Шубин Маргарите. — Желаю счастья в личной жизни!

— Что это тебя так понесло? — спросила Лидия, когда наконец они зашли за витую решетку двора. — Распределение доходов, права наследования... Да еще скотиной обозвал. Ты думаешь, ей легко было переться к тебе и просить денег, без которых ее не берут замуж?

— Иногда я ее ненавижу, — признался Шубин. — Так, что даже себя не помню. На самом деле у меня было плохое детство, Лидия. И все из-за нее и таких же сволочей, которые появлялись, уходили, иногда уносили последние деньги и какое-то барахло из нашей квартиры. Я все время был один, есть хотел до умопомрачения, ждал деда как избавления от всех бед. С утра до ночи я ждал, что приедет дед и заберет меня. Маргарита не отдавала, мужики меня лупили, не все, конечно, но некоторые, учился я плохо, болел без конца...

Лидия схватила его за отвороты распахнутой дубленки, потянула и прижала спиной к кирпичной стене. От неожиданности он дал себя прижать.

— Наплевать и забыть, — сказала она и посмотрела ему в лицо. — Ты понял? Прости ее, она всего лишь дура. Да еще такая, видишь, не слишком счастливая. У тебя все по-другому — у тебя чудный дед, брат, целая семья!

— Это точно, — подтвердил он, отводя глаза. — Семья. Особенно Димка, которого я бросил.

— Ну пойд и повесься, — предложила Лидия и поцеловала его в губы. — Когда я первый раз в жизни тебя увидела, то перепугалась до ужаса. А сейчас мне кажется, ты такой славный, — она потерлась щекой о его свитер, — такой милый... — и она потерлась другой щекой.

— Милый, — повторил он. — Славный...

Вот ерунда-то.

Он, Егор Шубин, славный и милый. Никогда в жизни он не был славным и милым. Наверное, даже когда ему было два месяца, он уже не был ни славным, ни милым. Никогда в жизни у него не было ничего подобного: он не обнимался с девушками у подъезда собственного дома и

не разговаривал с ними на душещипательные темы. Ему это даже в голову не приходило. Да и девушек-то никаких не было. Были бабы, с которыми он спал. И все это было понятно и просто.

А сейчас?

Он осторожно взял прядь ее блестящих темных волос и близко поднес к глазам. Ему казалось, что это прядь какой-то дивной, нечеловеческой красоты. Ему хотелось рассматривать ее волосы, пальцы, кольца, щеки, локти, ресницы. Он мог три часа простоять, прижавшись спиной к кирпичной стене, затаившись и чувствуя только, как ее щека двигается по его свитеру.

— Пошли? — спросила она, отстранилась и взяла его за руку. — Ты мне должен рассказать про... Гришку и про все остальное.

— Да, — сказал он и откашлялся. — Что-то мы отвлеклись...

Записные книжки, взятые из Гришкиной квартиры, оказались совершенно бесполезными. Несколько последних страниц были вырваны.

— Даже не вырваны, — сказал Шубин, внимательно рассматривая корешки. — Вырезаны. Вырезаны лезвием.

— Как ты думаешь, как его убили? — Лидия сидела в его кабинете на диване, поджав ноги и накрывшись шерстяным покрывалом.

— Зачем тебе? — Он поднял на лоб очки и разглядывал последнюю страницу на свет, надеясь рассмотреть какие-нибудь отпечатки. Никаких отпечатков не было.

— Ни за чем.

Шубин мельком на нее взглянул.

— Какой-нибудь укол, я думаю.

— Зачем его убили, Егор?

Он опустил очки на глаза, сел за стол и открыл чемодан с Гришкиным компьютером.

— Во-первых, затем, что он знал, кто подсунул тебе информацию, следовательно, с самого начала был опасен. Я думаю, его и выбрали потому, что его очень

просто устранить. Передозировка наркотиков, с кем не бывает. Во-вторых, потому, что человек, который все организовал, начал подчищать следы. Я уверен, что твой Леонтьев уже понял, что ты утащила у него кассету, а может, кто-то видел, как ты лезла к нему в кабинет. Например, тот же Гришка. А дальше все логично — ты говоришь мне, что запись нашего телефонного разговора ты отдала не кому-нибудь, а именно Леонтьеву. То, что Распутин в прошлом звукорежиссер, никакая не тайна, и я отправляюсь к Распутину. Он слабак и наркоман и сообщает мне все, что знает, а знает он, очевидно, немало. Я понимаю, кто за этим стоит, кроме твоего друга Леонтьева, и у меня остается единственная сложность — как-то убедить в этом батяню. Допустить этого никак нельзя. Гришку убивают, чтобы повесить его убийство на меня. Я думаю, что и тебя по сценарию тоже должен убить я. Так что когда я просил тебя не выходить из дома, я знал, что делал, а тебя понесло, блин...

Он открыл компьютер и включил его.

— Единственное, чего не мог предусмотреть организатор, — это нашего с тобой неожиданного союза. — Шубин снова взглянул на Лидию и улыбнулся. — Такое предположить было сложно. То, что ты оказалась со мной заодно, намного осложняет ему задачу.

— Ты меня просто утешаешь, — пробормотала Лидия. — Убить меня?

— Я уже говорил и повторяю — я сумею тебя защитить, — сказал он холодно. — Особенно если ты будешь меня слушаться. Будешь?

Она промолчала. Мысль о том, что ее действительно хотят убить, в прямом смысле не укладывалась в голове, как будто там не хватало для нее места.

Это невозможно. Это какая-то ерунда. Почему тогда он сидит за компьютером, а не бежит в милицию или к своему другу-головорезу, почему он ничего не предпринимает такого, что остановило бы механизм? И можно ли еще его остановить?

— Пусто, — сказал Шубин с досадой. — Вот молодцы. Никаких следов.

Лидия встала с дивана и подошла к нему, волоча за собой плед.

— Что пусто?

— В компьютере пусто, — сказал Шубин. — Ничего нет. Видишь?

— Да ну его, этот компьютер, — сказала Лидия дрожащим голосом. — Нас что, вправду хотят убить, Егор?

Он молчал, и она слегка толкнула его в плечо.

— Шубин!

— Не хватало только, чтобы ты сейчас начала паниковать, — сказал он. — Лидия, ты же умная взрослая женщина. Как бы журналист. Ну подумай. Вряд ли все это стали бы затевать, чтобы наградить меня орденом. Ты тоже в финале нашей маленькой драмы совсем... лишняя. Тем более ты взялась воровать кассеты и делать какие-то выводы, которых вовсе не должна была делать. Какой напрашивается вывод?

— И всех нас, — начала она дрожащим голосом, неотрывно глядя ему в спину, — и Гришку, и тебя, и меня убьют только затем, чтобы кто-то смог получить твоё место? Только за этим?

— Да, — сказал он, — только за этим.

— Да кто ты такой, черт побери! — заорала она. — Римский император Цезарь? Генералиссимус Сталин?! Уинстон Черчилль?

— Я Егор Шубин, и я мешаю кому-то делать бабки. Так мешаю, что никакие хлопоты по моему устранению не сравнятся с теми райскими кущами, которые ожидают организатора, когда он избавится от меня. Считай, что я сторожевая собака, которая караулит амбар Тимофея Кольцова. Собаку нужно отравить и посадить на её место другую собаку, которая будет не караулить, а таскать из амбара мешки. Понимаешь?

— Пошел в задницу, — устало сказала Лидия.

Он просматривал файлы и делал это так быстро, что у нее зарябило в глазах.

— Какое сегодня число.

— Двадцать третье, — ответила она машинально. —

А что?

— Видишь, календарь остановлен. Не знаю, зачем его остановили, может, случайно, когда выгружали файлы. На нем вчерашнее число. Значит, твоего Гришку убили вчера.

— Ну и что?

— То, что не позавчера и не третьего дня. Его убили после того, как ты вытащила кассету.

Лидия взялась рукой за горло.

— Ты хочешь сказать, что его убили из-за меня?

— Нет, — ответил он быстро и оглянулся на нее. — Никто ни в чем не виноват, Лидия. Это просто такая... игра.

Мертвый Гришка — это игра. И телефонный звонок, и придушенный голос, обещавший, что она умрет, — это тоже игра.

И Игорь Леонтьев, которого она когда-то так любила, тоже игра?

— А... Леонтьев? — спросила она хрипло. — Почему ты не можешь пойти и спросить у него, кто заказал публикацию?

— Я уже спрашивал, — ответил Шубин. — Помнишь, тогда, когда чуть не задушил тебя? Да он скорее всего и не знает ничего. Ему заплатили, он пообещал разместить материал. Обмен активами, только и всего. Вам с Распутиным были отведены куда более активные роли. Черт побери! Даже адреса все изъяты.

Словно очнувшись, Лидия посмотрела на монитор.

— Подожди, — вдруг сказала она. — Какие адреса?

— Электронные. — Шубин потянулся длинным и сильным телом, закинув за голову руки. — Мне нужно Барышеву позвонить, он должен был узнать, опечатан мой кабинет или нет...

— Звони, — сказала она, глядя на монитор. — Мне выйти?

— С ума сошла, — пробормотал Шубин. — Сиди где сидишь.

Но она все-таки вышла. Егор проводил ее глазами. Больше всего в настоящий момент жизни его волновал вопрос, как они сегодня будут спать — вместе или по разным комнатам? Ответа на этот вопрос он не знал, зато знал

совершенно точно, что думать он сейчас должен явно не об этом.

Почему, черт побери, все в этой жизни наваливается сразу?!

Кажется, он уже задавал себе этот вопрос.

— Может быть, чаю хотите, Лидия Юрьевна? — спросил у Лидии шубинский дед, заслышав, что она бродит по коридору. — У вас усталый вид. Это говорит о том, что вам явно не хватает витамина А.

— Почему А? — спросила Лидия и захохотала.

Дед смутился.

— Потому что мы вообще мало употребляем этот витамин, — пояснил он. — Так как насчет чая?

Он ни о чем не спросил, когда его внук вновь привел в дом девицу, написавшую злополучную статью. Он сделал вид, что все идет просто прекрасно, и усадил всех ужинать. Он не сделал попытки ничего выяснить, когда внук и девица заперлись в кабинете и сидели там битых два часа.

Теперь он предлагает чай и рассуждает о витамине А.

Уникальный дед.

— Василий Петрович, — сказала Лидия, — мне, наверное, придется у вас переночевать, потому что дома у меня... проблемы. Они скоро разрешатся, и я освобожу вас от своего присутствия.

— Вы нас совсем не стесняете, — пробормотал дед галантно. — Мы очень рады...

— Я упала в лужу, когда выходила из машины вашего внука, и у меня до сих пор мокрые ноги. — Она улыбнулась. — Можно мне в ванну?

— Конечно, конечно, — засуетился дед. — Сейчас я вас провожу. Наталья Васильевна все приготовит. Наверное, лучше в ту ванную, которая ближе к гостевой спальне... Что же вы молчали, теперь наверняка заболете! Я принесу вам халат и тапочки. Почему же вы не сказали сразу, Лидия Юрьевна?

Димка выглянул в коридор и скрылся. Лидия изучала картины. В голове у нее было пусто, только как будто молоток лупил в стену. Давление, что ли?

— Все готово, — объявил дед издалека. — Бегите скорее в ванную, Лидия Юрьевна.

Вода шумела, закручиваясь в водоворот в середине громадной черной ванны. На кресле были приготовлены желтый халат и пушистые тапочки и — отдельно — три полотенца, одно больше другого. Статная дама в клетчатом переднике — стиль Фрекен Бок — оглянулась на шум открываемой двери. Лидия попятилась. Она никогда не видела ее раньше.

— Добрый вечер, — сказала дама со сдержанным царским достоинством, — меня зовут Наталья Васильевна. Вот полотенца и халат. Пена и соли справа. Кремы и фен здесь и здесь. — Она по очереди открывала шкафчики. Они взблескивали нестерпимым зеркальным огнем. — Может быть, подать вам сюда чай?

— Н-нет, спасибо, — пробормотала потрясенная Лидия. Дама производила совершенно необыкновенное впечатление. — Спасибо вам большое...

— Там сауна. — Она открыла дверь в противоположной стене, из которой сразу пахнуло сухим теплом. — Минут через пять будет полностью готова. Ваша спальня по коридору налево. Первая дверь. Если что-нибудь понадобится, позовите меня.

Лидия посмотрела ей вслед, не решаясь стянуть водолазку. Все это напоминало сцену из какого-нибудь идиотского бразильского сериала, которых она в изобилии насмотрелась, когда в прошлом году болела гриппом. Первая ночевка Лидии в покоях Егора Шубина прошла как-то менее заметно, без таких сложных церемоний.

Через несколько секунд она уже лежала в очень горячей, аппетитно булькающей воде, пена поднималась со всех сторон, легкая и душистая, как крем на дорогом торте. Молоток в голове стукнул в последний раз и затих в приятном изнеможении.

Кажется, Фрекен Бок еще говорила что-то о сауне...

— Ты здесь? — спросил совсем рядом голос Егора Шубина, и дверь распахнулась. — Что ж ты два часа сидела и даже не напомнила мне, что у тебя мокрые ноги?!

— Закрой дверь! — вскрикнула Лидия и съехала по краю как можно глубже. — Закрой дверь сейчас же!

Он вошел в ванную, закрыл за собой дверь, сбросил с кресла халат, уселся и вытянул ноги.

— Закрыл, — сообщил он, рассматривая красную Лидию физиономию в окружении торчащих в разные стороны мокрых волос.

— Слушай, уйди, а? — попросила Лидия булькая, потому что рот у нее был под водой. — Ты что, не понимаешь, что это неприлично?

— А в сауне была? — спросил Шубин как ни в чем не бывало. — Там замечательно, самое лучшее средство, когда холодно. Была?

— Не была, — сказала она мрачно. — Что тебе надо? Зачем ты пришел? Я моюсь.

Он посмотрел на нее с сожалением.

Ему очень хотелось вытащить ее из этой дурацкой ванны и отнести в постель. И запереть за собой дверь, чтобы никто не смел мешать.

Когда все закончится, а он к тому времени все еще будет жив, он будет заниматься с ней любовью целую неделю. Без сна и отдыха. Без перерыва на обед. В сауне, в ванне, в спальне, в кабинете, на кухне, в машине и снова в сауне.

Ему было жаль портить ей удовольствие, но он должен был его испортить.

— Лидия, — сказал он, рассматривая полотенца, — как ты получила компромат на меня? Леонтьев принес?

Это было так неожиданно, что она даже села прямее.

— Нет, — сказала она. — Не Леонтьев. Я же тебе говорила, помнишь? Он был за трубой, как в кино про шпионов.

— А откуда ты узнала, что он за трубой, как в кино про шпионов?

— Мне пришло сообщение по электронной почте. Мне обещали очень интересную информацию, если моя редакция согласится за нее заплатить. Я, конечно, сразу побежала к Леонтьеву...

— Стоп! — сказал Шубин и перестал рассматривать полотенца. — Сообщение пришло на твой домашний компьютер?

— Ну да, — сказала она. — На домашний. Ну, в смысле на мой адрес.

— Ты его удалила?

— Не помню, — ответила она. — А что?

— А то, — сказал он, — что, если оно цело, можно попробовать проследить обратный адрес. И понять, откуда его отправили. Вряд ли его отправил твой Леонтьев. Я думаю, что это как раз наш большой друг отправлял.

— Ну? — Забывшись, она приподнялась и встала на колени. Шубин тяжелым взглядом уперся в ее грудь. Она плюхнулась обратно, расплескав воду и подняв на дыбы пенные горы. — Не смотри ты на меня, — пробормотала она в сильном волнении. — Ты заставляешь меня нервничать.

— Надеюсь, — согласился он. — Где ключи от твоей квартиры? Я сейчас поеду.

— Я с тобой, — тут же сказала Лидия.

— Лидия, нет.

— Да. Ты что, попрешь с собой мой компьютер? Или будешь там ночь сидеть? А если там моя мамаша, которая недоумевает, куда я пропала, и бьется в истерику?

— А если там киллер, который должен тебя убить?

— Киллер? — переспросила она в замешательстве.

— Да, — сказал Шубин. — Киллер. Ты очень упростишь ему работу. Он как раз получит два недостающих трупа вместо одного — твой и мой. Журналистки и обезумевшего мстительного маньяка.

— Мстительный маньяк — это ты? — догадалась Лидия. — Все ясно. Я еду с тобой. Если там киллер, ты его прикончишь и прославишься как борец с преступностью. А если там киллера нет, то я помогу тебе искать файлы.

— Как ты думаешь, за квартирой следят? — Шепот грянул, как горная лавина. От него даже заложило уши. Как это Шубин ухитряется разговаривать так, что его совершенно не слышно и в то же время все понятно?

Он качнул головой.

— Не знаю, — сказал он в этой своей манере. — Думаю, что нет. Это же не шпионский заговор, на

самом деле! Когда дело дойдет до решительных действий, тогда нас быстро найдут и прикончат. А просто так следить за пустой квартирой... Зачем?

В квартире был такой запах, как будто там не жили уже несколько лет, а не два дня. И еще она стала какая-то маленькая, тесная, неудобная, как будто чужая. Или это Лидии так показалось с перепугу?

Странно. Это был дом, крепость. Лидия всегда чувствовала себя в безопасности, как только закрывала за собой дверь. Ей никогда не хотелось отсюда уходить или менять что-то, давно ставшее родным и привычным, а сейчас ее вдруг поразила убогость собственного жилья. Убогость и беззащитность.

«Это шубинские хоромы так на меня влияют, — решила она. — Ничего. В привычной обстановке я быстро от них отвыкну».

— Можно зажечь свет? — спросила она все тем же трагическим шепотом.

— Зажигай! — разрешил он. — И мы вполне можем не шептаться, а разговаривать нормально.

Прежде чем зайти в квартиру вместе с Лидией, он все проверил, включая лестничную площадку и лаз на чердак.

Вспыхнул свет. Лидия оглянулась.

— Ты знаешь, — сказала она Егору и улыбнулась растерянно, — такое чувство, как будто это не моя квартира.

— Будем надеяться, что ты не ошиблась номером, — буркнул он, вполне понимая, что именно она чувствует, и стараясь отвлечь ее от этих мыслей. — Включай свою машину, и посмотрим.

— А ты умеешь делать такие штуки? — спросила она, садясь за компьютер.

— Какие?

— Ну, искать адреса и так далее. Я-то совсем не умею. Я просто тупой пользователь.

— Смотря какие штуки, — сказал Шубин. — Кое-что умею.

— Нет, все-таки ты замаскированный шпион, — решила Лидия, взяла его руку и поцеловала в ладонь.

Он сверху смотрел на ее голову, и у него сильно колотилось сердце.

— Если бы я был шпион, — он осторожно высвободил руку и взял ее за подбородок, — не сидел бы я сейчас в твоей квартире и не искал бы ничьих адресов.

— Ну да, — согласилась она. — Конечно...

Она проворно поднялась на ноги, и они поцеловались с такой сокрушительной силой, что Лидии пришлось взяться рукой за стену, чтобы не упасть.

— Да что же это такое, Господи?! — пробормотала она в отчаянии, когда у них кончилось дыхание и они уставились друг на друга.

— Я тебя прошу, — сказал он, — я тебя просто умоляю — не приближайся ко мне. Я не могу. Мне нужно думать о том, как спасти свою шкуру. А я думаю только о том, как я буду заниматься с тобой любовью.

Она покраснела, он усмехнулся и быстро поцеловал ее.

— Ну где? — спросил он совсем другим тоном. — Где эта ваша электронная почта?

Сообщения не было.

— Может, тот, кто забрал бумаги, и в компьютере тоже ковырялся?

— Пока мы с тобой были врагами, ковыряться в твоём компьютере не было никакого смысла. Я все равно никогда не узнал бы, есть оно у тебя или нет, а ты не стала бы по нему никого искать. Ты тогда была совершенно уверена в том, что я мошенник и наказан не даром.

Лидия растерянно смотрела на него снизу вверх.

— Посмотри в корзине. Ты удаляешь ненужные сообщения в корзину?

Он стоял, наклонившись над ней, она видела большую руку с длинными пальцами, лежащую на столе прямо перед ее носом, чувствовала его запах — чистой одежды, дорогого одеколона и сигарет, — слышала, как он дышит, медленно и редко, и все это вместе возбуждало ее ужасно. Просто неприлично.

Вот до чего дошло.

Всю жизнь, все свои двадцать семь лет, она считала себя женщиной, равнодушной к мужчинам. Они не слишком ее занимали. Даже самые лучшие и интересные из них, вроде Игоря Леонтьева, вызывали в ней какие-то упрощенные, школьные чувства. С ними приятно было выйти в театр или ресторан — они хорошо выглядели и умели себя вести. Они были хороши в компаниях, где ими можно было похвастаться и за них не нужно было краснеть. С ними было интересно разговаривать и работать — они все знали, все понимали, все правильно оценивали. Секс шел в дополнение ко всем этим маленьким радостям жизни.

С Шубиным все вышло наоборот.

Лидии вовсе не было с ним интересно, и она понятия не имела, правильно ли он что-то там такое оценивает. Но она готова была плакать от одного его прикосновения. Ей хотелось лечь щекой на его большую ладонь и лежать так до окончания мира. Ей нравилось целоваться с ним. Никогда в жизни ей не нравилось ни с кем целоваться, и она даже была уверена, что никому не нравится целоваться, это просто выдумки тех, кто снимает кино и пишет книжки! Ей казалось, что с ним *все* будет необыкновенным и радостным, и она чуть не падала в обморок от мысли, *как* все это будет.

— Эй! — Он осторожно потрогал ее щеку. — Что с тобой?

— Ничего, — очнувшись, сказала она. — Просто я устала от всей этой штуки.

— Разберемся и поедem отдыхать, — пообещал он. — А когда вернемся, будем искать работу. Как ты думаешь, мне подойдет работа дамского парикмахера?

Сообщение лежало в корзине.

Лидия затылком почувствовала, как Шубин весь подобрался и моментально отдалился от нее, и она даже не успела спросить его, правда ли он хочет поехать с ней в отпуск.

— Пусти меня, — попросил он, толкая ее в бок и не отрывая глаз от экрана. Она неловко выбралась из кресла, давая ему место.

«Никуда мы не поедem, — подумала она грустно. — Он забудет обо мне, как только решит свои проблемы. Он вытащит себя из водоворота — и меня заодно! — пожурит и забудет. И будет вспоминать раз в году, рассказывая приятелям в бане, как его чуть не угробила какая-то дура журналистка».

Лидии вдруг стало неинтересно. Как будто новое Золушкино бальное платье, подаренное волшебницей, при ближайшем рассмотрении оказалось линялой тряпкой.

Нужно поставить чайник. Где-то был вкусный английский чай, приберегаемый на черный день. Вытереть пыль с серванта — вон ее сколько, можно что-нибудь написать или нарисовать крысу. Когда Лидия была маленькой, бабушка часто рисовала крысу или ромашку на пыльных равнинах внучкиного письменного стола. Нужно наконец почувствовать себя дома, а не в гостях у Лидии Шевелевой, очень знакомой и близкой, но все-таки немножко чужой.

Со странным чувством, как будто она застала у себя дома совсем незнакомого человека, который почему-то занимается своими делами и не обращает на нее внимания, она посмотрела в затылок Егора Шубина и спросила равнодушно:

— Чай будешь пить?

Шубин молчал, что-то внимательно изучая на мониторе, и Лидии пришлось повторить вопрос.

— Чаю хочешь?

— А? — Он даже не оглянулся. — Нет, не хочу.

Она задумчиво постучала по ладони медной туркой, прихваченной из серванта.

«О чем ты думаешь, идиотка? Что тебе в голову взбрело? Ты должна спасти свою шкуру и свою глупую голову, а не мечтать о сумасшедших романах с мужчинами, чьи фотографии публикуют «Эксперт» и «Коммерсантъ», а газета «Время, вперед!» лишь подбирает за ними крохи информации. Вспомни, кто он и кто ты. У него сейчас нет другого выхода — ты ему нужна, он надеется, что в чем-то ты сможешь ему помочь. В ту самую секунду, когда он вернется на работу, он забудет, что ты есть на свете».

От горя она даже забыла, что опасность все еще никуда не делась, что времени остается все меньше, а следовательно, меньше шансов на спасение.

— ...твою мать, — пробормотал Шубин. — Твою мать...

Почти с содроганием очнувшись, как будто от глубокого сна, Лидия с изумлением на него посмотрела. Он больше не пялился в монитор, он что-то быстро набирал на клавиатуре. Лидии казалось, что из-под пальцев у него летят синие искры.

— Что там? — спросила она и подошла поближе. — Ты что, в самом деле нашел адрес?

— Нашел, — сказал Шубин злобно. — Я нашел адрес, мать его!

— Надо же, — проговорила она с уважением. — Я была уверена, что такие штуки можно проделывать только в кино.

— Кино и немцы, — сказал Шубин.

— И что это за адрес? — Лидия пристроила турку на край стола и посмотрела в монитор. — Мы теперь можем определить, кто отправлял сообщения?

— Это мой собственный электронный адрес! — Шубин взял турку и швырнул ее об пол. Она звонко ударилась, подскочила и закрутилась на паркете, как волчок... — Сообщения тебе отправляли с моего компьютера.

— Последний вопрос, — сказал Кольцов, не поднимая глаз от разложенных перед ним бумаг. — Что там у нас с юридической службой?

Все довольно долго молчали, как брянские партизаны на допросе в гестапо, и Тимофею Ильичу пришлось поднять глаза. Впечатление было такое, что замы шарахнулись от него в разные стороны, хотя никто не двинулся с места.

— Господа, никто не слышал, о чем я спрашиваю? — Это было так забавно, что Тимофей Ильич даже прикрыл папку, в которой лежали документы. Он обвел замов взглядом и задержался на Игоре Абдрашидзе. — Игорь Вахтангович, ты тоже ничего не слышал?

— Я слышал, Тимофей Ильич, — сказал Абдрашидзе поспешно. — Может, сначала Владимира Алексеевича послушаем?

Владимир Дудников был шефом службы безопасности. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Тимофей перебил его:

— Я выслушаю вас позже. Сейчас мне хотелось бы знать, какие у кого предложения будут по работе юридической службы. Или мы теперь без юристов работать будем?

Замы продолжали молчать, опасаясь высказываться. Выскажешься первый — вдруг окажется, что батяня совсем по-другому решил, объясняйся потом, доказывай, что ты имел в виду нечто вовсе противоположное...

— Тимофей Ильич, — начал Абдрашидзе и нервно оглянулся на молчащих коллег, — пока обстоятельства до конца не выяснены, Северов вполне может работать. Он толковый специалист, грамотный, опытный...

— Ты предлагаешь Северова назначить вместо Шубина? Абдрашидзе моментально заюлил:

— Я пока ничего не предлагаю, Тимофей Ильич. Просто Северов, как заместитель Шубина, хорошо знает всю структуру работы юридической службы...

— А ты, Николай? — Не дослушав Абдрашидзе, Тимофей Ильич чуть повернул голову в сторону молчащего Барышева. — У тебя какие идеи?

— У меня такие идеи, что нужно Шубина возвращать, Тимофей Ильич, — сказал Барышев, рассматривая свою ручку. — Мы без него как без рук. У меня все договоры висят с тех пор, как он не работает. Они так до лета провисят, если он не вернется!

— Я не могу его вернуть, — сказал Тимофей жестко. — Он виноват и должен быть наказан.

Барышев быстро и коротко взглянул Тимофею в лицо.

— Это уже окончательно доказано?

Тимофей перевел взгляд на Дудникова, и все замы, как будто головы их были связаны невидимой веревочкой, повернулись и посмотрели на Дудникова. Дудников нехотя кивнул.

— Тогда не знаю, — сказал слегка побледневший Барышев. — И не спрашивайте у меня, Тимофей Ильич, я не готов отвечать...

— Никто не готов ни за что отвечать, — пробормотал Тимофей. — Один я за все и всегда. Все свободны, кроме Владимира Алексеевича. И завтра мне все соображения о том, как должна работать юридическая служба, чтобы больше не было подобного рода проколов. Проследишь, Игорь Вахтангович.

Замы гуськом вышли из кабинета. Медленно и величественно притворилась дубовая дверь. Тимофей углубился в бумаги и на Дудникова не смотрел. От напряжения Дудников взмок и незаметно вытирал под столом влажные руки.

— Спасибо, Владимир Алексеевич, — вдруг пророкотал Тимофей, не отрываясь от бумаг. — Я не был уверен, что ты меня поймешь. Мы вроде заранее не договаривались...

«Все в порядке, — пронеслось в голове у Дудникова. — Я не оплошал. Я принял мяч и отбил в нужную зону. Я молодец. Все хорошо».

Зазвонил мобильный телефон, и Дудников вздрогнул, испугавшись, что это *его* телефон, что он забыл выключить его на пороге кабинета.

Тимофей Ильич неуклюже полез в карман.

— Да.

Дудников исподтишка, но очень внимательно наблюдал за батяней. Батяня послушал немного, кинул на бумаги эксклюзивного дизайна тяжелый «Паркер» и потер затылок. На лице у него появилось какое-то странное, несвойственное ему довольное выражение, как будто ему сообщили, что весь недавний кредит МВФ решено предоставить в его личное пользование.

— Я постараюсь, — сказал Тимофей. — Нет. Не скоро. Занимаюсь. Кое-что. Зачем? А-а... — Он засмеялся, и Дудников понял, что он говорит с женой. — Хорошо. Если я ошибусь, ты меня поправишь. Это точно.

Дудников смотрел на него во все глаза, как будто Тимофей Ильич вдруг ни с того ни с сего начал показывать фокусы.

— Ладно, Кать. Мне некогда. Ты во сколько освободишься? Приеду. — Он помолчал, очевидно слушая, и перебил: — Я тебя люблю. Пока.

Он нажал кнопку и взглянул на Дудникова.

— Закрой рот, Владимир Алексеевич, — попросил он спокойно, и Дудников поспешно отвел глаза. — Моя жена волнуется, что мы с тобой не там ищем. Ты как считаешь, мы там ищем или не там?

— Т-тимофей Ильич, — начал Дудников, — у меня есть кое-какие новые данные, но я их до конца еще не проверил...

— Что ж так? — спросил Тимофей Ильич. — Давно нужно все проверить.

— Проверим, Тимофей Ильич, — уверил Дудников, — обязательно проверим!

— Что за данные?

— В каждом коридоре, — начал Дудников, торопясь и стараясь говорить как можно более коротко и как можно более ясно, — есть камеры наблюдения. Не только при входе и на лестницах, но и в коридорах.

Тимофей кивнул, показывая, что слушает.

— Все они поставлены на запись, на случай каких-нибудь форс-мажорных обстоятельств. Охранники их не просматривают, просто меняют кассеты, потому что смотреть там, как правило, нечего. Об этих камерах известно только... службе безопасности, и то не всей...

— Ну и что?

Дудников достал из портфеля кассету.

— Можно?

Тимофей кивнул.

Дудников вставил кассету в видеомэгнитофон.

— Вот. Это камера, которая стоит на этаже юридической службы. Видите? Запись сделана третьего декабря.

Тимофей рассматривал черно-белое изображение коридора, людей, которые беззвучно двигались туда-сюда, двери, которые бесшумно открывались и закрывались. Какой-то человек медленно вышел из распахнутой двери, постоял, выискивая что-то в карманах, потом медленно

двинулся прямо на камеру. В углу телевизора в длинном окошке бежали секунды.

— Да это же Долголенко, мать его! — вдруг сказал Тимофей в полный голос и посмотрел на Дудникова. — А?

Дудников кивнул и открыл было рот, чтобы сказать что-то, но Тимофей не дал.

— Постой, Владимир Алексеевич! Не может быть, чтобы эта твоя запись была от третьего декабря! Долголенко у нас в последний раз был... когда?

— В ноябре, — подсказал Дудников. — Сразу после праздников. Девятого или десятого.

— Ну?

— В этом вся штука, Тимофей Ильич! — сказал Дудников со скромным торжеством в голосе. — Это не родная кассета. Это *перезапись*. Родной в видеотеке нет.

— Что ты несешь? — спросил Тимофей Ильич и уперся в Дудникова тяжелым взглядом. — Какая такая перезапись?

— Тимофей Ильич. — Дудников остановил запись. Черно-белые люди замерли посреди черно-белого коридора. — Третьего декабря какой-то человек, который знал, что в коридоре есть камера, зашел в кабинет Шубина. Сам Шубин третьего декабря был в Швейцарии, я проверял. Этот человек сделал все, что ему было нужно, вышел и спокойно отправился домой, зная, что кассеты мы не просматриваем, а просто пишем на них то, что происходит в коридоре. Однако он знал, что должен эту кассету из видеотеки изъять, потому что в случае разбирательства она обязательно бы всплыла. Собственно, она и всплыла...

— Ну?

— Поэтому этот человек *поменял* кассету. Он вытащил ту, на которой было записано то, что происходило третьего декабря, и поверх нее записал съемку с первой попавшейся более ранней кассеты. Они ведь все похожи друг на друга как две капли воды, Тимофей Ильич. Ему не повезло, что на ней оказался Долголенко, который в Москву наезжает раз в месяц, да и то не всегда. А теперь и вовсе не наезжает, потому как вы его... того... уволили. Он даже и не смотрел, что там записано, ему это было совершенно не важно.

— Так, — сказал Тимофей. — Ясно.

Дудников нажал кнопку на пульте, и кассета выехала из видеомэгнитофона с негромким приятным звуком.

— Все на самом деле ясно, Тимофей Ильич, — сказал он осторожно. — О существовании камер в коридорах, кроме вас и меня, знал только один человек. У него есть доступ в видеотеку. Он знает, как подходить, чтобы камера его не увидела.

Тимофей молчал, постукивал «Паркером» по столу. Дудников тоже помолчал, а потом продолжил, как бы пробираясь на ощупь по болоту — реакции Кольцова он не мог себе представить:

— Помните, мы эти камеры вместе обсуждали... Кстати, на одной из кассет я увидел, как открывается дверь в видеотеку. Только дверь, человека, который ее открывает, не видно. На самом деле все достаточно грамотно.

— Грамотно? — переспросил Тимофей Ильич, и Дудников моментально смолк.

— Когда ты все окончательно проверишь, Владимир Алексеевич?

— Завтра. Максимум послезавтра. Никаких прямых доказательств нет, так что придется еще рыть...

— Надо рыть — рой! — сказал Кольцов раздраженно. — Дальше-то что делать станем? В Генеральную прокуратуру кинемся?

— Это сложный вопрос, Тимофей Ильич, — признался Дудников.

— Я и сам знаю, что сложный, — ответил Кольцов. — Был бы простой, я бы у тебя не спрашивал, Владимир Алексеевич. А Шубин что?

Дудников неожиданно улыбнулся.

— Шубин не дурак, Тимофей Ильич, — проговорил он как-то непонятно. — Я так думаю, что он нам с доказательствами как раз очень поможет.

Тимофей неприязненно посмотрел на радостного шефа службы безопасности. Он был очень доволен собой.

Он проделал кучу работы, просмотрел сотню видео-

кассет, ничего не упустил, все заметил и теперь сияет от законной гордости.

Шеф рейхсканцелярии. Последователь и почти что родственник товарища Берии.

Сам Тимофей чувствовал себя так, как будто его несколько раз окунули головой в ведро с навозом и напоследок еще плюнули в физиономию.

Он предпочел бы, чтобы виноватым оказался Шубин.

Шубина Тимофей Ильич не любил.

— Заканчивай с этим делом, Владимир Алексеевич! — сказал он резко. — Закончишь — доложишь. Я сам решу, что делать. Понял?

— Понял, — откликнулся шеф рейхсканцелярии. — Разрешите идти?

— И что это означает?

— Это означает, что я идиот, только и всего. Знаешь, на пятом десятке как-то особенно приятно узнать о себе, что ты идиот.

— Шубин, ты можешь говорить толком или не можешь? Что за пафос?

— Раз сообщения отправляли с моего компьютера, значит, человек, который их отправлял, совсем ничего не боялся. Не боялся, что его застанут, потребуют объяснений, заставят оправдываться...

— Ты хочешь сказать, что это Тимофей Ильич Кольцов? — спросила Лидия безмятежно, и Шубин уставился на нее в недоумении. — Ну, ничего не боится, знает, что его не поймают, не заставят оправдываться и объясняться. Это может быть только Тимофей Кольцов. Правильно я говорю?

— Ты несешь какую-то чудовищную ахинею, — холодно сказал Шубин.

— А ты? — спросила Лидия быстро. — Ты не несешь ахинею? Что это за порыв самоуничтожения — ах, я болван, ах, я идиот! Что изменилось в связи с тем, что сообщения мне отправляли с твоего компьютера?

— Человек, который меня подставил, все время находился где-то рядом со мной. Он приходил в мой

кабинет как к себе домой. Наверное, даже не один раз. Он точно знал, когда я отпускаю секретарш и когда ухожу сам. Кроме того, он был совершенно уверен, что никто не удивится, если увидит его входящим или выходящим из моего кабинета, потому что в этом не было ничего необыкновенного. Он не боялся секретарш, потому что знал, что его присутствие, даже если они его там застанут, не вызовет у них никакого подозрения. Это *кто-то очень близкий*. Ясно?

— Это было ясно с самого начала, Егор, — сказала Лидия с сочувствием.

«Это очень больно — понимать, что тебя предал кто-то близкий, — подумала она. — Настолько близкий, что даже мысленно страшно произнести его имя, потому что невысказанное подозрение все-таки еще не совсем подозрение. Произнесенное, оно не имеет обратного хода.

Только что мне было так же больно и страшно, когда я думала о том, что Игорь Леонтьев продал меня кому-то за деньги. Я даже прикидывала, во сколько я могла ему обойтись».

— Зато это заметно сужает круг подозреваемых, — продолжала Лидия бодро. — И не надо искать по названиям в четырех разных направлениях. Подумай, кому ты доверял настолько, что даже представить себе не мог ничего подобного? А?

Шубин потер лицо, тяжело, как старик, поднялся и побрел к двери в кухню.

— Чаю хочу, — пробормотал он. — Сделай мне чаю, Лидия...

— Не хочешь ты никакого чаю, — заявила Лидия. — Я же вижу. Ты что, не станешь со мной разговаривать об этом?

Он молчал, и она прикрикнула:

— Егор!

— Что?

— Почему ты ничего мне не говоришь?!

— Потому что если я думаю правильно, — сказал он устало, — у нас нет почти никаких шансов. То есть как бы совсем никаких. Может быть, если ты не будешь знать его имя, он оставит тебя в живых. Шанс невелик, но

он все же есть. Поэтому я больше не скажу тебе ничего. Ни-че-го. И не приставай. И не ори. Дай мне спокойно подумать.

— Егор! — крикнула Лидия и топнула ногой.

Страх вновь надвинулся, как цунами, и затопил комнату. Он залил пол, стены, мебель, он все прибывал и прибывал, а в том месте, где стояла Лидия, было глубже всего.

— Ты не справишься один, — заговорила она и взяла его за руку. Он отнял руку. — Ты один не справишься, Егор. Я могу тебе помочь. Только я, и больше никто.

Он сверху посмотрел на нее.

— Лидия, я правда больше ничего тебе не скажу. Тебе нужны какие-нибудь вещи? Ты собрала бы, а то мы сейчас поедем. И прошу тебя, не устраивай никаких сцен в том смысле, что ты со мной никуда не поедешь. Ладно?

— Ладно, — согласилась Лидия. — Не буду. И собирать мне нечего. Если до завтра ты не разберешься с этим делом, мне в ближайшее тысячелетие ничего не будет нужно. Ну а если разберешься, я просто вернусь домой, только и всего.

Он снова посмотрел на нее, понимая, что сейчас самое неподходящее время для того, чтобы напоминать ей, что, если все обойдется, он немедленно женится на ней и, следовательно, домой она не вернется.

— Моя мать, наверное, уже лежит в больнице с инфарктом, — сообщила Лидия в пространство. — Я ей два дня не звоню...

— Она даже не знает, что с тобой все в порядке?

— А со мной разве все в порядке? — удивилась Лидия. — Знает-знает, — тут же добавила она, заметив, как он напрягся. — Я оставила ей на автоответчике сообщение, что со мной все хорошо, просто я пока что не могу позвонить и не бываю на работе...

— Кроме того, у меня нет никаких доказательств, — вдруг сказал Шубин. — И добыть я их не смогу. Последняя надежда была на твой компьютер. Других я добыть не успею.

— По-моему, тех, что есть в моем компьютере, уже достаточно, — уверенно сказала Лидия. — Подумай сам.

Выходит, что ты отправил мне компромат сам на себя.

Просто так, скуки ради, человек отправляет в газету документы, изобличающие его в воровстве. Тонкий тактический ход. Настолько тонкий, что сразу и не разглядишь.

— Это не доказательства, — пробормотал Шубин.

— А что доказательства? — спросила Лидия. — Чисто-сердечное признание?

— Хоть бы и признание, — сказал Шубин неопределенно. — А компьютер твой нам в самом деле придется с собой прихватить.

Он выключил его и полез под стол отсоединить провода.

— Ты понесешь мозги, а я монитор. Или наоборот.

— А ты не можешь сначала отнести одно, а потом вернуться за вторым?

— Нет, — сказал он. — Я не хочу оставлять тебя одну.

И снова страх подступил к ней, как вооруженный грабитель на улице.

— Я боюсь, Егор, — сказала Лидия тихо. — Ужасно боюсь.

— Не бойся. — Он потрепал ее по макушке, как заботливый хозяин глупого щенка. — Я сумею тебя защитить.

— Это мы уже слышали, — пробормотала Лидия.

Он вынес в прихожую монитор и системный блок. Компьютер был старый, тяжелый и громоздкий.

— Тебе точно ничего не нужно отсюда взять?

Она покачала головой и с тоской посмотрела по сторонам. У нее было совершенно отчетливое предчувствие, что она видит все это в последний раз. Настолько отчетливое, что она чуть было не сказала об этом Шубину.

— Пошли.

Нести компьютерный ящик было очень неудобно. Обхватив его поперек, Лидия вышла на лестничную клетку, следом Шубин вытащил монитор, по-хозяйски погасил свет в квартире и запер дверь. Сразу стало совсем темно, как в склепе, только обозначился неясный прямоугольник окна.

— Не упади, — сказал Шубин сзади. — Не спеши и смотри под ноги.

Она стала осторожно спускаться, сопя и стараясь рассмотреть что-нибудь, кроме непроглядной подъездной темени. Шубина было совсем не слышно.

— Ты здесь? — спросила она негромко.

— Здесь, — ответил он, — не шуми.

Руки стали влажными. Тяжело было тащить компьютер. Лидия перехватила его поудобнее, потому что он вдруг поехал у нее из-под мышки. Ну вот. Последний пролет — и дверь на улицу. Глаза, привыкшие к темноте, разглядели тонкую полоску синего света, клубившуюся под темным провалом двери.

— Егор?

— Да, да! Я здесь.

Лидия спустилась с последней ступеньки, прошла еще немного, ничего не видя в темноте, повернулась и толкнула дверь попойкой. Дверь заскрипела и открылась.

Слава Богу! Подъезд остался позади, они на свободе.

Лидия глубоко вздохнула, снова перехватила компьютер, от которого затекли руки, и посмотрела вверх. Облака разнесло, над городом темнело звездное холодное небо, и как-то сразу было ясно, что завтра оттуда, с этого высокого ледяного неба, спустится стужа.

— Стой! — скомандовал сзади Шубин. Лидия вздрогнула и оглянулась, не различая ничего, кроме его неясного силуэта у себя за спиной.

Раздался короткий отчетливый хлопок, совсем негромкий, словно игрушечный. Этот хлопок, как будто сгустившийся и затвердевший в морозном воздухе, толкнулся в Лидию так, что она упала навзничь, разжав руки, и системный блок придавил ее сверху.

Что-то загрохотало над ней, загрохотало и пронеслось мимо. Егор Шубин перепрыгнул через нее, придавленную компьютером, и пропал в темноте. Она посмотрела в ту сторону, откуда он прыгнул, и увидела лежавший на боку монитор.

Почему-то этот монитор все ей объяснил.

Ударил еще один выстрел, совсем близко и очень громко. Или это стрелял кто-то другой? Или третий?

Сердце остановилось. Время остановилось.

Спихнув с себя железный ящик, Лидия перека-
тилась на бок и задом сползла с асфальта в сугроб.

Живот и колени моментально намокли, кожу словно обожгло ледяным холодом, и почему-то до ужаса стало жалко новую итальянскую дубленку, которую теперь придется чистить.

Раздался еще один хлопок. В двух шагах от нее монитор всхлипнул и превратился в холмик пластмассовой и стеклянной пыли. Лидия прикрыла лицо локтем. На кожаную спину итальянской дубленки с глухим стуком посыпались осколки.

Черт, почему она не взяла из машины пистолет?!

Грохнул еще один выстрел, кто-то коротко вскрикнул, и все прекратилось. Лидия знала совершенно точно — больше стрелять не будут.

— Егор, — приподнявшись из лужи, позвала она. Ей казалось, что ее вот-вот стошнит. Ее непременно стошнит, если она произнесет еще хоть слово. — Егор...

— Я здесь. — Он выступил из мрака, нащупал ее голову и за волосы поднял на колени. — Ты жива? Цела? Ранена?

Он быстро осмотрел ее и разжал руку. Она села обратно в снег, как кукла.

— Вставай.

Она видела, как он сунул пистолет за ремень.

— Вставай, я сказал.

В глазах у нее было темно, она встала на четвереньки и выбралась из лужи на асфальт.

— Вставай! — Он дернул ее вверх. — Быстрее, уходить надо!..

Она хотела сказать, что в нее еще никогда не стреляли, но не смогла сообразить, что нужно сделать для того, чтобы заговорить.

— Сюда! — Шубин толкнул ее вперед и вбок, наклонился и поднял системный блок, который она отпихнула от себя, когда упала.

Откуда-то справа раздался странный звук, как будто мяукнула кошка. Лидия посмотрела туда, но сумела разглядеть только темное пятно на снегу.

— Послушай, — тяжело дыша, сказал Шубин, наклонившись к пятну, — тебе тоже надо уходить. Че-

рез две минуты здесь будут менты. Убивать тебя я не буду. Уходи, если можешь. Понял?

— Да, — задыхаясь, просипело пятно. Ногой Шубин далеко в кусты отшвырнул чужой пистолет и, толкая перед собой Лидию так, что она чуть не падала, бросился к машине.

— Быстрее, быстрее! — повторял он, на ходу доставая ключи.

Мигнули огни, Шубин дернул дверь, чуть не сорвав ее с петель, впихнул Лидию, швырнул компьютер и сел сам. Колеса злобно взвизгнули, нащупывая твердую землю, джип рванулся с места так, что Лидию бросило назад. Шубин выкрутил руль, Лидия схватилась за ручку двери, уверенная, что ее сейчас выбросит наружу, но машина выправилась и тут же кинулась в следующий поворот.

Какие-то дворы, дворы, тупики, кирпичные облупившиеся стены и помойки. Фары выхватывают из тьмы страшные куски ночи, как в кошмаре.

— Пристегнись!

Джип подпрыгнул, приземлился, из-под колес двумя выгнутыми веерами разлетелась неизвестно откуда взявшаяся в такой холод вода. Снова поворот, потом асфальт.

Это уже Маросейка.

«Господи, как странно! В нас только что стреляли. Стреляли и чуть не убили, и мы спасаемся и не знаем, спасемся ли, а на Маросейке все как всегда. Фонари, вывески, рекламы ресторанчиков...»

Джип перелетел Маросейку. Поворот. Шубин заглушил двигатель.

Сердце как будто снова остановилось.

— Что?

— Вот они, — сказал Шубин и кивнул в сторону Маросейки. — Я же говорил — через две минуты.

Лидия посмотрела. Сначала зазвучали всхлипы sireны, все ближе и ближе, потом надвинулось мелькание мигалки, на миг осветившее приборную доску и руки

Егора Шубина.

Звук увеличивался, приближался, разрастался над тихой ночной Маросейкой. Лидия втянула голову в плечи.

Звук сломался совсем рядом с ними. А возобновился уже далеко.

— Твою мать!.. — сказал Шубин и закурил. — Хочешь сигарету?

— Тебя не убили? — спросила Лидия и потрогала его за руку. — А?

— Нет, — ответил он, — не убили. Сильно испугалась?

— Нет, — сказала она, подумав, — не успела.

— Он стрелял в тебя, а попал в компьютер, — сказал Шубин затягиваясь. — Я собирался тебя защищать, а на самом деле тебя защитил компьютер. Он не знал, что ты понесешь компьютер, а в голову стрелять не решился — темно все-таки.

У него был странный голос, и Лидия моментально позабыла о собственном страхе.

— Егор, ты ни в чем не виноват.

— Я никогда и ни в чем не бываю виноват, — сказал он непонятно. — А, дьявол... Поехали.

— А нас больше не будут убивать? — спросила Лидия, и ее опять затошнило.

— Сегодня нет, — ответил Шубин и выехал из подворотни.

В тепле и безопасности Лидию совершенно разморило. На нее напала неудержимая нервная зевота, с которой она никак не могла справиться. Шубину даже пришлось сказать ей:

— Закрой рот.

Но она все равно продолжала зевать.

Потом ее так затошнило, что она едва успела пробежать до ближайшей ванной. Ее сильно трясло, и руки почти не слушались. Жаль, что рядом не было никакой Фрекен Бок, которая помогла бы Лидии открыть воду в ванне.

Несколько раз она пыталась включить воду и все не могла, потом села на пол и заплакала от всех пережитых потрясений и ненависти к себе.

— Не смей раскисать, — шептала она и колотила себя кулаком по бедру. — Никто не виноват в том,

что ты такая дура. Никто. Самой нужно было соображать, а тебя ничего не интересовало, кроме известности и денег. Не смей!

Она могла приказывать себе сколько угодно. Слезы лились так, что водолазка промокла на груди, и страшно было даже подумать о том, что в конце концов придется встать, и выйти, и смотреть на людей, и пытаться заставить себя не думать о том, что кто-то хочет убить ее и уже чуть было не убил.

Открылась дверь, Лидия даже не подняла голову. Сидеть, уткнувшись в колени, было куда проще.

Успокоительно и ровно зашумела вода, над Лидиной головой произошло какое-то движение, и Шубин сказал мягко:

— Вставай, — и потянул ее вверх. — Вставай-вставай, нечего на полу сидеть...

Она прятала от него страшное, распухшее от слез и горя лицо, но он был сильнее.

— На! — Он сунул ей в руку крошечный, резко пахнущий стаканчик. От запаха ее чуть снова не вырвало. — Выпей, — приказал он. — Полегчает.

Она залпом выпила, сморщилась и задышала ртом. Шубин стал расстегивать ее джинсы. Она смотрела на него сверху, и ей даже в голову не приходило, что она вполне может сама расстегнуть себе джинсы.

Он стянул ее джинсы к лодыжкам и одну за другой вытащил ноги. Она покорно переступила. Он стащил носки и взялся за водолазку.

— Что ты делаешь? — вяло удивилась Лидия.

— Я хочу, чтобы ты лежала в ванне, — объяснил Шубин. — В одежде лежать неудобно.

— Подожди, — сказала она. — Я сама разденусь.

Совершенно не стесняясь его и ни о чем не думая, она разделась и шагнула в ванну.

— Горячо, — сказала она тонким голосом.

Он прибавил холодной воды.

288 — Я принесу тебе чаю, — сказал Шубин.

— Нет! — Лидия так перепугалась, что чуть не выскочила из воды. — Нет, не уходи! Я боюсь.

— Лидия, здесь тебе бояться совершенно нечего, — сказал он, рассматривая ее мокрую руку, схватившую его за запястье. — У нас отличная охрана. Все. Сегодня нас убивать уже не будут.

— Все равно! — Она замотала головой и зажмурилась. — Не уходи.

Шубин помолчал.

— Я схожу за чаем и вернусь, — сказал он с нажимом. — Отпусти меня.

— Нет, — проговорила она злобно, — не отпущу. У меня стресс. Сильный. Ужасный.

— Я вижу, — согласился Шубин.

Вода шумела и пенилась в ванне. Шубин молча сидел на краю. У Лидии по щекам текли слезы и капали на голый живот.

— Почему ты отпустил киллера?

Он приподнял веки.

— Потому что в ближайшее время он не будет опасен. Он серьезно ранен и, следовательно, выполнить задание не сможет. Его труп был бы гораздо опаснее.

— Почему?

— Потому что у меня в активе уже есть один труп. Журналиста Распутина. Если бы я пристрелил киллера, у меня в активе был бы еще труп честного гражданина Сидорова, который вышел вечером погулять с собакой и нарвался на меня.

— У него был пистолет, — сказала Лидия, закрывая глаза, — и он первый начал стрелять.

— Какое это имеет значение! — сказал Шубин с досадой. — Когда фабрикуют доказательства, то фабрикуют их грамотно. Идти он мог, так что я совершенно уверен, что с места стрельбы он ушел. Или уехал. Трупа нет. Оружие безо всяких отпечатков валяется в кустах. Все тихо и спокойно.

Снова молчание и шум воды.

— Кто это, Егор? — спросила Лидия, и голос у нее опять задрожал. — Ты знаешь, кто это затеял?

— Думаю, что знаю, — ответил он спокойно.

— Кто? Скажи мне, кто?!

— Ты еще полежишь или выйдешь? — спросил он. Поднялся и пошел к двери.

Перегнувшись через край ванны, Лидия схватила с пола какой-то расписной глиняный кувшинчик и швырнула в него. Не оборачиваясь, он отступил, и кувшинчик угодил в мраморную стену.

— Ты придурок! — закричала Лидия. — Ты втянул меня в это дело и даже не хочешь ничего объяснять! Ты просто негодяй, мерзавец и ублюдок!!!

Он кивнул и вышел. Она еще что-то кричала за закрытой дверью, он не мог разобрать, что именно, и особенно не прислушивался. Он только прикрыл двустворчатую дверь, ведущую в глубину квартиры. Деду и Димке вовсе не обязательно вникать в их сложные отношения друг с другом и с окружающим миром.

Егор улыбнулся.

Снотворное подействует минут через двадцать, а может, и еще быстрее. Она уснет, и он подумает о том, что делать дальше.

Он налил кофе в две большие кружки.

Он просто выключил ту часть мозга, в которой был страх за Лидию и презрение к самому себе за то, что при всем своем бахвальстве и даже некотором профессионализме он просто-напросто подставил ее под выстрелы и не сообразил, что за ними могут следить.

Выключил до времени.

Если он — они — останутся живы, он снова включит эту часть, и все хорошенько обдумает, и даже ударится в самобичевание, и заставит себя признать собственные ошибки, но сейчас все это не имеет никакого смысла.

Он чуть было не угробил единственную женщину, которая когда-либо была ему нужна.

Ну что ж. Значит, так оно и есть и в супермены он не годится.

Егор вдруг с силой стукнулся затылком о стену.

290 Потом еще раз. И еще.

В битье головой о стену тоже не было никакого смысла, но он ничего не мог с собой поделать.

«Как она кричала? «Придурок»? «Мерзавец»?

Я не только придурок и мерзавец. Я еще и истерик. Совершенно жалкая личность».

Дверь распахнулась, в кухню влетела Лидия в его собственном махровом халате и босиком. Она была очень бледненькая и страшненькая, от недавней коньячной красы даже следа не осталось, но зато на уже полностью овладела собой.

Что за женщина!..

— Слушай, Шубин, — сказала она и заглянула в его дымящуюся чашку, — кофе — это здорово. А поесть нечего?

Не дожидаясь его ответа, она полезла в холодильник, чем-то там зашуршала, что-то смешно понюхала, достала тарелку с белой рыбкой и кусок сыра.

— Ты будешь? — спросила она и, кое-как отрезав кусок рыбы, запихала его в рот. — Я вот что подумала, — продолжала она с полным ртом, — в этой вашей Пещере чудес наверняка понатыкана масса камер.

— В какой Пещере чудес? — не понял Шубин.

— Ну, в офисе вашем. Там наверняка есть камеры в коридоре. Есть?

— Не знаю, — сказал Шубин — Понятия не имею. Есть при входе. На лестницах есть. А в коридорах — черт их знает.

— Ну конечно, есть, — уверенно сказала Лидия и откусила еще рыбы. — Что, если ты пойдешь к своему Тимофею, или кто там у вас главный по камерам, и попросишь показать тебе эти записи? Ты наверняка увидишь, как кто-то заходит в твой кабинет, когда тебя там нет. Вот тебе и будут доказательства. Плюс еще мой компьютер. Он, конечно, ранен, но не убит. А там адрес, из которого понятно, что человек, который послал мне документы, всячески пытался подвести тебя под монастырь.

— Тебе бы на Петровке работать, — сказал Шубин с искренним восхищением, — а не в этой вашей газете. Честное слово.

— Вы заставляете меня краснеть, милорд, — произнесла она самодовольно. — Ну что? Попробуем?

— Лидия. — Он встал и налил себе еще кофе. — Я не знаю, есть ли там камеры, но я совершенно уверен, что даже если они есть, то на них все в порядке. Никто в мой кабинет не входит и оттуда не выходит. Это очень умный, хитрый и предусмотрительный человек. Он ничего не пускает на самотек. В том числе и камеры.

У нее даже лицо изменилось.

— Не пойдет? — спросила она горестно. — А я была уверена, что это хорошая мысль.

— Это замечательная мысль, — подтвердил Шубин, — ты вообще замечательная. Вместо того чтобы валяться в обмороке, после того как тебя чуть не застрелили, ты продолжаешь рыть ходы к спасению.

— А как же? — Она выглядела сердитой. — Что теперь, повеситься, что ли?

Они помолчали.

— Слушай, Егор, — начала Лидия, и он понял, что сейчас последует очередная сыщицкая идея. — Ну ладно, камеры. Запись можно затереть, кассету выбросить, камеру разбить и так далее. Но есть люди.

— Какие люди?

— Люди, с которыми ты работаешь. Какие-нибудь твои сотрудники. Подчиненные. Охранники, с которыми ты дружишь и которые точно знают, во сколько ты приходишь и уходишь. Есть такие?

— Всякие есть, — сказал Шубин, — только это-то тут при чем?

— Да при том, что если есть люди, которым ты доверяешь и которые совершенно точно выпадают из списка подозреваемых... Есть такие?

— Есть, — согласился он, подумав.

— Ну вот! — Она так махнула кружкой, что из нее на стол пролился кофе. — Тебе нужно поговорить с кем-нибудь, кто сидит в офисе столько же или дольше, чем ты сам. Кто работает на твоем этаже. Кто поздно ухо-

дит и рано приходит. Тебе просто нужно подумать, кто именно это может быть. И поговорить с ним. Может, этот человек видел *того, другого*. Может, *тот* приходил, когда тебя не было на месте. Может, время его прихода совпадет со временем, когда я получила послание. Может, оно совпадет с датами договоров. Ну хоть с чем-то оно совпадет! И тогда ты сможешь предъявить это своему Тимофею, и он тебе все простит. Вы обниметесь, заплачете, вспомните старые времена...

Она осеклась. Шубин смотрел на нее не отрываясь, как врач смотрит на тяжелобольного пациента.

— Ты что? — спросила она. — Опять хочешь сказать мне, что это все бред?

— Нет, — медленно проговорил он. — Это не бред. Это совсем не бред. Странно, что я не подумал об этом сразу, это ведь так просто! Проще всего...

У него так изменилось лицо, что она поставила кружку на стол и позвала тревожно:

— Шубин!

Он подошел к раковине и зачем-то открыл воду. И некоторое время смотрел, как брызги летят ему на живот, на толстую клетчатую рубаху. Потом задумчиво набрал кружку воды и вылил ее себе на голову.

— Шубин!

Он оглянулся с досадой, как будто она оторвала его от очень важного дела.

— Ты сама не понимаешь, как ты права, — сказал он и смахнул с физиономии воду. Рубаха у него на груди промокла и потемнела, как будто от крови. — Я знаю, у кого должен спросить. И я почти уверен, что получу ответ.

— У кого? — спросила Лидия нетерпеливо.

— У Катерины Ивановны. — Он стремительно выбежал из кухни и тотчас же вернулся. — Ты можешь поехать со мной. Поедешь?

— Шубин, — сказала Лидия, и голос у нее дрогнул, — я поеду с тобой куда хочешь, только не в три часа ночи.

Шубин посмотрел на часы. Потом на Лидию.

— Пока у нас есть время, ты мне можешь рассказать, кто такая эта Катерина Ивановна. — Лидия сладко улыбнулась. — Твоя любовница?

Шубин захохотал, запрокинув голову.

— Да! — сказал он и за отвороты халата выдернул Лидию из кресла. — Катерина Ивановна — моя любовница. Вся женская половина офиса — сплошь мои любовницы.

Лидия смотрела ему в лицо очень близко, так близко, что видела за очками тонкую сетку морщин и каждую черточку на губах, и чувствовала, как пахнет его толстая дорогая рубаша, и слышала, как он дышит. Как во сне, не отрывая от него глаз, Лидия поставила на стол недопитую чашку, медленно расстегнула верхнюю пуговицу толстой рубашки и потрогала кожу. Он был теплый и очень приятный на ощупь.

Шубин перестал хохотать и настороженно затих.

Лидия расстегнула еще одну пуговицу и сунула под рубашку вторую руку.

— У тебя стресс, — сказал Шубин, и Лидии показалось, что он говорит откуда-то издалека.

— Шубин, — Лидия сунула нос в распахнутый ворот рубашки, — твое благородство меня просто убивает.

— Благородство? — переспросил Шубин растерянно. Она и не знала, что он может так говорить. — Благородство?

И в эту секунду все изменилось.

Он схватил ее в объятия, сильно толкнув стол. Чашка упала и покатилась по мозаичному полу.

Все утратило прежний смысл.

Что из того, что стреляли и чуть не убили, что час назад Лидия лежала на животе в мокром снегу, а Шубин перешагнул через нее, не заметив? Что из того, что ничего еще не кончилось, и непонятно, что будет завтра с ними обоими, и кто такая эта Катерина Ивановна, и станет ли она вообще разговаривать с опальным Егором Шубиным, и простит ли его всесильный Тимофей Кольцов?

Да было ли все это вообще? Или приснилось в худшем из ночных кошмаров?

— У тебя стресс, — бормотал Шубин, не отрываясь от нее, — просто стресс.

— У меня не стресс. — Лидия прижималась к нему, трогала его, терлась о него снизу вверх, привставала на цыпочки, чтобы чувствовать его всего, как можно больше, во всю длину. — Просто ты мне нужен, так нужен...

Почему-то ей было очень просто в этом признаться. Наверное, у нее все-таки стресс. Никогда она не говорила ни одному мужчине, что он ей нужен. Потому что ни один из них до сих пор не был ей нужен.

И бабушка всегда уверяла, что женщина «должна держать марку», всегда быть на высоте и смотреть на мужчин со снисходительным безразличием.

«Где оно теперь, мое снисходительное безразличие?»

— Лидия! — Широкие ладони обхватили ее щеки, приподняли лицо. Некоторое время он смотрел на нее. Глаза были закрыты — все-таки ей почему-то было очень стыдно на него взглянуть, — на щеки вернулся смуглый коньячный румянец, порозовели маленькие нежные уши, запрокинутая шея казалась особенно беззащитной.

Смотреть на нее было выше сил Егора Шубина.

— Лидия.

Она открыла глаза, но в лицо ему так и не посмотрела.

Время вышло, подумал он лихорадочно. У него больше нет ни времени, ни сил, чтобы продолжать думать.

Выход только один — не думать.

Он как бы отпустил себя, разрешил себе, и яркий белый свет залил мозг. Стало трудно дышать, загорелась кожа, как будто его всего — с ног до головы — обдали сначала ледяной, а потом горячей водой.

Шубин потянул Лидию за руку. Идти было неудобно, они никак не могли оторваться друг от друга, разжать руки, освободиться от наваждения. Но жалкие остатки сознания, трепыхавшиеся в шубинской голове, пищали о том, что через минуту никуда идти он не сможет, а на кухне ничего нельзя — в доме полно народу, который они непременно перебудят и который немедленно явится выяснять, что происходит.

Рыча от злобного нетерпения, Шубин оторвался от нее и схватил за руку. Волоча за собой — она не успевала переставлять ноги, — он добрался до собственной спальни и наконец запер за собой дверь.

Яркий белый свет поглотил остатки сознания, как будто только и ждал, когда повернется ключ в вожденной двери.

Не осталось ничего, кроме желания, которое пожирало его изнутри, как пожар.

Лиди: была рядом с ним не только в постели, на которую они в конце концов упали, но и в голове, среди нестерпимого белого сияния. А, черт возьми, это почти невозможно выносить!..

— Это просто кошмар какой-то, — плачущим голосом пожаловалась она и укусила его за плечо, — это же просто невозможно, Господи!.. Я больше не могу.

— Можешь! — сказал Шубин и не узнал собственного голоса. — Можешь...

Если бы у него было чуточку больше времени, если бы белый свет не заливал мозг, если бы впереди у него была еще хотя бы одна возможность, может, он и не спешил бы так отчаянно и не тонул, захлебываясь и понимая, что ему уже не выплыть.

Или что-то изменилось не только вокруг, но и внутри его?..

Он не знал, что она испытывает — радость или боль, и сам не испытывал никакой радости. Какая потрясающая глупость — чувственное удовольствие! Разве жар, и боль, и мука, и ожидание, и зависимость, и страх — это удовольствие?!

Или у него просто заклинило в голове?

Почему-то она открыла глаза, и в последнюю, разлетевшуюся, как осколочная граната, секунду он увидел и понял все, что должен был увидеть и понять. На него надвинулся шквал, от которого не было спасения. Шквал накрыл его с головой, закружил, все в мире меняя местами, и почему-то оставил в живых.

Почему?..

Спать совершенно не хотелось. Он был свеж и бодр, как первокурсник в первый день зимней сес-

сии. И еще ему казалось, что все в его жизни теперь будет по-другому.

О таких штуках он читал в юности. Тогда все читали Ремарка и Хемингуэя, а эти парни больше всего любили написать про то, как меняет жизнь *настоящая любовь*.

Шубин внезапно захохотал и поперхнулся табачным дымом.

Идиот.

Полночи он занимался любовью с Лидией Шевелевой и дозанимался до того, что теперь ему кажется, что за эту ночь изменился мир.

У него просто задержка в развитии. Такие мысли, по идее, должны приходить лет в шестнадцать. И уходить в семнадцать. Если в семнадцать они не ушли — все. Считай, что пропал. Романтические мужчины не выживают в джунглях. Их поедает на завтрак вождь людоедского племени Кай-Куму.

Мир не изменился, шепнул кто-то так близко, что Егор Шубин посмотрел по сторонам, чтобы увидеть, кто это. Ты изменился. Только и всего. Все молекулы, из которых ты вроде бы состоишь, взяли да и перестроились в каком-то совершенно новом порядке. И даже не спросили тебя, хочешь ты этого или нет.

Теперь все будет в этом новом, незнакомом тебе порядке.

Принимай.

Начало и конец мира — это женщина, которая спит под твоим одеялом. Плохо ли, хорошо ли, а это именно так. Вполне возможно, что она тебе вовсе не подходит. Вполне возможно, что ты не сможешь с ней жить. Вполне возможно, что она окажется стервой, сукой, дрянью, но в твоём новом молекулярном порядке это не будет иметь никакого значения.

Ты обречен, как безнадежно больной.

И пусть кто-нибудь только посмеет сказать, что это и есть высокое романтическое чувство любовь!

«Почему еще утром мне казалось, что это так просто? Я даже был совершенно уверен, что женюсь на ней, как только — если! — все кончится благополучно!»

— Хелло, — произнес с порога хриплый сонный голос. — Почему ты меня не разбудил?

Егор вздрогнул от неожиданности и оглянулся.

Лидия стояла на пороге и прикрывала локтем глаза, которые слепил яркий свет. Волосы у нее были спутанные, губы розовые, щеки алые, вид недовольный. Мечта любого мужчины.

Она притягивала его к себе, как будто у нее в руках был невидимый аркан, прочно обхвативший его шею. Натяжение то ослабевало, то усиливалось, но совсем не исчезало. И уже не исчезнет никогда.

Шубин подошел к ней, обнял и прижал ее голову к себе, чтобы свет не слепил глаза.

— Зачем мне было тебя будить? — спросил он нежно. — Ты так хорошо спала.

— Ты хотел без меня уехать? — Она вывернулась и посмотрела ему в лицо.

— Нет, — соврал он. — Не хотел я без тебя уезжать. Я просто думал, что тебе лучше поспать.

— Ничего ты не думал, — сказала она зевая. — Ты все врешь. Ты всегда все врешь. — Она взяла его за руку и поцеловала косточки на пальцах, потом перевернула и еще зачем-то поцеловала в запястье. — Давай поедим? Есть очень хочется! И вообще мы непозволительно расслабились. Сколько времени?

— Семь. — Он улыбался как идиот. Впрочем, он и чувствовал себя идиотом. — Сейчас наши встанут.

— Во избежание недоразумений нам нужно уехать до этого?

— Как же! — сказал Егор. — Уехать! Дед нас просто так ни за что не выпустит.

Они помолчали.

— Ты думаешь, сегодня последний день? — спросила Лидия дрогнувшим голосом, отошла и стала смотреть в окно.

Это был опасный вопрос. Шубин был уверен, что все отпущенные им сроки давно прошли. Странно, что они еще до сих пор живы. Конечно, вчерашнему киллеру не повезло — он не знал, что Егор Шубин владеет ору-

жием лучше, чем он сам. И видит в темноте, и чувствует опасность, и знает, как уйти из-под выстрелов...

Могло быть и еще одно объяснение, в которое Егор Шубин не слишком верил: *тому* человеку внезапно что-то стало мешать. Он потерял необходимую для его дела свободу действий, потерял в самый последний момент, и это означало, что в игру включился Дудников, а значит, появился шанс. Один крохотный маленький шанс, которого так недоставало Егору Шубину.

— Лидия, — начал он медленно, — мы сейчас поедem к этой моей Катерине Ивановне. Я пока не знаю, получится из этого что-нибудь или нет. Но если получится, мне понадобится твоя помощь.

Она оглянулась и посмотрела на него с изумлением.

— Помощь? — переспросила она недоверчиво. — Тебе понадобится моя помощь?! Ты здоров? У тебя нет температуры? Или на тебя так влияет... секс?

— Секс и кекс, — буркнул Шубин. — Как влияет, я не понял?

— Даже когда я приперлась с пушкой в тот подвал, ты сказал мне, что я вполне могла и не вмешиваться. Или это Заяц сказал? Что у вас там были сложные тактические интересы, а я в них не разобралась и решила, что вам нужна помощь. Что вы лопухнулись, как обыкновенные самоуверенные мужики, и вам просто нужна помощь.

— Лидия, — сказал он раздраженно, — мне некогда сейчас заниматься воспоминаниями о том, что именно было в том подвале. Мне понадобится твоя помощь, только и всего.

— Какая помощь?

— Ты должна будешь позвонить своему Леонтьеву, или мы вместе к нему подъедем, а он должен будет позвонить в нашу пресс-службу и договориться о том, чтобы тебя пропустили на нашу территорию.

— А ты? Или я должна буду привезти тебя в багажнике?

— Там видно будет, — сказал Шубин загадочно. — Ты сумеешь его уговорить?

— Уговорить?

— Если ты не сумеешь его уговорить, мне придется его заставить. — Он улыбнулся. — Поняла? И ехать нам придется на твоей машине. Мою на территорию точно не пропустят.

— Доброе утро! — сказал в дверях дед, и они оба на него оглянулись. — Что так рано встали?

Он вошел в кухню с бодрой фальшивой улыбкой и потер руки одна о другую.

— Что там у нас сегодня с погодкой? — Он подошел к окну и смешно заглянул. — Кажется, опять похолодало. Но это просто замечательно! Зима должна быть морозной и снежной.

Шубин и Лидия смотрели на него во все глаза. Дед повернулся и тоже оглядел их. По очереди, сначала одного, потом второго.

— Егор, в коридоре стоит железный ящик от компьютера, — сообщил он все с той же фальшивой улыбкой. — Я чуть об него не споткнулся. У него в середине дыра. Вы что, вчера ночью грабили магазины электроники?

— Черт возьми, я совсем про него забыл, — пробормотал Шубин. Он забыл абсолютно про все. Он занимался любовью с Лидией и все забыл. Насилу утром вспомнил, что сегодня его должны убить.

— Это мой компьютер, — быстро сказала Лидия. — Мы его вчера забрали из моей квартиры, и я его случайно уронила на железный штырь около нашего подъезда. И в нем получилась дырка. Придется мне теперь новый покупать.

— Я тебе куплю, — пообещал Шубин и, не обращая внимания на деда, поцеловал ее в ухо. — Дед, хватит изображать короля Лира в четвертом акте, давай завтракать, у меня сегодня тяжелый день.

Он сказал это так, как когда-то — всегда! — говорил прежний Егор Шубин, и у Лидии даже закололо сердце от жалости и страха.

— А Димка спит? — спросил Егор, бесцельно открывая и закрывая дверцы шкафчиков.

— Спит, он вчера поздно лег, — сказал дед. — Егор, что именно ты ищешь? Может быть, я знаю, где это лежит?

— Я ищу завтрак, — объяснил Шубин. — А почему он поздно лег? «Спокойной ночи, малыши!» теперь идет с двух часов ночи?

— Он очень беспокоится за тебя, — сказал дед печально. — Мы все беспокоимся за тебя. Вчера весь день звонили наши родные и тоже беспокоились...

— Они беспокоились не за меня, а за мое материальное положение, — буркнул Егор. — Дед, а когда в этом доме подают завтрак?

— Тебе просто удобнее так думать. Удобнее и безопаснее. Ну и красивее, конечно. Ты один благородный герой, а все остальные просто нахлебники. Верно, Лидия Юрьевна?

— Я не знаю, — сказала Лидия и посмотрела в спину Шубина. — Я только знаю, что он и в самом деле благородный герой. Таких, как он, мало. Наверное, ваш последний остался, Василий Петрович.

Оба Шубина — дед и внук — моментально перестали заниматься своими делами, переглянулись и посмотрели на нее. Она покраснела.

— Спасибо вам, Лидия Юрьевна, — пробормотал дед неуверенно, — поверьте мне, это очень приятно слышать...

— Не каждый день удастся услышать, что ты благородный герой, — задумчиво сказал Шубин. — Особенно утром.

— Поджарить яичницу? — спросил дед поспешно. — Будете?

— Будем, — ответил Егор. — Дед, а телефон у нас работает? Или ты его опять выключил, чтобы не травмировать мои тонкие чувства?

В кухню вплыла Наталья Васильевна, снисходительно поздоровалась и оттеснила деда от плиты. Вид у нее был надменный, и Лидию она не замечала, как гордая свекровь неугодную невестку.

— Совместно проведенная ночь стала достоянием гласности, — неслышно сказал Шубин в ухо Лидии. — Бытовое разложение налицо. Вот и живи тут семьей...

Лидия фыркнула в стакан с соком и обрызгала собственную физиономию.

Среди всеобщего молчания они быстро и виновато, как парочка студентов, которая встречается против воли родителей, съели яичницу, поблагодарили величественную спину Натальи Васильевны и вышли из кухни.

Утро кончилось, а вместе с ним мирная жизнь.

Пришло время возвращаться на войну.

— Ты узнал, где живет эта твоя Василиса Петровна? — спросила Лидия, когда они одевались.

— Да, — сказал Шубин. — Катерина Ивановна. Мои водители несколько раз ее подвозили. Мои бывшие водители. — Он улыбнулся. — Я утром Паше позвонил, он мне сказал, где она живет.

— Ну как Паша? Что слышно в Пещере чудес?

— Я не спрашивал, — сказал Шубин холодно. — Меня это в данный момент интересует меньше всего.

Он зашнуровал ботинок, выпрямился, и они некоторое время просто смотрели друг на друга.

Потом Шубин отвернулся и хмуро глянул в глубь коридора, смутно сожалея, что никто не болтается рядом с ними и ему все-таки придется сказать то, чего говорить так не хотелось. И не умел он говорить ничего подобного.

— Лидия... — начал он, но она быстро перебила:

— Я ничего не стану слушать. Даже не начинай. Что это еще за «Прощание славянки»? Лучше поедем.

Он еще некоторое время смотрел на нее, то ли сердито, то ли печально, потом открыл входную дверь, подтолкнул Лидию в спину и крикнул:

— Дед! Мы уходим!

Когда дед выбежал в коридор, ругая себя за то, что не уследил и они успели собраться без него, дверь уже захлопнулась и только мерно покачивалась серебряная цепочка замка.

— Значит, так, — сказал Шубин, остановив машину. — Ты сидишь здесь и ждешь меня. Двигатель ты не глушишь, что бы ни происходило. Даже если придет делегация «Гринписа» и выстроится рядом с требованием прекратить отравлять окружающую среду. Если я через

полчаса не появлюсь, ты уезжаешь в наш офис на Ильинку и пытаешься попасть в пресс-службу. Вряд ли они тебя пустят, но пока ты будешь на батяниной территории, тебе ничто не угрожает. Поняла? Никаких самовольных действий и никакого бряцания оружием, ясно тебе? Ты не идешь меня спасать, и ты не делаешь ни одной попытки вылезти из машины. Она бронированная, поэтому если в тебя будут стрелять, то сразу не убьют и у тебя будет шанс добраться до Ильинки.

Он помолчал.

— Ты должна дать мне честное слово, что все выполнишь в точности.

— Я все выполню в точности, — сказала Лидия скучным голосом.

— Честное слово, — подсказал Шубин.

— Честное слово, — повторила Лидия, совершенно уверенная, что это самое слово ни к чему ее не обязывает. — Но ты все-таки постарайся через полчаса прийти.

— Постараюсь, — сказал Шубин и выпрыгнул из машины. Он немного помедлил, взявшись за ручку двери. — Вряд ли сегодня объявится следующий киллер, — сказал он, успокаивая больше себя, чем ее, — а вчерашний точно ни на что не годен.

Он захлопнул дверь и пошел к подъезду.

Лидия с водительского места следила за ним. Хлопнула коричневая грязная дверь, Шубин исчез. Как будто немного подумав, дверь снова немного приоткрылась. Вышла серая подъездная кошка, уселась на растаявшем крылечке и стала вылизывать лапу.

«Если все обойдется, заведу кошку, — решила Лидия. — Приеду, найду эту самую, облезлую, и она будет жить со мной.

Жить-поживать да добра наживать...»

Кажется, она уже сидела вот так в машине, ждала Егора Шубина и раздумывала, бандит он или просто полоумный. А кругом была непроглядная зимняя тьма, мела метель, и в той стороне, куда он ушел, раскачивался желтый фонарь.

«Господи, помоги ему! Помоги ему совсем чуть-чуть, Господи, и всю оставшуюся жизнь я больше ни о чем тебя не попрошу...»

С лестничной клетки Шубин посмотрел вниз. Джим спокойно стоял под окном, вокруг было тихо. Отсюда было не слышно, работает ли двигатель. Шубин очень надеялся, что Лидия указания выполняет и двигатель работает.

Он секунду постоял возле грязного окна, глядя вниз, потом взбежал еще на один пролет и позвонил.

Глупо было гадать, дома Катерина Ивановна или ее нет, и станет ли она вообще с ним разговаривать, и что выйдет из этого разговора, но он все-таки гадал.

За тонкой коридорной дверью зазвучали шаги, и он весь подобрался, локтем проверяя пистолет.

— Кто там?

— Катерина Ивановна, это Шубин Егор Степанович, — сказал он негромко. — Откроете?

Секундное молчание, колебание, которое он почувствовал как свое, — и дверь открылась.

— Здравствуйте, Егор Степанович, — сказала Катерина Ивановна. Даже дома она была похожа на бабушку из сказки Андерсена. Егор зажмурился на секунду, как будто вся прошлая жизнь бросилась ему наперерез и заслонила все остальное. Даже дышать стало трудно.

Они стояли, разделенные дверью, и смотрели друг на друга — бледный огромный Шубин с пистолетом, который он все время чувствовал локтем, и андерсеновская бабушка в крахмальном переднике.

— Проходите, — наконец пригласила она. — Я ждала вас раньше, Егор Степанович.

— Ждали? — поразился Егор. — Меня?!

У него даже во рту пересохло от волнения.

— Почему вы так удивляетесь? — спросила она с тихой насмешкой. — Вы же сейчас ко мне пришли. Значит, вам что-то от меня нужно. Я только была уверена, что вы придете гораздо раньше...

— Вы... знаете, о ком я хочу спросить? — запнувшись, произнес Егор. Слова застревали во рту, как будто он жевал картон.

— Знаю, — сказала она. — Я работала в кремлевском буфете, еще когда был жив Иосиф Виссарионович, — добавила она зачем-то, — я и тогда знала много интересного, и сейчас знаю, ведь буфетниц, как правило, не замечают. И еще вот что я вам скажу, Егор Степанович. Вам, молодым, только кажется, что время изменилось и все, чем вы живете, вы сами придумали только что. На самом деле все было. Все всегда было и очень мало изменилось.

— Вы поможете мне?

Она помолчала.

— Да. Помогу. Я давно живу и все понимаю. Мне нравится Тимофей Ильич, и мне не нравится, что его пытаются обмануть.

— А я? — спросил Егор и улыбнулся. — Я вам тоже нравлюсь?

Катерина Ивановна посмотрела на него довольно строго.

— А вы, Егор Степанович, никогда не относились ко мне как к личной прислуге.

Зазвонил телефон, и Димка проворно снял трубку.

— Алло!

— Господина Шубина, пожалуйста, — попросили в трубке сухо.

— Я господин Шубин, — ответил Димка басом. — А что? В трубке секунду помолчали.

— Если можно, попросите, пожалуйста, господина Егора Шубина, — сказали в трубке еще вежливее и с ударением на слове «Егора».

Димка покраснел, хотя никто не мог его видеть. Конечно, какой из него господин Шубин!..

— А... он уехал, — сказал Димка неопределенно. — Сейчас, одну минуточку.

Зажав микрофон ладонью, он крикнул:

— Дед! — и помолчал, прислушиваясь. — Деда!!!

— Что ты кричишь, Дима? — спросил дед, появляясь совершенно с другой стороны квартиры. — Что случилось?

— Ты не знаешь, куда Егор уехал?

— По делам, — сказал дед, подумав, — а что?

— Да его спрашивают, — пробормотал Димка и громко сказал в трубку: — Мы точно не знаем, куда он уехал. Это еще рано было.

— Спасибо, — поблагодарили в трубке. — Если он появится, попросите его, пожалуйста, срочно перезвонить в приемную Тимофея Ильича Кольцова.

— Куда? — переспросил оторопевший Димка.

— В приемную Тимофея Ильича Кольцова, — повторили в трубке холодно, и загудел отбой.

— Его ищут из приемной Кольцова, — быстро сказал Димка деду. Дед уронил газету. — Как ты думаешь, это хорошо или плохо?

Заверещал телефон, и Димка снова схватил трубку:

— Да! — Но там почему-то уныло гудел непрерывный сигнал, а телефон продолжал надрываться.

— Не этот телефон! — сказал дед. — Наверное, его мобильный.

Димка швырнул трубку на рычаг и, как гончая по следу зайца, побежал на истеричный телефонный звон. Дед трусил за ним.

Мобильный почему-то валялся под кроватью в Егоровой спальне. Димка на животе подполз к нему и ответил прямо из-под кровати:

— Да!

— Мне нужен господин Шубин, — промолвил все тот же ледяной голос. Димка так с перепугу и не разобрал, мужской он или женский.

— Он, наверное, забыл мобильный телефон, — забормотал Димка. — То есть не наверное, а точно забыл...

— Очень жаль, — сказали в трубке.

— Дима! — позвал дед.

Димка дернулся и стукнулся головой о кровать.

— Дед, — заорал он, выбираясь на волю, — мы должны его найти! Там что-то случилось. Не зря они его так ищут! Где он может быть?

— Понятия не имею, — сказал дед взволнованно. — А ты не знаешь телефона Лидии? Может, у нее он с собой?

— Нет, — сказал Димка. — Не знаю. Но это просто. Можно позвонить в ее газету, нанести там какой-нибудь пурги, и они дадут. А? Попробовать?

Дед присел на кровать, а Димка сидел на ковре. Так они сидели и смотрели друг на друга.

— Давай попробуем, — решил дед. — Шут знает, что там за дела...

Лидия считала до ста.

Она уже досчитала до ста тринадцать раз.

...двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре...

Двигатель урчал. Из подъезда вышла бабушка с нейлоновой сумкой и грязной белой болонкой на поводке. Постояла на крылечке и осторожно спустилась на дорожку, уговаривая свою псину не торопиться.

...тридцать один, тридцать два, тридцать три, тридцать шесть... Нет, тридцать четыре, тридцать пять...

Выскочил мальчишка в кое-как надвинутой шапке, зачерпнул снег, метнул в дерево и убежал за угол.

Что можно делать там так долго?! Куда он пропал?

«Господи, помоги ему! Тебе же это так просто, Господи! Он ни в чем не виноват, и он самый лучший человек на свете. Пусть я его больше не увижу, пусть он про меня сразу забудет, но только помоги ему! Нет, лучше пусть он про меня не забывает, но только помоги ему, Господи!»

...сорок, сорок один, сорок два...

Сколько можно считать?! В машине тепло, но почему-то очень мерзнут ноги и по спине ползут мурашки, как будто кто-то изучает ее затылок в прорезь прицела.

«Он придет, а я сижу тут с простреленной башкой, потому что снайперу наплевать на то, что это бронированная машина».

Снова хлопнула дверь. Пятясь, вышла девица и выволокла за собой коляску. Поправила что-то внутри белого свертка и покатила коляску по дорожке.

Оказывается, мир ничуть не изменился. Люди идут в магазин, гуляют с детьми и собаками. Живут, а не ждут, когда их пристрелят...

«Когда у меня будет ребенок, Шубин купит ему самую шикарную английскую коляску, похожую на карету для Золушки, и будет скулить от счастья и беспокойства, и носить-ся со мной, и баловать меня, и угождать мне, и искать няньку с гарвардским образованием, и я тогда совершенно разбалуюсь и потеряю человеческий облик».

Лидия вытерла лоб. Оказывается, в этой машине не просто тепло. В ней чудовищно жарко. Так жарко, что невозможно дышать. А окно открыть нельзя. Шубин запретил.

«До чего я там досчитала? До сорока пяти?»

Может, приемник включить? Шубин же не запретил включать приемник!»

Она потянулась к приемнику, и на голову ей обрушился телефонный звонок.

Он был настойчивый и громкий, как глас судьбы, которой надоело, что они все время от нее убегают.

Мокрой от пота рукой Лидия полезла в карман и вытащила телефон, отчаянно надеясь, что она ошиблась, что он не звонит. Он звонил. Он прямо разрывался от звона.

— Да, — сказала она мертвым голосом, совершенно уверенная, что это конец. — Слушаю.

— Лидия, — проговорил в телефоне растерянный, странно знакомый бас. — Это Дима Шубин. Ты меня слышишь?

— Дима, — повторила Лидия тупо. — Дима?!

— Да, — сказал он смущенно. — Это я. Ты прости, что я звоню, но мы с дедом решили...

— Что случилось?! — заорала она, крепче прижимая трубку к уху, которая скользила в мокрых пальцах. — Вас похитили? Вам угрожают?! Где вы, Димка?!

— Мы дома, — сказал он с некоторым удивлением. — Я собирался в институт, но решил, что еще день прогуляю... Егор с тобой?

— Нет, то есть да. То есть он со мной, но сейчас вышел из машины. — Язык заплетался, в животе стало горячо и больно, или это в сердце? — Что случилось, Димка? Где ты взял мой номер?!

— Передай ему, чтобы он позвонил в приемную Кольцова, — скороговоркой сказал Димка. — Оттуда уже три раза звонили. Не могут его найти. Передашь?

Мышеловка захлопнулась. Лидия слышала ее отвратительный ржавый скрежет. Она захлопнулась и перебила хребет глупой жадной мыши.

— Да, — сказала она. — Передам. Спасибо, Димка.

Она наклонилась вперед и прижалась лбом к передней панели.

Шубин выскочил из подъезда и не увидел Лидию в своей машине. Двигатель работал, стекла были целы, а Лидии нет.

Воздух застрял в легких, и стало невозможно дышать.

Ушла? Увели? Застрелили?

В абсолютной тишине, от которой стало больно в голове, он подошел к машине и рванул дверцу.

Она сидела на полу и смотрела прямо перед собой. Джинсовые колени были чем-то перепачканы, как будто она ползала по грязи.

— Лидия?!

Она подняла на него глаза, и он даже отступил немного — так она изменилась.

— Тебе звонили из приемной Кольцова, — выговорила она с усилием, — просили срочно связаться. Это конец, да?

Абсолютная тишина внутри его головы дала трещину, и в нее хлынул привычный шум — ровное урчание двигателя, рев машин на улице, голоса старух на соседней лавочке, крики мальчишек, гонявших шайбу на крохотном ледяном пятачке, и собственное тяжелое дыхание. Ему даже пришлось поддержать голову рукой, чтобы она не лопнула.

— Когда? — спросил он спокойно. — Когда звонили?

— Димка сказал, что звонили уже трижды. — Сидя на полу, она протянула к нему руку, в которой был телефон. — Все? Мы проиграли?

Он сел на водительское место, вытащил телефон у нее из руки и набрал номер.

Лидия смотрела на него не отрываясь.

— Шубин, — сказал он в трубку. — Вы просили связаться, Елена Львовна?

Он слушал совсем недолго, а потом сказал:

— Со мной еще один человек. Я могу попросить вас заказать ей пропуск? Шевелева Лидия Юрьевна. Да. Она самая. Минут через пятнадцать.

Он нажал отбой и сунул трубку под щиток. И посмотрел на Лидию.

— Они нас ждут, — сказал он. — Вылезай. Нужно ехать.

Пресс-конференция началась секунда в секунду, что было редкостью для пресс-конференций. Маленький зал «Эха Москвы» ломился от журналистов и камер.

Вел пресс-конференцию бледный мужчина в дорогих очках, перед которым стояла табличка с надписью «Михаил Терентьев». Рядом с ним помещался Тимофей Ильич Кольцов, впервые за последние два месяца вышедший из подполья и появившийся перед журналистами.

По всегдашней привычке брать быка за рога Тимофей Ильич не дал своему ведущему даже рта раскрыть.

— Добрый день, господа и дамы, — сказал он немыслимым низким голосом, который идеально подходил ему и делал все, что он говорил, необыкновенно внушительным. — Моя пресс-служба настояла на сегодняшней пресс-конференции, и я... гм... рад возможности вновь увидеться с вами.

По залу прошел некоторый шум. Это прозвучало примерно как «чтоб вы все провалились; проклятые, но раз надо, я готов потратить на вас немного своего драгоценного времени».

— Я не сторонник вынесения сора из избы, — продолжил Тимофей Ильич, — но в данном случае я, кажется, остался в одиночестве. Мы решили дать официальные объяснения по поводу скандала, который, как всем вам хорошо известно, произошел в нашей корпорации. Мы

свели ущерб к минимуму и считаем, что сегодняшняя пресс-конференция поставит точку во всем этом деле.

Он обвел зал тяжелым взглядом. Взгляд Тимофея Кольцова человек неподготовленный вынести не мог, поэтому большинство присутствующих как по команде опустили глаза. Тимофей Ильич усмехнулся.

— Несколько месяцев назад один из моих заместителей, человек очень близкий и доверенный, начал большую игру. — Катерина придумала эту «большую игру» вчера, когда писала ему речь, и Тимофею было приятно произнести это, потому что напоминало о Катерине.

Вообще сегодняшнее представление не особенно его интересовало. Он уже принял меры, перешагнул через все случившееся и пошел дальше, но Катерина настаивала на какой-то там гласности и открытости, и он согласился. Хрен с ней, пусть будет открытость, если Катерине так хочется.

— Игра заключалась в том, что часть сырья, которое поступает на наши производства, по нашим же каналам стала уходить за границу. В ноябре совет директоров освободил от занимаемой должности господина Долголенко, тогдашнего генерального директора завода «Янтарь», который, по нашим сведениям, был задействован в цепочке. — Тимофей снова посмотрел в зал. Журналисты сидели не шелохнувшись, вытянув в его сторону напряженные руки с диктофонами, как палестинские нищие. Почему-то именно палестинских нищих Тимофей особенно не любил. Камеры работали. Тимофей видел их красные злые глаза. Еще бы, такие откровения!..

— В декабре наша служба безопасности выявила организатора цепочки. Как вы все знаете, им оказался мой заместитель господин Барышев. Николай Николаевич. — Голос немножко подвел в самый неподходящий момент, странно дрогнул. Ей-богу, Тимофей предпочел бы, чтобы это был Шубин, а не Коля Барышев, вместе с которым они начинали столько лет назад!.. — Мы собрали необходимые документы и передали дело в Генеральную прокуратуру. Вчера господин Барышев был взят под стражу. Вот, собственно, и вся история. Можете задавать вопросы.

Первым, по неписаному, но никогда не нарушаемому закону, спрашивал лохматый и насмешливый Венедиктов, главный начальник «Эха Москвы». Тимофей давно его знал, относился к нему хорошо и отчасти уважал в отличие от всей остальной журналистской братии, которую он презирал и даже не давал себе труда скрывать это.

— Тимофей Ильич, — сказал Венедиктов таким тоном, как будто он знал в сто раз больше, чем все остальные, вместе взятые, — это совершенно уникальный случай, когда коммерческая структура такого уровня, как холдинг «Янтарь», обращается в правоохранительные органы, а не разбирается с предателем по-своему, по-отечески. В чем тут дело?

— Времена меняются, Алексей, — сказал Тимофей Ильич, смеясь глазами, — и мы меняемся вместе с ними...

— Газета «Время, вперед!» опубликовала материал, где в хищениях обвинялся совершенно другой ваш заместитель, Егор Шубин. Это оказалось просто газетной «уткой»?

— Это было частью большой игры, которую затеял господин Барышев. — Тимофей больше не спотыкался на его фамилии. — А ваши коллеги информацию как следует не проверили. Это с вами часто бывает, правда?

Зал снова несколько дрогнул.

— Тимофей Ильич, Андрей Самокатов, программа «Вести», Российское телевидение. Какие именно документы были отправлены в Генеральную прокуратуру и как вам удалось доказать причастность Барышева к вывозу сырья?

— Я ничего никому не доказывал, — сказал Тимофей Ильич как-то так, что моментально стало понятно, что вопрос глупый. — Документы готовили наша служба безопасности и юридическая служба, которые по роду работы оказались задействованы больше всего. Я уверен, что Генеральный прокурор обнародует эти документы, когда сочтет необходимым. На данном этапе меня это совершенно не касается. Обе эти службы действовали профессионально и толково. Я рад, что со мной работают профессионалы.

— Вы восстановили на работе господина Шубина.

312 Означает ли это, что вы снова полностью ему доверяете?

— Означает, — сказал Тимофей. — Господину Шубину пришлось пережить несколько неприятных моментов, но сейчас наши с ним разногласия полностью улажены. Впрочем, вы можете сами спросить у него. Егор Степанович!

Шубин молча кивнул и стоически терпел, пока на него наводили камеры и вспышки полыхали в лицо. Вид у него был самоуверенный и холодный, и ничуть не было похоже, что ему «пришлось пережить несколько неприятных моментов».

— Батяня-то наш вон как говорить научился, — сказал Игорь Абдрашидзе на ухо Катерине Солнцевой, Тимофеевой жене.

— Оратор, — согласилась Катерина весело. Им стоило немалых усилий уговорить Тимофея на эту пресс-конференцию, и она была очень собой довольна. Пока все шло хорошо, и если так пойдет и дальше, пожалуй, они даже смогут втолковать Тимофею, что корпоративной культурой пренебрегать не стоит.

Катерина была страшно горда, что у нее такой муж.

— Марк Штерн, радио «Свобода». Господин Шубин, как вам удалось доказать свою непричастность к скандалу, ведь документы, опубликованные в прессе, недвусмысленно указывали на то, что за всем этим стоите именно вы?

Шубин помедлил с ответом, глядя в переполненный зал.

— Как вы прекрасно понимаете, я был очень заинтересован в том, чтобы представить такие доказательства, — начал он. — Это было не слишком просто. Правда, у меня все время было одно важное преимущество. Я точно знал, что не делал ничего из того, что было опубликовано в газете «Время, вперед!». — Он слегка улыбнулся, по всему залу опять полыхнули вспышки. — Я не могу посвящать общественность в тонкости своего частного расследования, скажу только, что я нашел свидетеля, вернее, свидетельницу, чьи показания убедили... моих коллег в том, что господин Барышев просто пытался использовать юридическую службу и меня в личных целях. Кстати сказать, к тому времени, когда я ее нашел, наша служба безопасности уже установила, что цепочку организовал именно Барышев. Все докумен-

ты, как только что заявил Тимофей Ильич, переданы в Генеральную прокуратуру.

— Владимир Дмитриев, «Аргументы и факты». Господин Шубин, имеет ли отношение к этому делу внезапная смерть одного из ведущих обозревателей газеты «Время, вперед!», Григория Распутина, а также увольнение заместителя главного редактора этой газеты Игоря Леонтьева?

— О смерти этого журналиста я слышу впервые, — сказал Шубин холодно, — впрочем, случается, что и журналисты от чего-то умирают. Верно? Что касается увольнения господина Леонтьева, то, насколько мне известно, это было сделано по решению редакционной коллегии, поскольку именно господин Леонтьев так поспешил с опубликованием совершенно непроверенного материала.

— Вы будете преследовать эту газету в судебном порядке?

На этот вопрос почему-то ответил сам Тимофей Кольцов:

— Газета принесла нам официальные извинения, которые мы приняли. Начинать процесс мы не станем. В конце концов, мы сами не сразу разобрались в ситуации. Кроме того, у нашей юридической службы в данный момент накопилась масса дел, и добавлять к ним лишний судебный процесс нам кажется нецелесообразным.

— Господа, последний вопрос, — неожиданно включился промолчавший всю пресс-конференцию ведущий Михаил Терентьев.

— Все, — тихонько сказала Катерина Солнцева, — отдержали.

Абдрашидзе кивнул, поднимаясь. Им нужно было незаметно и тихо выскользнуть из зала за несколько секунд до окончания. Батяня никогда не ждал свою команду, даже если их в самом деле задерживали непреодолимые обстоятельства.

Катерина протиснулась к маленькой боковой двери, Венедиктов делал ей знаки. Не понимая, что ему от нее нужно, она кивнула и улыбнулась. Пресс-конференция закончилась. Охрана Кольцова теснила журналистов, которые рвались к столу в надежде получить хоть самое коротенькое, но эксклюзивное интервью.

— Прямой эфир на сколько рассчитан? — спросил рядом Абдрашидзе. Через десять минут начинался прямой эфир на «Эхе Москвы», то самое эксклюзивное интервью, которое Тимофей даст Венедиктову, единственному из всех.

— Ты же знаешь, — сказала Катерина рассеянно. К ним приближался Тимофей, окруженный охраной, а журналисты уже атаковали Шубина. — Пятнадцать минут.

Они вошли в смежную комнату, и через несколько секунд туда же ввалился Кольцов со свитой.

— Как мне надоело это дело! — сказал он сердито. — Да еще прямой эфир какой-то выдумали!

— Ты молодец, — сказала ему Катерина негромко. Все отошли от них, они вдвоем стояли в центре магического круга, за который никто не смел заступить, — я знаю, как тебе было непросто...

— Уж это точно, — буркнул Тимофей Ильич, — а Шубин ничего... Не сдрейфил, хоть я его и пугал, когда публикацию увидел... Я думал, он хлипкий, а он ничего... Ты заметила ту девицу, с которой он тогда приехал? Ну, которая статью написала?

— Нет, — ответила удивленная Катерина. — А что, она была?

— Была, — произнес Тимофей, внезапно приходя в хорошее настроение, — и смотрела на него, как влюбленная кошка. Мне Дудников сказал, что они на почве спасения утопающих очень душевно сблизились.

Это было смешно и совсем не похоже на ее мужа. Она засмеялась и, глянув по сторонам, быстро его поцеловала.

— Ты просто старый сплетник, — сказала она Всесильному, Великому, Могучему и Ужасному Тимофею Кольцову.

— Егор Степанович, вы просили напомнить, что в четыре часа у вас совещание с начальниками отделов, а в шесть Муромцев из Министерства юстиции.

Егор с раздражением посмотрел на селектор.

Зачем он собирает это совещание с начальниками отделов? О чем они будут совещаться? Хоть бы кто

напомнил ему, что это за совещание такое и зачем ему понадобилось его собирать!

Он откинулся в кресле и потер глаза под очками.

— А вы не знаете... — начал он, поддавшись порыву, но остановился. Не спрашивать же в самом деле у собственной секретарши, какого черта он назначил это совещание!

— Да, Егор Степанович? — спросила секретарша из селектора таким угодливо-сладким голосом, что у него даже зубы заболели. Почему он ее не увольняет, когда она его так бесит?!

Из человеколюбия, вот почему, решил он внезапно. Побегал неделю без работы и без надежды на нормальную жизнь, вот теперь и... не увольняет.

Чтобы понять другого человека, нужно ненадолго влезть в его шкуру...

— Ничего, — буркнул он и нажал кнопку отключения громкой связи, но через несколько минут, только он вчитался в бумаги, селектор снова призывно хрюкнул, требуя его внимания. — Ну что еще?

— Егор Степанович, — проговорила секретарша виновато, — я забыла сказать... Из приемной Тимофея Ильича сообщили, что он улетает не в понедельник, а вечером в четверг, и вы соответственно тоже...

— Замечательно, — пробормотал Егор, — узнайте хоть, какая там погода в этой Женеве.

— Хорошо, Егор Степанович, — быстро ответила секретарша и отключилась.

Он снова накинулся на работу, которой за время его отсутствия накопилось какое-то совершенно неправдоподобное количество. Он даже представить себе не мог, что неделя — это так много. Или у него просто очень плохо организованные сотрудники, которые без него ничего не могут?

И дома все не слава Богу.

Любимый братец объявил, что в институт он больше не пойдет, потому как понял, что это совершенно «не его», а станет заниматься бизнесом. А уж позанимавшись немного, он поймет, чему должен учиться.

Идиот, сопляк...

Дед, конечно, моментально прикинулся больным и немощным, и лекарство от его немощи было только одно — Димкино возвращение в институт, куда Димка возвращаться не собирался.

Вчера позвонила Лидина мамаша и полвечера продержала Лидию у телефона. Егор в конце концов вышел из себя, взял параллельную трубку, послушал мамашины выступления на том конце провода, а потом предложил ей пересмотреть свою жизненную позицию и перестать кривляться. Мамаша стала всхлипывать, Егор трубку положил, и после этого у них с Лидией вышла почти что ссора.

— Зачем ты вмешиваешься! — кричала она. — Я же не вмешиваюсь в дела твоей матери!

— Ты вполне можешь в них вмешиваться, — отвечал он, — но слушать твою мамашу и оставаться в здравом рассудке просто невозможно.

— Ну и не слушал бы! Она же не тебе звонила!

Кроме того, оживились все остальные родственники, впавшие было в столбняк во время его короткой опалы. Всем срочно понадобилась его помощь, а некоторым еще и разъяснения по поводу Лидии. Большинство выражали в ее адрес праведное негодование и осторожное любопытство. Негодования было больше. Всех очень волновал вопрос, что будет с ними, если Егор вдруг обзаведется собственной семьей.

Егор улыбнулся, рассматривая какие-то бумаги.

Все оказалось так просто. Даже проще, чем он думал.

Она осталась с ним, в его квартире, в его постели, и он даже выдал ей из личных запасов брелок, открывающий гаражные ворота. Этот брелок был как бы обещанием, что она никуда от него не денется. И каждый день, возвращаясь домой с работы, он будет заставлять ее в кухне с чашкой чая, о которую она всегда задумчиво грела руки, или в собственном кабинете за компьютером среди разложенных бумаг, или на полу в гостиной, где они с Димкой по секрету от деда, который не выносил карт, играли в дурака, делая вид, что играют в шахматы.

У Егора все никак не получалось сказать ей что-то такое важное, главное, что навсегда определило бы

их отношения, назвать словами тот самый новый молекулярный порядок, в котором он теперь жил.

Он терпеть не мог слова «отношения»...

Он задумчиво перелистнул страницу. Столько работы, а он думает неизвестно о чем, да к тому же в Швейцарию лететь придется на целых четыре дня раньше запланированного срока!

Ночь они провели просто замечательно, а утром Лидия, так и не простившая ему вмешательства в ее личные дела, была холодна и независима, уехала еще до того, как он допил кофе, и целый день не звонит, черт бы ее побрал.

Словно отвечая на его мысли, затихший было селектор снова ожил, и Егор злобно посмотрел на него.

— Егор Степанович, — пропищала секретарша, — Лидия Шевелева, газета «Коммерсантъ», на второй линии. Будете разговаривать?

Шубин снял очки и осторожно положил их на бумаги. И откинулся на спинку кресла. И пристроил ноги на шаткий компьютерный столик.

— Давайте, — приказал он, чувствуя, как на лице сама собой возникает блаженная идиотская улыбка. — Давайте мне Лидию Шевелеву из газеты «Коммерсантъ».

Улыбаясь этой самой идиотской улыбкой, он услышал, как теплый коньячный голос произнес ему в ухо:

— Привет.

И тогда, продолжая улыбаться, он сказал то, что ему так давно хотелось ей сказать, но почему-то не получалось и получилось только сейчас:

— Я тебя люблю. Слышишь?

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Повелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Устинова Татьяна

Большая игра

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: Н.В. Пашкова

Компьютерная верстка: В.А. Смехов

Технический редактор О.В. Панкраткина

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

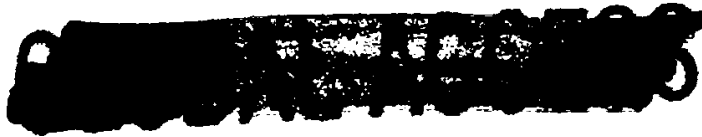
Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУПН ордена Трудового Красного Знамени
«Детская книга» МПТР РФ.
127018, Москва, Суховский вал, 49.

ATLANTA-FULTON PUBLIC LIBRARY

OCEE LIBRARY

RN FICTION USTINOVA
Ustinova, Tatiana.
Bolshaia igra

Молоденькая и безжалостно-жесткая журналистка Лидия привыкла делать карьеру «на костях новых русских». И разоблачительная статья о блестящем юристе Егоре Шубине — всего лишь очередной ее шаг на «пути вверх»...

Никогда — и ни за что! — не заподозрила бы Лидия, что именно Егор, человек, который должен был люто ее возненавидеть, станет для нее СУДЬБОЙ. Станет счастьем и смыслом существования, страстным возлюбленным — и первым мужчиной, который заставит ее почувствовать себя ЖЕНЩИНОЙ, желанной, обожаемой и защищенной...

ISBN 5-17-017425-X

